

**Ж У Р Н А Л Ъ**  
**РОССІЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ,**

**издаваемый**

*Николаемъ Брусиловымъ.*

**ЧАСТЬ I.**

---

---

---

**Въ Санктпетербургѣ, 1805.**  
**печатано въ Императорской Типографіи.**

Съ дозволенія Санктпетербургскаго  
Цензурнаго Комитета.

---

Ж У Р Н А Л Ъ  
РОССІЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Генварь 1805.

№ 1.

---

Словесность.

---

I. .

*Къ Читателямъ.*

Въ изданной въ прошедшемъ году  
краткой Программѣ, мы не могли объяснить  
всей цѣли сего Журнала. Теперь  
поставляемъ долгомъ показать подробнѣе  
Читателямъ намѣреніе наше.

Въ Журналѣ семъ будупъ помѣщаются  
*новыя* произведенія Россійской  
Словесности въ стихахъ и прозѣ. Главной  
предмѣтѣ онаго, есть соединеніе  
*приятнаго съ полезнымъ*, а лучшимъ опи-  
зывъ публики, одно изъ первыхъ нашихъ  
желаній.

Каждой номеръ сего Журнала заключать въ себѣ будетъ четыре отдѣленія.

Въ первомъ отдѣленіи будутъ помещаться: *Рускія повѣсти — Отрывки о Руской Словесности, нравственности, Театръ и пр. — Извлеченія изъ лучшихъ сочинителей Рускихъ и Иностранныхъ — Разсмотрѣнія Рускихъ и съ Иностранныхъ языковъ вновь переводимыхъ книгъ.*

Во второмъ: *разнаго рода Стихотворенія.*

Въ третьемъ: *Извѣстія о новыхъ произведеніяхъ Россійской и Иностранной Словесности.*

Въ четвертомъ отдѣленіи: *Смѣсь.*

Предваряемъ читателей, что критика наша болѣе будетъ простирается на современные книги — надѣмся, что отъ насъ не потребуютъ разсмотрѣнія всѣхъ книгъ вновь издаваемыхъ, ибо это превосходитъ силы одного человека и ни мало не сообразно съ предпринимаемою нами цѣлю. Впрочемъ — смѣемъ увѣрить Читателей нашихъ, что мы приложимъ всѣ старанія, дабы выборомъ разсматриваемыхъ книгъ и сочиненій,

помѣщаемыхъ въ Журналъ нашемъ, заслуживъ одобрение публики.

Мы щасливыми себя почтемъ, есльи труды наши принесутъ хотя малую пользу и удовольствіе любезнымъ соотечественникамъ.

*Издатель.*

---

## II.

### *Нѣчто о Критикѣ.*

Кришика многихъ успрашаетъ — хотя и правда, что она мало наугаетъ насъ писать и что гораздо сильнѣе дѣйствуютъ образцы и примѣры, хотя правда и то, что хорошая книга есть самая лучшая критика на дурную книгу; однакожъ кришика нужна для успѣховъ Словесности — ибо она болѣе всего очищаетъ и усовершенствуетъ вкусъ. Но должно признаться, чтобы рѣшить участь книги и славу сочинителя, надобно быть Квинцианомъ или Лагарпомъ.

Кришики помѣщаемыя у насъ въ Журналахъ, иногда наполнены однимъ насмѣшками — есть однакожъ изъ нихъ

и такія, которыя дають сочинителю истинныя уроки Словесности. Въ число сихъ включивъ можно нѣкоторыя крипики Московскаго Журнала и нѣкоторыя помѣщенныя въ Сѣверномъ Вѣспникѣ, какъ то: разсмотрѣніе поэмы Пётръ Великій и разсмотрѣніе рецензій Московскаго Меркурія; мы не знаемъ кто писалъ ихъ; но признательно сказать должно, что онѣ изъ лучшихъ на нашемъ языкѣ и писаны такъ, какъ должна быть писана Крипика имѣющая благонамѣренную цѣль. Она должна быть не двусмысленна, ясна и благоприспозна. Колкости и насмѣшки приличны въ Комедіяхъ, гдѣ шутятъ на общій щетъ; но Крипика относится на одно лицо, иногда извѣстное публикѣ, слѣдовательно колкости въ крипикѣ столь же неизвинительны и также не могутъ быть терпимы, какъ и личныя комедіи. Квинтилианъ, Лонгинъ, Лагарпъ, Вольтеръ, крипиковали справедливо; но безъ всякой обиды Сочинителю, цѣль ихъ Крипики была отдавать должную цѣну хорошимъ писателямъ и исправлять дур-

ныхъ, дашь симъ послѣднимъ уроки, но не оскорбишь, не ожеспочишь ихъ — они говорили какъ учители и мы счастливы бы были, ешьли бы наши Кришки спарались имъ подражать.

Хотя Вольперъ и вольнѣ другихъ въ своей Кришкѣ, хотя и позволяеъ себѣ иногда колкія шупки, но онъ извинительны, ибо опносяся не на лице сочинителя, но на его сочиненіе. Самъ Вольперъ говориъ, что *Сатирики ограничиваются однимъ только шутками, острымъ словомъ, колкостью; но то тотъ, кто хогетъ научиться или научить другихъ, долженъ все разбирать и изслѣдовать съ величайшею осмотрительностію.*

Первое достоинство Кришки ешь *безпристрастіе*, безъ онаго и самый паланъ послужитъ только къ большому заблужденію.

Огорчишь человека легко — сказать, что книга никуда негодится и того легче; но сего ли пребуется отъ Рецензента?

Прочешъ книгу не одинъ разъ, поьяшь цѣль сочинителя, разобрашь оную

со всевозможнымъ безпристрастіемъ, показашь не одни недоспапки, но и совершенства оной, ибо рѣдкая книга можетъ быть дурна и бесполезна во всѣхъ отношеніяхъ, дѣлашь приговоръ не рѣшительной, но справедливой, употребляшь выраженія не колкія, но приличныя, не смѣяшья ни на щетъ сочинителя, ни на щетъ его книги; но говоришья истинну, повторимъ еще разъ, что *прогестъ* книгу всю, а не *разкрываетъ* полько ее на удачу — и помнишья, что лучше одну разсмопрѣшья со вниманіемъ, нежели о ста книгахъ сказашья миѣніе слегка. — Вотъ правила благоразумной Кришки, копорымъ можетъ быть не всѣ слѣдуютъ. Иногда злорѣчіе почитается за оспроумную Кришку. *Tout faiseur de journal, doit tribut au malin*, сказаъ Лафонпень. — Вольперъ замѣтилъ, что лучше платишья данъ *справедливости* и *здравому разсудку*. Въ сихъ словахъ Вольпера заключающья главнѣйшія правила Кришки.

---

## III.

*Письмо деревенскаго жителя о воспитаніи. (\*)*

Г. Издапель!

Десять лѣтъ уже, какъ я оставилъ городъ и живу въ маленькой деревнѣ своей, въ самой опдаленной провинціи. Не думайте, чтобы ненависть къ людямъ заставила меня удалиться въ пустыню — нѣтъ! но мнѣ кажется, что человекъ, которой прицать лѣтъ жизни своей посвятилъ на службу Государя и в Опечества, нѣкоторымъ образомъ имѣетъ уже право наслаждаться покоемъ. Малое время, которое остається мнѣ отъ хозяйскихъ заботъ, я употребляю на пользу собственно себѣ. Читаю, наблюдаю, замѣчаю, а иногда отъ скуки самъ мараю бумагу, *не марая* однакожъ честныхъ людей — я не люблю Саширъ.

Обдумывая многія предмѣпы, между прочимъ обращаю я часто вниманіе на

---

(\*) Прислано отъ неизвѣстнаго.

воспитаніе нашего юношества, предметъ тѣмъ болѣе достойный уваженія, что отъ него зависитъ благо семейственное и общественное, равно какъ частное и общее зло.

Всѣ просвѣщенные народы, всѣ благонамѣренныя правительства, усpreмляютъ вниманіе на воспитаніе юношей, ибо нѣкогда въ нихъ мы должны находить достойныхъ сыновъ Отечества.

Россія Геніемъ изъ тьмы невѣжества извлеченная, Россія дополъ мало образованная, Отеческими попеченіями Петра Великаго и его преемниковъ, взшла въ одинъ вѣкъ на ту степень славы, величія и могущества, на которую многіе народы медленно восходили. Сей скорый переходъ отъ невѣжества къ просвѣщенію, отъ порабощенія къ славѣ, должно приписать единственно попеченію Государей нашихъ, которыхъ мы правильно чтимъ *Отцами Отечества*.

Какой Россіянинъ взглянувъ въ исторію просвѣщенія въ любезномъ Отествѣ, не прольетъ радостныхъ слезъ благодарности и восторга, увидя какіе

успѣхи оказало у насъ просвѣщеніе въ теченіи столѣтій?

Нѣшѣ! не одною храбростію, не однимъ мужествомъ могутъ гордиться Россіяне! они могутъ превозноситься и скорыми успѣхами просвѣщенія своего, которые доказываютъ пылкій умъ народа. Взгляните на другія Государства; вездѣ образованіе и науки шли медленно, одна только Россія въ столѣтій сравнялась, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и превзошла тѣхъ, кои уже нѣсколько вѣковъ славились своимъ просвѣщеніемъ! ученики превзошли своихъ учителей!

Но не взирая на сіи скорые успѣхи, безпристрастной наблюдатель съ сожалѣніемъ увидитъ еще великіе недостатки въ физическомъ и нравственномъ воспитаніи.

Я не буду входить въ разсужденіе о воспитаніи физическомъ, Начала извѣстныя Локкомъ, Руссо, и прочими учеными — правила признанныя всѣми просвѣщенными умами, касательно воспитанія Физическаго, извѣстны вся-

кому. Въ разсужденіяхъ моихъ, которые прошу васъ помѣспить въ вашемъ Журналѣ, коснусь я шолько нѣкоторой части нравспвеннаго воспитанія — въ послѣдствіи, еспьли замѣчанія мои будупъ удоспоены вниманія, я сообщу вамъ еще нѣкоторыя.

Чувспвуя сколь слабы шаланшы мои для столь обширнаго предмѣша, я обввляю чипашелямъ моимъ, что единое усердіе ко благу общему побудили меня написать сіи примѣчанія. Впрочемъ—я не врагъ крипки благонамѣренной и ни мало не оскорблюсь, ежели кто приметъ на себя шрудъ открьпъ мои заблужденія. — Я увѣренъ и пребуду всегда убвжденнымъ въ истиннѣ, что Крипка и самая спрогая, не шолько не можетъ оскорбить писателя и остановитъ его среди шрудовъ и самыхъ бесполезныхъ; но еще послужитъ урокомъ, которой исправитъ заблужденія и погрѣшноеси и (вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ людей) скажу, что Крипка приноситъ несомнѣнную пользу. Но обращаюсь къ моему предмѣшу:

Воспитаніе нынѣ составляетъ одно изъ главнѣйшихъ попеченій нашихъ. Рѣдкою, кто бы не говорилъ о воспитаніи, рѣдкою кпобы въ сей прудной наукѣ не ставилъ себя выше Локка и Руссо; но не всякой знаетъ священныя обязанности воспитателя, не всякой печется о образованіи вмѣстѣ ума и сердца. Иногда одна блестящая наружность, дарованія болѣе искусственныя, нежели умственные при всѣхъ дурныхъ качествахъ души и наклонности ко злу, доставляютъ молодому человѣку названіе благовоспитаннаго. „Большіе таланты не нужны для счастья, сказали вы въ одномъ изъ вашихъ сочиненій, счастье человѣка въ нашемъ вѣкѣ зависитъ отъ бездѣлцы — хорошо молодой человѣкъ танцуетъ, хорошо одѣтъ, хорошо играетъ въ карты, счастье его сдѣлано! Мало людей которые скажутъ: молодой человѣкъ съ талантами, какъ пишеть остро, какъ судитъ здраво—по большой части говорятъ: молодой человѣкъ съ талантами, какъ танцуетъ, какъ одѣтъ!,, И мнѣ кажешся, Г. м., что вы сказали правду.

Педанты и нѣкоторые спарики привикшіе хвалишь *старое* и осуждають *новое*, и люди всѣмъ недовольные, опорочиваютъ даже и то, что нужно въ общежитіи чловѣку благовоспитанному—они въ жару споровъ кричатъ: „Опцы! горе вамъ, „еслии вы предпочипаете свѣтскую „ловкость нравственному образованію „дѣтей вашихъ!,, Но чловѣкъ умной не запираетъ себя въ бочку и знаетъ, что свѣтское обращеніе ни мало не уменьшаетъ достоинствъ чловѣка и что не сидя между чепырьмя стѣнами, танцуя вальсъ, одѣваясь по модѣ, можно быть умнымъ чловѣкомъ, хорошимъ писателемъ и даже философомъ. Онъ знаетъ, что веселость не ведетъ къ развращенію, что живя между людьми, надобно быть чловѣкомъ; онъ знаетъ что въ мірѣ (не смотря на оный въ *мизантропскія* очки) при части добрыхъ, а чепвертая могла бы быть добрыми, еслии бы воспитаніе, худыя примѣры, и нѣкоторыя обстоятельствова въ печеніи жизни имъ вспрѣшившіяся, не вынудили ихъ быть злыми — что чловѣкъ

*не можетъ любить зла потому только, что оно зло (\*)*, онъ знаетъ что не все на свѣтѣ пороки, что есть и слабости, заблужденія, ложныя понятія — знаетъ, ограничивается только скромнымъ оныхъ изслѣдованіемъ, и не хочетъ обращать людей *безразсудною* силою къ разсудку.

Виноватъ ли человекъ, если онъ будучи вовлеченъ толпою и не хоща иппи въ противность общаго мнѣнія, идетъ въ слѣдъ за прочими, подверженъ такимъ же слабостямъ, какимъ весь міръ подверженъ. Да ктожъ и не имѣетъ слабостей? Спраненъ въ глазахъ моихъ только тотъ, кто слѣдуетъ древнимъ обычаямъ слѣпо, не разбирая, дурны ли они или хороши. Благоразуміе повелѣваетъ намъ слѣдовать мнѣнію общему.

Безприсраспному наблюдателю остается желать только того, чтобы люди сколько можно менѣ удалялись отъ природы, чтобы матери не отдавали на прим: дѣтей своихъ кормили-

---

(\*) Разг. о щастіи Г. Карамзина.

цамъ, а кормили ихъ сами, ибо всѣмъ извѣстно, что дитя почерпаетъ нравъ и способности той, кто его питаеиъ, и я всегда бы предпочелъ, чтобы дитя имѣло нравъ матери своей, нежели наемной работницы. Желалъ бы, чтобы отцы и матери воспитывали дѣтей своихъ сами и не вѣряли ихъ совершенно наемнымъ учителямъ, которые иногда болѣе имъ дѣлаютъ вреда, нежели пользы. Желалъ бы чтобы мальчикъ до десяти лѣтъ былъ на рукахъ матери, которая бы удалила отъ него познаніе гнусныхъ пороковъ и возродила въ сердцѣ его чувствительность, которую не рѣдко наемники заглушаютъ; собственнымъ примѣромъ приучила бы его сострадать къ бѣдствіямъ ближняго, помогать несчастнымъ, угнетеннымъ судьбою, жертвовать имѣніемъ, даже не щадить жизни для пользы человѣчества, не изъ ожиданія награды, но изъ одной только любви къ добру. Одна только мать можетъ приучить дѣтей поспавлять верховное благо въ дѣланіи добра.

Съ двенадцати до двадцати лѣтъ былъ бы онъ подъ руководствомъ отца, которой бы лучше всякаго учителя вселилъ въ него любовь къ добродѣтели и славѣ Ошечества, словомъ: развилъ бы семена добродѣтели посѣянные въ сердце его нѣжною матерью! „Какъ истинная кормилица дитяти есть мать, говоритъ великой Руссо, такъ истинный учитель есть отецъ. — Дитя лучше будетъ воспитано разсудительнымъ и ограниченнымъ отцомъ, нежели искуснѣйшимъ учителемъ въ свѣтѣ; ибо *ревность лучше замѣнитъ себѣ семь слугъ талантъ; нежели талантъ ревность.*„

Но какъ не всякому отцу другія обязанности позволятъ посвящать всю жизнь на воспитаніе дѣтей, по крайней мѣрѣ позволено желать, чтобы на спавники, избираемые ими къ сей священной должности, были достойны сей довѣренности и главнѣйшею своею обязанностию поспавляли, внушать юношамъ свойства добродѣтели, безъ которой человекъ не можетъ быть щасливъ на самой вышней степеніи и омерзеніи

кѣ порокамъ, кѣ копорымъ дѣши иногда прилѣпляются, бывъ ввѣрены людямъ порочныхъ и невѣждамъ.

Не лзя безъ прискорбія видѣть, что воспитаніе нашего юношества совершенно въ рукахъ Иностранцовъ. Не ужели нѣтъ у насъ такихъ людей, которые бы могли образоватъ умъ и сердце юноши? Можетъ быть Иностранецъ научитъ его болѣе; но какой Иностранецъ поселитъ въ сердце Русскаго ту пламенную любовь къ Отечеству, которая всегда столь отличаетъ Русскихъ и которая внесла Отечество наше на верхъ славы? какой Иностранецъ образуетъ сердце Русскаго лучше Русскаго?

Но ежели уже Иностранцы для воспитанія нашего юношества сдѣлались необходимы, то должно избирать такихъ, которые бы достойны были сей священной должности; но какимъ людямъ ввѣряется иногда воспитаніе юношей со временемъ должествующихъ занимать важнѣйшія мѣста въ Государствѣ? Бродягамъ, людямъ распутнымъ, зараженнымъ якобинскими правилами,

вредными не только благоустроенному правительству, но и самому человечеству, часто, очень часто, наставники сія не имѣютъ понятія о чести и добродѣтели! Какіе же плоды можешь принести такое воспишаніе?

Не ненависть заставляешь меня говорить такимъ образомъ, сами Иностранцы (\*) признаются, что изъ иностранныхъ учителей, находящихся во многихъ нашихъ домахъ, не многіе достойны сего званія; но что большая часть при совершенномъ невѣжествѣ, имѣя порочныя нравы, болѣе развращаютъ, нежели наставляютъ юношество. Сами Французы признаются, что они видали въ лучшихъ домахъ учителей, которые во Франціи были перюкмахерами, лакеями, обручниками и пр. Не стыдно ли намъ, что мы даемъ поводъ опзывать о себѣ такимъ образомъ Иностранцамъ? Сколько разъ видалъ я у нашихъ провинціальныхъ дворянъ на-

---

(\*) Anecd. et coutumes Russes, T. 2. p. 3. и Voyage à Petersbourg p. 124.

наставниковъ дѣшей ихъ, копорые не знали даже граммапики собшвеннаго своего языка!

Такимъ людямъ ввѣряется рабенокъ съ пяти и шести лѣтъ совершенно непорочный, съ чистымъ сердцемъ, но гибкимъ подобно воску — разумокъ его не можетъ говорить еще ему: *это не вредно, это пагубно* — онъ съ невиннымъ простосердечіемъ слѣпо вѣритъ и слѣдуетъ всему тому, что внушаетъ ему человекъ, копорому отъ отца его поручено воспитаніе. Кажется излишне доказывать, сколько должно быть оспорожну въ выборѣ наставниковъ — людей, копорые имѣютъ такое большое вліяніе на жизнь воспитываемыхъ ими дѣшей.

„Не спрашивайте у учителей, говоритъ „С. Піеръ, остроумецъ ли онъ, блестящій ли человекъ, философъ ли? — но „любите ли онъ дѣшей, чувствительно „ли его сердце, священна ли для него добродѣтель?„ — Приведемъ еще примѣръ изъ Шерна: „Я хочу, говоритъ „Триспрамовъ отецъ, чтобы пошъ человекъ, копорой будешь при моемъ

„сынѣ, былѣ зеркаломѣ, въ которое  
 „онѣ долженѣ смотрѣть съ утра до ве-  
 „чера и по которому онѣ долженѣ со-  
 „ображать свои взоры, движенія и  
 „даже самыя чувствованія сердца —  
 „и потому-то, продолжаетѣ онѣ,  
 „мнѣ хотѣлось бы имѣть споль выпа-  
 „лированное, чтобы сыну моему можно  
 „было въ него смотрѣться.,,

Наставники взятыя съ площади, на-  
 чинають развращать дѣшей со стороны  
 закона и священной обязанности къ ро-  
 дителямѣ — говорятѣ имѣ, что это  
 ничто иное, какѣ обузданіе слѣпой чер-  
 ни, что человекѣ просвѣщенной долженѣ  
 бытъ чуждѣ онаго, что родителямѣ  
 они ничемѣ не обязаны, что законы че-  
 сти, совѣсти, добродѣтели, суть пу-  
 стые, коими люди себя обременили —  
 что Опечество есть мечта, самую  
 даже Вѣру, которая составляетѣ един-  
 ственное благо смертныхѣ, единую  
 опраду несчастныхѣ, осмѣливающихся...  
 во перо упадаетѣ изѣ рукѣ моихѣ!

• Мудрено ли, что люди получившіе  
 такое воспитаніе, привыкшіе съ мла-

денчества видѣть, слышать, говорить даже мыслишь по иноспранному, не только не знаюшь законовъ, нравовъ и обычаевъ своего Опечества; но чувствую отпращеніе отъ всего своего, не знаютъ природнаго языка и даже спыдятся говорить имъ? Чему удивляешься, что они всѣмъ своимъ пренебрегаютъ, когда пакъ сказать съ молокомъ еще вперена въ нихъ мысль, что Россія есть земля варварская, обиталище суевѣрія и невѣжества?

Жаль видѣть такое презрѣніе къ Опечественному языку и припомъ такому, которой въ красотѣ, силѣ и нѣжности, не уступаетъ никакому языку въ свѣтѣ. — Я не могу утверждать: но кажется мнѣ, что причина сего презрѣнія къ Рускому языку та, что воспитывають юношество наше Иноспранцы дѣтямъ спавится въ порокъ у насъ ежели они говорятъ по руски между собою — воспитатели дѣлають сіе для того, чтобы приучить ихъ скорѣе извѣсняться на иноспранныхъ; но частію отъ сей мнимой пользы происходишь

вредъ, ибо дитя привыкнувъ съ мало-лѣтства чуждаться Рускаго языка и въ возрастѣ говоритъ имъ мало, читаетъ на ономъ еще менѣе, а учить его, по черпачь красоты его изъ Славянскаго, онъ посматриваетъ за ненужное и недостойное уваженія и охотнѣе спанетъ читать Фоблаза или Терезъ философъ, нежели лучшую книгу писанную на Рускомъ языкѣ. Я видалъ нѣкоторыхъ молодыхъ людей, которые любя чтеніе и читавъ все, что писано на Французскомъ языкѣ, никогда не брали въ руки сочиненій Ломоносова и даже не спыдаются говорить, что они ихъ не понимаютъ. Въ лучшихъ обществахъ вездѣ употребляется языкъ Французской, рѣдка дама большаго свѣта имѣла понятіе о Руской Словесности прежде эпохи г. Карамзина — онъ первой началъ писать пріятно и познакомилъ любезныхъ дамъ съ Рускою Словесностію.

Все сказанное мною основывается не на однихъ умствованіяхъ; но на собственныхъ опытахъ. Съ шестидесяти лѣтъ жизни моей я много

видалъ такихъ учителей. Есть иностранцы очень достойные занимать должности воспитателей, но какъ ихъ мало у насъ! Сколько опцовъ принимающъ учителей для дѣтей своихъ по однимъ только газетамъ, безъ всякихъ дальнѣйшихъ изслѣдованій. Я самъ видалъ, какъ Нѣмцы и Французы выписываемые дворянами, по ихъ пышнымъ газетнымъ объявленіемъ, учашъ или лучше сказать принуждая пятилѣтнихъ дѣтей выучивать цѣлые томы наизусть, зашѣвающъ ихъ память и дѣлающъ совершенно ни къ чему не способными. Не смотря на принятое всѣми правило не обременять ученіемъ дѣтей прежде семи или осьми лѣтъ, возраста когда они нѣкоторымъ образомъ начинаютъ уже мыслить, часпо у насъ отдающъ чепырехъ и пятилѣтнихъ во власть сихъ учителей-невѣждъ, дабы записавъ ранѣе въ службу, вывести ихъ по скорѣе въ чины. Сіи учителя обременяющъ науками ребенка, всѣ спаранія прилагающъ припустить его память и понятіе; а въ пятнадцать лѣтъ, когда бы

надлежало начаться наспоющею воспитанію, когда способности открываются и показываютъ истинныя направленія склонностей и спраспей юноши, тогда онъ оканчиваетъ учение и идетъ въ службу; но можетъ ли онъ съ столь малыми свѣденіями, принести какую либо пользу Отечеству?

С. Піеръ говоритъ, что не о чемъ жалѣть *естли дѣти изъ углища выдутъ и безграмотными; но убѣжденными въ сей великой истинѣ, то гитато писате и всѣ науки въ Мірѣ нитого не знагтѣ; но то ботѣ добрымъ, услужливымъ, искреннимъ, есть главная наука достойная сердца человеческого.*

Хвала тому воспитателю, которой устремляетъ болѣе вниманіе на послѣднее!

Не рѣдко случалось мнѣ видать, какъ зашмѣвали понятія дѣшеи предлагая имъ предмѣшы, которыхъ слабый умъ ихъ обнять не можетъ. Я скажу только одинъ случай: однажды вошелъ я въ комнату воспитанника, которому тогда на десятомъ году преподавали

Геометрію. „Квадратъ базы и перпендикуляра, говорилъ учитель, равенъ квадрату гипотенузы, т. е. квадратное содержаніе первыхъ, равно квадратному содержанію послѣдняго.„ Рабенокъ смотрѣлъ, зѣвалъ и не понималъ ничего. Учитель продолжалъ далѣе — теперь спрашиваю, будешь ли это дитя знать геометрію? И не очевидно ли, что упражня его въ наукѣ преобладающей болѣе смысла и разсудка, нежели десятилѣтній рабенокъ имѣетъ, сокроютъ отъ него не только всю пользу сей науки; но и поселятъ въ немъ отвращеніе ко всѣмъ наукамъ умственнымъ, необходимымъ для всякаго образованнаго человека. Руссо справедливо говоритъ, что *дѣтей не надобно учить наукамъ, но внушить имъ склонность къ онымъ и показать способъ имъ научиться, когда она болѣе разкроется.*

Если бы на мѣсто геометріи его учили азбукѣ, а науку преобладающую большаго напряженія ума, опложила до того времени, когда дитя спанетъ размышлять, то можешь быть изъ сего про-

изошло бы болѣе пользы. Все нужно въ свое время и хощя деревья въ парникахъ дають скорѣе плоды другихъ споящихъ на воздухѣ, но за шо и изсыхаютъ скорѣе. Природа всему положила мѣру и дѣйствуетъ по непремѣннымъ законамъ.

Къ важнымъ недостаткамъ въ воспитаніи можно причислить и шо, что дѣтямъ мало дають чувствоватъ цѣну вещей. Въ семъ случаѣ привычка къ расточительности рождается не столько отъ примѣра отцовъ, сколько отъ того, что будучи чужды нашихъ обычаевъ, не знаятъ они ни состоянія крестьянъ имъ подвластныхъ, ни цѣны денегамъ. Если бы молодые люди знали болѣе внутреннее положеніе своего Отечества, если бы они вникали болѣе въ тѣ вещи о коихъ имѣютъ только поверхностное понятіе, а иногда и никакого, если бы помышляли о томъ, съ какою трудностію добываются крестьянами тысячи промываемыя ими, если бы видѣли они, какъ бѣдные поселяне отдають иногда

послѣднее рубище для доспавленія барину денегъ нужныхъ ему можетъ быть на какія нибудь новыя моды, по конечно умѣрили бы издержки свои, а съ эшимъ вмѣстѣ и спрашныя оброки ими налагаемые, которыхъ бѣдные поселяне не въ силахъ будучи выработать, часто жертвуютъ необходимымъ для себя — тогда когда лакеи барина облипы въ золото, но . . . . .

*Malheur à qui toujours raisonne,*

*Et qui ne s'attendrit jamais!*

Нѣтъ! не будемъ спроги въ сужденіи — воспитаніе нашего времени конечно имѣетъ нѣкоторыя недоспашки — но еще вѣкъ — и Россія спанетъ на ряду съ просвѣщеннѣйшими землями Европы!

Вопъ Г. м., испинныя чувспвованія челоѡка въ печеніи жизни коего пламенная любовь къ Отечеству, была единственною спрасткію!

Честъ имѣю пребыть и пр.

---

*Известіе**изъ сочиненій Волтера.*

Большая библіотека хороша попому, что она у спрашиваетъ пого, кто придетъ ее посмотришь. Двѣсти тысячъ книгъ обезоруживаютъ человека, которой думаетъ что нибудь еще печатать; но по несчастію онъ утѣшаетъ себя мыслию, что большую часть сихъ книгъ никто не читаетъ и что книгу его можетъ быть будущъ читать. Онъ сравниваетъ себя съ каплею воды, которая сѣтовала о томъ, что была забыта въ обширномъ Океанѣ — Природа сжалясь надъ нею и капля превратилась въ лучшій жемчугъ, которому не было подобнаго на всемъ Востокѣ и послѣ была первымъ украшеніемъ престоло великаго Могола. Собиратели, подражатели, комментаторы, переборщики чужихъ изреченій и всѣ шѣ, кои не преклонили на жалость Природы, оспавшись на всегда каплями.

Правда, что изъ сихъ двухъ сошъ тысячъ книгъ, сто девяносто девять тысячъ, никто не будетъ читать, по крайней мѣрѣ отъ доски до доски; но иногда онѣ нужны для справокъ.

На множество книгъ также не лѣзя жаловаться, какъ и на множество жителей — извѣстно, что Парижъ содержитъ около семи сошъ тысячъ жителей, не лѣзя быть въ связи со всѣми, всякой избираетъ прехъ или четырехъ прятелей.

Человѣкъ, которой хочетъ имѣть нѣкоторое познаніе о самомъ себѣ и не хочетъ терять при томъ много времени, находится въ великомъ затрудненіи. Ему хотѣлось бы читать вдругъ Гоббеса, Спинозу, Белля писавшаго противъ ихъ, Лейбница оспаривавшаго Белля, Кларка опровергавшаго Лейбница, Маленбранша, которой говоритъ совсѣмъ иное, Локка, которой сказываетъ зашмилъ Маленбранша, Спинингфлепа, побѣдившаго Локка, Кудворша, котораго почищаютъ выше всѣхъ, ибо его никто не поминаетъ. Человѣкъ состарѣтся

не прочитавъ и сопой доли Метафизическихъ романовъ.

---

Сочинитель также, какъ имена всѣхъ другихъ профессій означаетъ иногда хорошее или дурное, достойное уваженія или осмѣянiя, полезное и прiятное или пустословіе.

Имя сіе споль обще различнымъ вещамъ, что мы говоримъ Творецъ Природы и Творецъ романа.

Хорошій сочинитель долженъ спараться избѣгать прехъ обстоятельствъ: *Заглавія, Приношенія и Предисловія* — прочіе должны избѣгать еще и четвертаго, то есть: *согнiятв*.

Еспли сочинителю неопмѣнно захочется поставитъ свое имя, что иногда бываетъ очень не къ спашѣ, то надобно дѣлатъ сіе по крайней мѣрѣ съ величайшею скромностію, не ловко какъ-то видѣтъ благочестивое сочиненіе исполненное уроками смиренія изданное Г. Совѣтникомъ, Епископомъ и Графомъ такимъ-шо. Чипашели, ко-

шорые иногда любящъ пошупишь на щепъ сочинителя, соскуча такою книгою, смѣются надъ чванствомъ сочинителя. Герцогъ Рошфукольтъ не назвалъ сочиненія своего: Мнѣнія Свѣплѣишаго Герцога, Пера Франціи, и пр.

Не всякому понравится, что книга состоящая изъ многихъ весьма хорошихъ извлеченій, сочинена г. такимъ-то, бывшимъ профессоромъ университета, докторомъ Богословіи, Ректоромъ, училелемъ дѣшею такого-то вельможи, членомъ такихъ-то Академій. Всѣ эти почести не украсящъ книги. Всякой желалъ бы, чтобы она была короче, содержала болѣе философическихъ правилъ и менѣе была наполнена спарыми баснями. На заглавіе книги и на почести сочинителя, мало обращающъ вниманія.

Приношеніе книги иногда дѣлается отъ подлости падкой къ вознагражденію. Во Франціи писатели нынѣ чужды сего порабощенія, кромѣ нѣкоторыхъ бѣдняковъ, которые называютъ себя писателями потому же праву,

какъ красильщики хвалясья бытъ одного ремесла съ Рафаелемъ.

Предисловіе естъ камень прешкнове-  
нія. Слово *Я*, всѣмъ ненавистно говоритъ,  
Паскаль. Сочинитель долженъ говоритъ  
о себѣ какъ можно менѣе, ибо самолю-  
біе чашателя равно его самолюбію. Чи-  
шатель не проспитъ сочинителю за то,  
что онъ хотѣлъ заславить себя уважанъ.  
Книга должна внушанъ къ сочинителю  
уваженіе, естли будущъ ее читанъ въ  
такомъ множествѣ умопроизведеній.

*Лестной отзывъ публики долженъ бы*  
*былъ, уволите меня отъ отвѣта крити-*  
*камъ, рукоплесканіе зрителей . . . .* Пожа-  
луйте вымарайте все это, никто васъ  
не хвалилъ и никто піесъ вашей не  
аплодировалъ.

*Нѣкоторые критики полагали, что*  
*третье дѣйствіе трагедіи моеи холодно, и*  
*что Княжна въ четвертомъ дѣйстви. поздно*  
*открываетъ нѣжныя чувства свои любовни-*  
*ку: на это я отвѣтаю, что . . . .* Пожа-  
луй не опивчай мой другъ, никто не гово-  
рилъ и не будетъ говоритъ о швоей  
трагедіи. Она всѣми забыта пошому,

что не имѣетъ ни цѣли, ни плана и писана скучными и утомительными списками; предисловіе свое въ ней, есть совершенная надгробная проповѣдь, которая не воскреситъ мертвыхъ.

Ежели хочешь сочинять, то помни, что книга своя должна быть нова и полезна, или по крайней мѣрѣ занимательна.

Если какой невѣжда спанетъ крипиковать ваше сочиненіе, вы можете опровергнуть крипику; но не повторяйте часто его имя, дабы не осквернить тѣмъ книги.

Если человекъ говоритъ вамъ, что вы не здоровы, удовольствуйтесь тѣмъ, что вы не больны и не доказывайте публикѣ, что вы въ совершенномъ здоровьѣ. Болѣе же всего не забывайте того, что для публики мало нужды больны ли вы или здоровы.

Сопни людей выбирающихъ, пишутъ, крипикуютъ для пропитанія себя, ибо не знаютъ другаго полезнаго ремесла. Все несчастіе сихъ людей происходитъ отъ того, что отцы ихъ не научили

никакому другому ремеслу. Это большой недостатокъ въ полипическомъ устройеніи Государства. Кто можетъ воспитать сына своего, научить его полезному искусству и не сдѣлаетъ сего, достоинъ наказанія.

Истинные шворцы суть тѣ, кои преуспѣли въ истинномъ искусствѣ въ какомъ бы то родѣ ни было: въ Эпопеи, въ Трагедіи, въ Комедіи, Исторіи или Философіи, тѣ кои научили или восхитили родъ человеческой. Прочіе между писателями шже, что шмели между пшицами.

Кришикуюшъ, приводятъ мѣста, дѣлаюшъ комменсаріи, пренебрегаюшъ или забываютъ, а болѣе всего презираюшъ повсемѣстно, сочинителя, кошорой шолько что сочиняетъ.

---

Характеръ переменнишъ можно, ешъли переменнишъся шѣло. Очень можетъ штаться, что человекъ сварливый, жестокосердый, вспыльчивый, въ старости пораженный параличемъ, сдѣлается рабенкомъ глупымъ, плаксивымъ, робкимъ.

•

Тѣло его уже не то, но покуда кровь его, разумъ и сердце будутъ въ одинаковомъ состояніи, характеръ его сполькоже не переменится какъ и естественное побужденіе (instinct) волка.

Естьли у человѣка безобразно лице, онъ можетъ закрыть его маскою, но можетъ ли онъ тоже сдѣлать съ характеромъ, которой дала ему Природа?

Вѣра, нравственность, укрощаютъ силу характера; но не могутъ онаго истребить совершенно. Пьяница заключенный въ Монастырь, nebudeтъ уже напиваться до пьяна; но всегда еще будетъ любить вино.

Лѣта ослабляютъ характеръ, спарикъ уподобляется дереву, которое производитъ уже плоды переродившіеся; но они всегда будутъ того же рода или свойства. Еслибы можно было дать себѣ характеръ, то мы управляли бы природою. Мы ничего не можемъ дать себѣ сами, намъ все дается природою. Постарайтесь нерадиваго человѣка сдѣлать дѣятельнымъ, внушите спросить къ музыкѣ или поэзіи человѣку, копо-

рой не имѣетъ ни вкуса, ни склонности къ музыкѣ, вы сколько же въ эшомъ не успеете, какъ и дашь зрѣніе природно-слѣпому.

*(Продолженіе впрѣдѣ.)*

---

---

# СТИХОТВОРЕНІЯ.

---

I.

О Д А.

*Человѣкъ. (\*)*

Зерцало истинны превѣчной,  
Бышій всѣхъ зримыхъ обща мать :  
Щедронъ источникъ безконечной,  
Въ комъ щасье мы должны искать;  
Природа! озари собою  
Разсудокъ мой покрытый мглою,  
И въ нѣдро таинствъ путь открой;  
Премудростью швоей внушенный,  
Безъ страха, умъ мой просвѣщенный  
Пойдетъ въ слѣдъ Истиннѣ святой.

О Истинна! мой духъ живишься,  
Паря въ селенія швои;  
За чувствомъ чувство вновь родишься,  
Пылающъ мысли всѣ мои.  
Ты въ сердце мужество вливаешь,

---

(\*) Чувствительно благодаримъ любезнаго Пеша за  
присылку сей Оды.

Унылость, робость прогоняешь,  
 Съ ума свергаешь грузъ оковъ —  
 Уже пвой чистый взоръ встрѣчаю,  
 Другую душу получаю,  
 И чловѣка пѣшь гошовъ.

Природы лучшее созданье,  
 Къ тебѣ мой обращаю стихъ!  
 Къ тебѣ спремлю мое вниманье,  
 Ты краше всѣхъ существъ другихъ.  
 Чшо я съ побою ни равняю,  
 Твои дары лишь опличаю  
 И удивляюся тебѣ.  
 Едва ты шолько въ Мірѣ явился,  
 И Мірѣ мгновенно покорился,  
 Пріявъ тебя царемъ себѣ.

Ты царь земли — ты царь вселенной,  
 Хошя ничшо въ сравенїи съ ней.  
 Хошя ты прахъ одинъ возженный,  
 Но мыслию великъ своей!  
 Предпримешь чшо — вселенна внемлешь,  
 Творишь — все дѣйствїе приемлешь,  
 Ни въ чемъ не видишь ты препонъ.  
 Природою распоряжаешь,  
 Всѣмъ властно въ ней повелѣваешь,  
 И пишешь ей самой законъ.

На что мой взоръ ни обращаю,  
 Мое все сердце веселишь.  
 Вездѣ твои дѣла вспрѣчаю,  
 И каждый мнѣ предметъ гласишь  
 Твоей рукой запечатлѣнной:  
 Что ты зиждитель еси вселенной;  
 И чтобы спешью лишь пустою,  
 Природа, безъ тебя, стояла,  
 Такихъ бы видовъ не являла,  
 Какіе зрю передъ собой.

Гдѣ мрачные лѣса шумѣли  
 И Солнца лучь не проницалъ,  
 Гдѣ змѣи страшныя шипѣли  
 И смершный ужасъ обиталъ;  
 Природа вопли испускала,  
 Свирѣпость гдѣ звѣрей дышала:  
 Тамъ зрю днесъ — дружество, любовь,  
 Зрю нивы жапвой опягченны,  
 Поля стадами покровенны,  
 Природу возрожденну вновь.

На блапахъ вязкихъ, непроходныхъ,  
 Гдѣ росъ одинъ лишь мохъ сѣдой;  
 Въ пустыняхъ дикихъ и безплодныхъ,  
 Гдѣ смерть престолъ имѣла свой:  
 Ты все какъ Богъ устроиваешь,

Ты невозможностей не знаешь,  
 То зиждешь селы, шо града,  
 То царствы сильныя возносишь,  
 Каналы чистыхъ водъ проводишь,  
 И строишь приспани, суда.

Изъ хаоса вещей нестройныхъ,  
 Воззвавъ порядокъ съ шишиной;  
 Проникъ до дна пучинъ шы водныхъ,  
 Ошкуда бисеръ дорогой  
 Изгоръ себѣ на украшенье.  
 Но дѣлъ великихъ въ довершенье,  
 Щедрому шы свою явилъ:  
 Земныя нѣдра разверзая,  
 Мешалъ блестящій извлекая,  
 Богашство по свѣшу разлилъ.

Какой умъ слабый, униженный,  
 Тебѣ дашь имя *героя* смѣлъ?  
 То рабъ мещастный, заключенный,  
 Кошорый чувствій не имѣлъ:  
 Въ оковахъ тяжкихъ пресмыскаясь,  
 И съ червемъ подлинно равняясь,  
 Давимый сильною рукой,  
 Съ начала въ горести признался,  
 Пошомъ въ сихъ мысляхъ вѣкъ оштался:  
 Что *словѣкъ* — *лишь гербъ земной*.

Прочь мысль презрѣнная! шы сродна  
 Душамъ преподлыхъ лишь рабовъ,  
 У коихъ вѣкъ мысль благородна  
 Не озаряла мракъ умовъ.  
 Когда невольникъ разсуждаешъ?  
 Онъ заблужденья лишь сплешаешъ  
 Не знавъ природы никогда.  
 И шолько шо ему священно,  
 Къ чему насильствомъ принужденно  
 Бываешъ движимъ онъ всегда.

Въ какомъ пространствѣ зрю ужасномъ  
*Раба* отъ *Словѣка* я,  
 Одинъ, какъ солнце въ небѣ ясномъ,  
 Другой, шакъ мраченъ, какъ земля.  
 Одинъ ешь все, другой ничтожность.  
 Когдабъ позналъ свою рабъ должность,  
 Спросилъ природу; разсмошрѣлъ,  
 Кто бѣдствій всѣхъ его виною?  
 Тогда бы шою же рукою  
 Сорвалъ онъ цѣпи — что надѣлъ.

Прими мое благоговѣнье,  
 Жидишель-человѣкъ! прими.  
 Я прославлялъ въ швоемъ швореньѣ  
 Не всѣ еще дѣла швои.  
 О сколь величешвенъ бываешъ,

Когда ты землю оставляешь  
 И духомъ въ облака паришь;  
 Воздушны бездны озирая,  
 Перуны, грома, презирая  
 Стихіямъ слушаешься велишь.

Велишь — и бури направленье  
 Берушь назначенно побой.  
 Измѣрилъ ты планетъ печенье,  
 Висящихъ надъ швоей главой.  
 Изчислилъ звѣзды, что съ ээира  
 Лютъ свой свѣтъ въ пространство міра,  
 Въ кошоромъ все законъ швой чпишь.  
 Съ природой связанъ ты судьбою:  
 Ты ей живешь — она тобою  
 Свой жизненный являетъ видъ.

Кто показалъ тебѣ искусство  
 Намъ въ звукахъ спрасшь изображать?  
 То наполняшь восшоргомъ чувство,  
 То вдругъ насъ плакашь засшавляшь?  
 Сообразишь волшебны тоны,  
 Прояикнушь ешшества законы,  
 Таинственныи предмѣшъ раскрышь;  
 Постигнушь вѣчношши скрижали  
 И то, что Боги созидали,  
 Въ музыкѣ то изобразить?

Входя въ кругъ дѣлъ твоихъ пространный,  
 Я зрю: ты знаки далъ рѣчамъ.  
 Далъ мысли шло, цвѣтъ желанный,  
 И способъ говоришь очамъ.  
 Отъ одного конца вселенной,  
 Въ другой край міра отдаленной,  
 Явилъ ты средство сообщашъ  
 Поняшье, чувствіе, желанье,  
 И нынѣшнихъ временъ познанье,  
 Въкамъ грядущимъ предавашъ.

Кто далъ тебѣ всѣ совершенства,  
 Которыми блисташъ ты?  
 Кто показалъ стезю блаженства,  
 И добродѣтелей черты?  
 Кто подалъ чашу ушѣненій  
 Противъ печалей, огорченій,  
 Могущихъ встрѣшиться съ тобой?  
 Кто пушь украсилъ твой цвѣтами,  
 И пролилъ радости рѣками  
 Въ объятія дружбы поль свяшой?

Кто правосудіе заставилъ  
 Тебя дороже жизни чинишь?  
 Кто соспрадашь тебя наставилъ  
 И благо повелѣлъ шворишь?  
 Кто въ сердцѣ огонь возжегъ священный,

Сей пламень чистый, драгоценный,  
 Кошорымъ гражданинъ живешъ;  
 Его что душу составляешъ,  
 Любовь къ Отечеству питаешъ  
 И швердосшь духа подаешъ?

Скажи мнѣ наконецъ: какую  
 Ты силой свыше вдохновенъ,  
 Чшо все съ премудросшью шакою  
 Творишь шы въ мѣрѣ наученъ?  
 Скажи? но шы въ отвѣщъ вѣщаешъ:

.....  
 .....  
 .....  
 .....

Ужель шы самъ всѣхъ дѣлъ виною,  
 О человекъ! чшо въ мѣрѣ зрю?  
 Свискавши мудросшь самъ собою  
 Чрезъ *трудъ* и *ответность* свою,  
 Прешелъ преляшшвѣй шы пучину,  
 Улучшилъ шы свою судьбину,  
 Природной бѣдности помогъ.  
 Суровосшь превратилъ въ доброту;  
 Вліялъ въ сердца любовь, щедроту,  
 Ты на земли, чшо въ небѣ Богъ!

\*\*\*\*\*



*Геро и Леандръ.**Кантата.***L'amour est un tyran qui n'épargne personne.***Corneille.*

\*

На сопровивныхъ берегахъ  
 Леандръ и Геро жили,  
 Они давно уже въ сердцахъ  
 Взаимную любовь носили,  
 Которую Непсунъ одинъ лишь раздѣлялъ (\*) —  
 „Любезная! Леандръ сказалъ,  
 „Не ужъ ли бурное сіе волнисто море,  
 „Вѣкъ будешь умножать мои напасти, горе?  
 „Пускай пожретъ оно меня  
 „Умружъ, дражайшая, и здѣсь я' безъ тебя,

---

(\*) Сіи любовники жили въ двухъ городахъ споящихъ одинъ прошивъ другаго на Дарданельскомъ проливѣ. *Абидосъ*, Азіятической городъ былъ жилищемъ Леандра, а Геро жила въ *Сестосѣ*. Вольшеръ говоритъ о сихъ городахъ:

*Lieux ou finit l'Europe et commence l'Asie. ш. е.*  
 Европы тамъ конецъ и Азіи начало.

Исторія Геро и Леандра извѣстна — здѣсь описывается одинъ только несчастный случай, прекратившій жизнь сихъ вѣжныхъ любовниковъ. —

*Прим. Сог.*

„Мои всѣ чувствія исполнены шобою,  
„Пущь смерщю приведетъ оно меня къ покою.

„Смерщъ для нещаснаго не зло.

„О шы, кошорую произвело.

„Оно изъ нѣдръ своихъ, Венера милосердна!

„На шокы слезъ моихъ воззри!

„Да не послужитъ мнѣ сія могилой бездна;

„Ея поверхность усмири! —

Сказавъ сіе, Леандръ отъ берега удаился.

Плыветъ — и ночь и пишина

Благопріятствуютъ; надеждою полна

Душа его, и онъ ни мало не спрашилъся.

О Боги сихъ морей!

Вѣрнѣшаго любовника спасите!

На вѣшры цѣпи наложите,

Ни люшый Аквилонъ и ни Борей

Похитишь жизнь его да непосмѣютъ.

Плыветъ Леандръ — казалось небеса

Участіе въ любви его имѣютъ.

Уже онъ зреть шотъ брегъ, гдѣ юная краса

Съ свѣшильникомъ его на башнѣ ожидаетъ

И всѣ мгновенія щипаетъ.

Уже онъ зреть . . . какъ вдругъ . . . о

люшый часъ!

Свѣшящій лучъ луны погасъ,

Разшоргнувъ цѣпи вѣшры полешѣли,

Взымаясь волны закипѣли,  
 Перунъ весь свѣтъ сожечь страшалъ  
 И громъ повсюду раздавался.  
 Ахъ! щещно съ бурей Леандръ сражался,  
 Онъ щещно теплыя моленья возсылалъ,  
 Ихъ будшо заглушить сей споръ стихій  
 спарался,  
 Весь адъ прошивъ него возспалъ  
 И съ жизнью онъ распался.  
 Погибъ сей юноша гонимый злой судьбой  
 И буря жертвы сей лишь только ожидала:  
 Упихла бездна водъ, пресека въшровъ вой,  
 Повсюду тишина настала;  
 Но чтоже сдѣлалось съ шобой  
 О Геро бѣдная! любовница несчастна!  
 За чемъ ты ушущить любви огонь не влашна?  
 Исполнена шоской  
 Она въ низъ съ башни сходитъ,  
 Едва дыханье переводитъ,  
 Отъ страха вся дрожитъ,  
 И къ мѣсту, гдѣ всегда любезнаго встрѣчала,  
 Гдѣ изъ воды его въ обѣяшья принимала,  
 Съ какой-то робостью бѣжитъ.  
 Бѣжитъ она — и чтожъ глазамъ ея открылось?  
 Не щещно у нее такъ сильно сердце билось!  
 Какое зрѣлице!.. Леандръ!.. Леандръ мой другъ!



На насъ здѣсь льется за бѣдою,  
 Пусть смерть намъ за любовь грозить своей  
 косою,  
 Мы не разстанемся съ любовью никогда!  
 М. О...

---

 III.

## ИСТИННА ВО ДВОРЦѢ.

### Подражаніе Французскому.

---

Однажды... ктобъ повѣрить могъ?  
 Но было почто такъ — къ Царю въ его чертогъ  
 Однажды *Истинна* вошла со всемъ нагая.  
 Царь въ гнѣвѣ закричалъ: „безстыдница какая!  
 Какъ смѣла ты войти и кто ты такова?“, —  
 Я *Истинна*... позволь сказать хоть слова два,  
 Презрѣнные льстецы престолъ швой окру-  
 жающъ,  
 Вельможи подданныхъ несчастныхъ угнѣ-  
 шающъ,  
 Ты пресупаешь самъ нерѣдко свой законъ. —  
 „Вѣй! спражи поскорѣй ее отсюда вонъ,  
 Сей часъ возмите и свяжите  
 И въ ссылку, въ рудники, отправивъ прика-  
 жите!...“  
 Вдохнула *Истинна* пошла. —

Изъ дворца она въ домъ къ *Волыслу* зашла,  
 Въ его одежду нарядилась,  
 Пошомъ опять къ Царю одѣвшись возвратилась,  
 Его Величеству какъ должно поклонилась,  
 Сказала шупкой всё, что надо было ей . . . —  
 Какъ думаете вы? — Царь *Истинной* моей  
 Лишь только видѣ ея со всемъ перемѣнился  
 Какъ самой женщиной любезною пѣбился.  
 Со благосклонностью онъ выслушалъ ее  
 И заблужденіе увидѣвши свое,  
 Тотъ часъ худое все исправилъ  
 И имя пѣмъ свое благословляшь заспавилъ.

\*

Щаслива та спрана, въ которой кропкій  
 Царь  
 Правдиво говориць себѣ не запрещаетъ!  
 Щасливѣй мы спократъ, нашъ Ангелъ Го-  
 сударь  
 Не только Истинну въ чертогъ къ Себѣ пу-  
 скаетъ,  
 Но даже ищетъ Самъ ее.  
 Великій АЛЕКСАНДРЪ! дѣяніе сіе,  
 Въкъ неизгладимо въ сердцахъ у насъ пре-  
 будетъ,  
 Исторія Тебя, попомство не забудетъ.

*А. Измайловъ.*

## IV.

*Мадригалъ.**Прекрасной Женщинѣ.*

Для глазъ своихъ и боги властны,  
 Забылибъ горній свой чертогъ; —  
 А здѣсь въ своихъ объятыхъ спрасныхъ,  
 Изъ смертныхъ всякой былъ бы Богъ!

— 9 —

## V.

*Эпиграммы.*

## 1.

Напрасно своего Клеонъ ты цѣль швореня,  
 Трудился въ цѣлыхъ прехъ частяхъ намъ  
показать;
 Мы сами видѣли шу цѣль изъ *объявляеся*,  
 Мы видѣли, что ты хошѣлъ — съ насъ день-  
ги брать!

## 2.

Всѣ споряшъ, всѣ кричашъ, что Лешрина  
швореня
 Не могушъ нравиться нигдѣ и никому;  
 Какія ложныя бываюшъ въ свѣшъ мнѣня!  
 Всѣ нравяшся онѣ — ему.

O . . .

## ИЗВѢСТІЯ.

*Россія.*

Въ нѣкоторыхъ Журналахъ писали, что Словесность наша бѣдна новыми произведеніями; но намъ кажется, что Россія не можетъ пожаловаться на бесплодность Словесности. Въ прошедшемъ году, кромѣ пятнадцати Журналовъ, вышло у насъ ш. е. въ С. Петербургѣ и Москвѣ болѣе ста пятидесяти книгъ. Правда, что большая часть оныхъ переведены съ Иностранныхъ языковъ, однакожъ и между оригинальными сочиненіями, есть много превосходныхъ. Мы упомянемъ о нѣкоторыхъ:

*Анакреонтичскія пѣсни* Г. Р. Державина — одно имя сего славнаго Поэта, сказывающъ все, что можно сказать въ пользу сей книги.

*Бахаріана*, сочиненіе извѣстнаго нашего Поэта М. М. Хераскова.

*Древнія Рускія Стихотворенія*, издашель коихъ Г. К. . . . заслуживаетъ благодарность всѣхъ любителей Отечественной Древности.

*Дополненіе къ разсужденію о старомъ и новомъ слоgъ Россійскаго языка, заключающее въ себѣ весьма полезныя испинны, для упражняющихся въ Руской Слове доспи.*

*Новой Словотолкователъ, изд. Г. Яновскимъ.*

*Патріотъ, изд. г. Измайловымъ — весьма уваженія достойный Журналъ Воспитанія, по своей благонамѣренной цѣли.*

*Разсвѣтъ полноги, соч. г. Боброва.*

*Согненія Н. М. Карамзина, любимѣйшаго Рускаго писателя.*

Въ числѣ переводовъ опличающся:  
*Лоннскія писма — Жизнь и мнѣнія Тристрама Шанди, соч. Сперна — Мысли Ж. Ж. Руссо — Наука достиженія долговременной жизни, соч. Гуфланда, пер. г. Озеровымъ — Новая Элоза, швореніе Руссо, пер. г. Палицынымъ — Путешествіе Анахарсиса, соч. славнаго Бартелеми, пер. г. профессоромъ Спраховымъ.*

Въ нынѣшнемъ году выходитъ у насъ осьмнадцать журналовъ. Конечно мало еще въ сравненіи съ Англією, Германією и Францією; но ежели взять

въ разсужденіе состояніе просвѣщенія сихъ прехъ государствъ и Россіи, по конечно довольно. Можно почти безъ ошибочно положить, что число людей упражняющихся въ Словесности или чтеніи въ сихъ государствахъ, содержишь, какъ два къ десяти. У насъ едвали двадцатая часть читаетъ книги. Но время и скорые успѣхи просвѣщенія въ Россіи, подають лестную надежду въ будущемъ.

Вѣкъ АЛЕКСАНДРА водворившаго любовь къ наукамъ, въ лѣтописяхъ Исторіи будетъ сіять болѣе, нежели вѣки Августовъ, Кесарей и Лудвиковъ XIV!

---

О иноспранной Словесности въсемъ номеръ мы сказать ничего не можемъ, ибо Иноспранные Журналы на сей годъ еще не получены. Надѣмся, что въ слѣдующихъ Номерахъ сія спашья въ Журналъ нашемъ, будетъ довольно занимательна для читателей.

---

## СМѢСЬ.

Спихотворецъ Малербъ написалъ оду Кардиналу Ришелье, въ которой говоривъ между прочимъ, что нѣтъ пойдъ болѣзни, которой бы Кардиналъ невылѣчилъ. — Вольперъ, прочитавъ сію оду, сказалъ: *для того же Ришелье не излѣтитъ Малерба отъ болѣзни пишетъ такія дурныя стихи?*

Славной докторъ Борде умеръ скоро-поспѣжно ночью: Маркиза Н... узнавши объ этомъ сказала: *Смерть такъ боялась Борде, что она не могла инакъ постигнуть его, какъ соннаго.*

Съ друзьями надобно жить шакъ, какъ бы нѣкогда должны они быть нашими врагами, сказалъ Хилонъ. Сіе правило сообразно съ законами Полипики, но разрушая довѣренность, не согласуется съ законами дружбы. Правило Генриха IV было совершенно пропиво-положно сему. *Лучшій способъ избавиться отъ непріятелей,* говаривалъ онъ,

*стѣ тотѣ , сто́бѣ приобрѣсти ихѣ дружбу.*

Два педанша спорили между собою о грамматическомъ изрѣченіи. Одинъ утверждалъ, что должно говорить: дай мнѣ пить. — Другой: дай мнѣ напишья. Входитъ поспоронній человекъ — оба относятся къ нему и спрашиваютъ кто изъ нихъ справедливъ? *Ни тотѣ, ни другой, отвѣчалъ онъ, все должно говорить: своди насѣ на водопой.*

Въ К... провинціи умеръ недавно одинъ изъ самыхъ странныхъ чудаковъ нашего времени. Обладая большимъ богатствомъ онъ былъ воздерженъ до крайности, носилъ всегда изорванной кавтанъ, въ день опредѣлялъ себѣ на столъ не болѣе пяти копѣекъ; имѣя большой домъ очень хорошо убранной, жилъ въ маленькой комнатѣ, которую никогда не позволялъ мѣспи; но при всемъ томъ былъ чрезвычайно щедръ. Одинъ взглядъ несчастнаго — и кошелекъ сего страннаго человека былъ готовъ къ его услугамъ. Все занятіе его состояло въ

помѣ, чшобы ходишь взадѣ и впередѣ по комнатамѣ и переставляешь стулья и столы безпреспанно съ мѣста на мѣсто. Сей чудаковъ по смерти все свое имѣніе оставилъ въ пользу бѣдныхъ. Толпа людей имѣе облагодѣшительствованныхъ провожала гробъ его со слезами.

\*

Чувствительно благодаримъ за сообщенныя намъ сочиненія. Нѣкоторыя изъ нихъ помѣщены въ семъ номерѣ, прочія помѣщены будутъ въ слѣдующихъ. Снова рекомендуемъ себя въ благосклонность Гг. сочинителей и переводчиковъ и просимъ ихъ доставлять, для помѣщения въ семъ Журналѣ, сочиненія и переводы ихъ, которыя отъ Издателя всегда будутъ приняты съ благодарностью.

---

*Января 2 дня.*

## Опечатки.

<i>Стр.</i>	<i>Строк.</i>	<i>Налетат.</i>	<i>Читай.</i>
4	8.	<i>Рускихѡ</i>	<i>Рускихѡ</i>
30.	22.	сказываетѡ	сказываютѡ
—	26.	поминаетѡ	понимаетѡ

---



---

Ж У Р Н А Л Ъ  
РОССІЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Февраль. 1805.

№ 2.

---

Словесность.

---

I.

*Письмо къ пріятелю о Рускомъ  
Театрѣ.*

Многіе любители опечественнаго театра жалуясь, что русской театрѣ у насъ въ пренебреженіи. Тѣ, которые любящъ увеличивать бездѣлицы, причиною сему полагаютъ то, что будто мы начинаемъ пренебрегать своимъ и для того болѣе смотримъ иностранныя піэсы, нежели рускія. — Увѣренъ будучи, что просвѣщеніе въ любезномъ Опечествѣ моемъ болѣе и болѣе разпространяется, и что презрѣніе къ своему не

можетъ быть слѣдствіемъ онаго, не могу ни какъ согласиться съ мыслию сихъ спрогихъ хранителей нравовъ. Причина предпочтенія Французскаго театра Рускому и не та, какъ иные думаютъ, что актеры наши хуже — у насъ, благодаря успѣхамъ просвѣщенія, были и есть такіе актеры, которые не уступятъ лучшимъ въ Европѣ. Имена Дмитревскаго, Крутицкаго, Шушерина, Померанцева, оспанушся на всегда незабвенными для любителей Рускаго театра. Но отъ чего же театры наши избранное общество мало посещаетъ? Отъ того, что большая часть сочинителей театральныхъ нѣсб, занимающі насъ совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ бы занимать должно. Что за удовольствіе мнѣ городскому жителю видѣть на сценѣ дуру барыню, глупаго лакея, какого нибудь уѣзнаго сутягу, которой скупаютъ просроченные вексели, закладныя, за тѣмъ только, чтобы разорить своихъ сосѣдей; что за удовольствіе моднымъ дамамъ слушать цѣлой часъ разговоръ деревенскихъ бабъ и дѣвокъ? Молодому человѣку живущему въ лучшемъ кругу

людей, смотрѣть на сценѣ полудворянѣ и полудворянокѣ, о которыхъ онѣ не имѣетъ никакого понятія? Эти сцены мы видимъ всякой день на улицѣ. Ежели мы идемъ въ театрѣ, то хотимъ видѣть себя, сосѣда своего, знакомаго намъ человека, — словомъ хотимъ видѣть на сценѣ тѣ пороки и предрасудки, которые у насъ господствуютъ. Мы имѣемъ никакой нужды видѣть на театрѣ тѣхъ, кого я не знаю. — Занимаютъ насъ мужицкими пьесами, почти поже, что для черни играютъ Танкреда и Феду.

Всякое состояніе имѣетъ свою степень просвѣщенія. — Всякое состояніе имѣетъ свои странности, пороки, заблужденія. Какъ силы душевныя и силы ума не могутъ быть всѣмъ общи, такъ и недоспашки не могутъ быть равны у человека воспитаннаго и человека низкаго состоянія. Для людей лучшаго круга надобны особенныя пьесы, въ которыхъ бы осмѣивались пороки, коимъ они подвержены — такія, которыхъ бы мѣрою ума, тонкостію шутокъ и мыслей, нравились размышляющей публикѣ—

для черни совсѣмъ инаго рода. Ежели хотише, чтобы лучшее общество посѣщало псеапръ, умѣйше заняты его и привлечь.

Въ самыя древнія времена цѣль псеаптра была забава, кучи людей праздныхъ, толпились въ Аѣинскихъ улицахъ вокругъ площадныхъ актѣровъ. Ненависть и злоба употребили себѣ въ пользу это учреждение. Имъ показалось легко осмѣивать непріятелей своихъ — Аристофанъ началъ писать личныя комедіи, сперва на умершихъ, а послѣ на живыхъ, на Клеона, Сократа и пр. Въ послѣдствіи цѣль псеаптра переѣнилась. Кратесъ первой оставилъ личныя комедіи въ Аѣинахъ и для основы своихъ комедій избралъ вымышленныя имена и дѣйствія, тогда начали смѣиить народъ на щепъ общій, избирая предѣптомъ комедій странные характеры — комедіи сіи исправляли нравы. — Нынѣ цѣль псеаптра совершенно переѣнилась — большая часть комедій представляются для удовольствія. Хотя Руссо и говоритъ,

что театр введенъ не для истины; но чтобы ласкать и забавлять людей — однакожь мнѣ кажется, что цѣль театра есть исправленіе нравовъ и что одно только злоупотребленіе превратило для насъ театръ въ забаву.

Отъ чего же большая часть комедій забываются послѣ перваго представленія? — Отъ того, что онѣ переходятъ мѣру въ осмѣяніи пороковъ существующихъ, или имѣютъ цѣлю пѣ заблужденія и пороки, которые время, просвѣщеніе и успѣхи здраваго разсудка, давно уже искоренили. Хотя я и знаю, что не многія комедіи идутъ въ вѣчность, однакожь пьесы писанныя для вѣка не умрутъ никогда. Хотя теперь Мипрофановъ и Скопининыхъ совсѣмъ у насъ нѣтъ; но мы съ удовольствіемъ смотримъ еще Недоросля, ибо Ф. Визинъ изобразивъ истинную картину тогдашняго просвѣщенія и воспитанія и исправя нравы того вѣка, занимаетъ насъ и теперь, не потому, чтобы Недоросль приносилъ намъ уже такую

пользу, какую онъ тогда принесъ; но попому, что онъ достигъ нашему самолюбію, показывая по великое разстояніе, которое успѣхи просвѣщенія сдѣлали между шѣмъ и нашимъ вѣкомъ. Не нужно сказывать, что интересъ и умъ, коими піеса сія изобилуетъ, много способствуютъ къ поддержанію ея славы. Припомъ же нравы исправляютъ не бранью — брань ожесточаетъ только сердца. Мольеръ и Ф. Визинъ, (котораго по справедливости можно назвать *Рускимъ* Мольеромъ) осмѣивали пороки, спарались людямъ зараженнымъ ими открыть глаза и показать ихъ заблужденія — они обращая въ смѣхъ пороки, заставляли краснѣть людей зараженныхъ ими, но не бранили ихъ. — Что за удовольствіе тысячамъ порядочныхъ людей слушать, что ихъ бранятъ на публичнѣ, за слабости всѣмъ общія. Осмѣивай меня умно — представь измѣненія шута свѣту; но не брани меня — если ты называешь меня дуракомъ, то я все право имѣю называть себя невѣждою, человекомъ не умѣющимъ жить

въ свѣтѣ — брань твоя ожесточаетъ меня; заставляетъ болѣе упорствовать въ моихъ заблужденіяхъ; но насмѣшки твои, и самыя бѣдкія, могли бы исправить меня.

Я желалъ бы, чтобы было два театра. Одинъ для народа: въ немъ должны представляться пьесы болѣе сообразныя съ просвѣщеніемъ народа, пьесы имѣющія цѣлю осмѣяніе пороковъ и предразсудковъ коимъ престолюдимы подвержены. Тупъ бы я вывелъ на сцену пьяницу пропивающаго свое имѣніе и проверяющаго въ бездну нищеты свою семью — вывелъ бы слугу, которой ослушивается своего господина и показалъ бы всѣ ужасныя слѣдствія непослушанія. — Какуюнибудь ханжу, которая при всемъ лицемѣрномъ богомольи, разоряетъ своихъ сосѣдей — Бабу ворожею, которая плушетъ и обманываетъ простяковъ и разсѣялъ бы предразсудки народныя о ворожбѣ — представилъ бы крестьянина, которой не рыдаетъ о томъ, что его отдають въ солдаты; но которой повинуюсь священному долгу осмѣ-

вляешѣ опца, мать, жену, дѣтей, домѣ опцовской, родину, и идешѣ охотою въ солдапы — зная, что въ случаѣ бѣдствія Отечества, въ сердцѣ истиннаго гражданина, все должно умолкнуть, кромѣ гласа любви къ Отечеству и славы. Піесы такого рода были бы полезнѣе и занимательнѣе для народа, нежели непонятныя для нихъ трагедіи, которыя они смотрятъ и переполковываютъ по своему.

Другой театрѣ для *просвѣщенной публики*, — здѣсь на сцену я не пустилъ бы ни пьяницѣ, ни подвѣчихѣ, ни мужиковѣ — ибо между истинно благородными и просвѣщенными людьми не можетъ быть ни пьяницѣ, ни подвѣчихѣ, ни плутовѣ секретарей, ни грубыхѣ невѣждѣ — всю эту челядь я отослалъ бы на *народной театрѣ*, которыхѣ должно быть по крайней мѣрѣ по одному въ каждомѣ уѣздѣ, ибо они шамѣ болѣе приносятъ пользы, нежели въ столицѣ.

На *благородномѣ* театрѣ, я изобразилъ бы всѣ шѣ пороки и предрасудки, которыхѣ мы подвержены.

Говорятъ, что источникъ поэзіи и театра иссохъ. Мало ли осталось еще предмѣтовъ, на которые ни Поэтъ, ни Комикъ, ни обращали вниманія? Источникъ Поэзіи и Театра не иссохъ: со всякимъ измѣненіемъ нравовъ родятся новые предмѣты — онъ иссохъ тогда только, когда нравы наши пребудутъ не измѣняемы, когда обширный умъ человѣческій, дойдя до Non plus ultra, остановится на одной ступени, лучше сказать тогда, когда люди не будутъ людьми.

Мало ли у насъ предметовъ для театра? Предметовъ, которые достойны быть обработаны искуснымъ перомъ, предметовъ ожидающихъ новаго Мольера или Ф. Визина?

Изобрази мнѣ нынѣшнее модное воспитаніе, представь, какъ отцы и матери оставляя воспитаніе дѣтей своихъ на произволъ пронырливыхъ Иностранцевъ, прыгающихъ на балахъ, играютъ въ карты — какъ въ самую ту минуту сыновъ, ввѣренной попеченію людей постороннихъ, развращаетъ сердце и приуго-

повляеть себѣ неминуемую погибель. Одна минута, одинъ маловажный случай иногда имѣють большое вліяніе на нравственность юноши — и минута проведенная имѣ, безъ надзора отца или нѣжной матери, бываетъ иногда источникомъ великихъ золъ и несчастій, которыя онѣ въ послѣдствіи въ печеніи жизни своей преперѣть долженѣ! — Представъ мнѣ барина, надупаго гордостію, презирающаго всѣми, обремененнаго долгами, не внемлющаго гласу несчастныхъ и собственное наслажденіе цѣнящаго дороже всѣхъ добродѣтелей на свѣтѣ — Представъ моднаго молодаго человека, копорой побывавъ въ Парижѣ, промощавъ опцовское имѣніе, всю жизнь свою проводитъ въ любовныхъ инпригахъ, думаетъ день и ночь о томъ только, что бы разстроить еще какую нибудь супружескую связь, соблазнить невинную дѣвушку, дабы болѣе придать зелени лаврамъ Венеры — и послѣ въ старости обремененнаго тяжестію совѣсти, копорая рано или поздно возопіеть въ его сердцѣ. — Подобныя симѣ Піэсы были

бы пощёщаемы всѣми, ибо каждый бы въ нихъ увидѣлъ свой, или ближняго своего поршрешъ.

Представъ мнѣ піэсы и другаго рода — изобрази мнѣ добродѣшель въ низкомъ состояніи — изобрази мнѣ непорочность нравовъ деревенскихъ жителей (копя и съ прудомъ могу повѣрить, чшобы просвѣщеніе развращало нравы) я съ удовольствіемъ буду ихъ смотрѣть и какой Руской, котораго главнѣйшая добродѣшель есть любить Опечество, не прольетъ радостныхъ слезъ? Представъ мнѣ героевъ древности, изобрази мнѣ великихъ мужей спасавшихъ Опечество, и я въ сердцѣ моемъ воздвигну тебѣ памятникъ; но какую пользу, какое удовольствіе, принесетъ благовоспитанному человѣку или невицной дѣвицѣ, *Бобыль*, *Князь Трубогистъ*, *Святошная шушка*, *Мельникъ и Сбитенщикъ соперники* и прочія подобныя симъ комедіи, которыхъ у насъ, благодаря молчанію крипки, не мало?

Сколь ни превосходны, сколь ни прогашельны *Лиза* и *Рекрутской Наборъ*

г. Ильина; но двѣ, при піэсы, не могутъ возвыситъ шеатра нашего — надобно ихъ двадцать, тогда шеатръ нашъ спанетъ на ряду съ прочими и въ партерѣ будутъ сидѣть не одни мѣщане. Mais il faut que le beau soit rare, sans quoi il cesseroit d'être beau, сказалъ Вольтеръ — и сказалъ истинну.

Я увѣренъ, что естли бы шеатральные сочинители наши, спарались подражать шворцамъ *Рослава, Эдина, Хвастуна, Медоросля и Лизои*; то спрогье хранители нравовъ переспали бы жаловаться на презрѣніе Рускихъ къ Рускому.....

---

## II.

### *Мои Мнѣнія.*

#### *Глава I.*

Какъ сударь! говоритъ мой просподушной Яковъ, опять за перо? — Такъ другъ мой, у всякаго свои спранности, иной цѣлой вѣкъ скипается изъ земли въ землю, иной безпреспанно щипаетъ свои червонцы, иной смопритъ съ утра до вечера на луну, а я люблю писашъ. —

Да что же вы хотите писать? — Что у нас взойдетъ — возьму перо и буду имъ водить по бумагѣ безъ всякой цѣли и намѣренія. Съ нѣкошораго времени вошло въ моду марасть бѣлую бумагу, ты знаешь, что я слѣпо слѣдую всякой модѣ. — Признайся вамъ сударь, сказалъ мой Яковъ, размахнувъ руками, вы спранный человекъ! сколько разъ говорили вамъ и прозой и стихами, на словахъ и въ печати, пріятели и не пріятели, что ваши сочиненія (съ позволенія доложитъ,) никуда не годятся, а вы все еще хотите писать! Я васъ не понимаю! — Другъ мой! сказалъ я обмакнувъ въ чернильницу перо, мы кончимъ эту матерію, въ другое время.

А ты вѣрной мой спутникъ, сказалъ я обтирая пыль съ моего пера, ты усердный мой товарищъ, защитникъ. (разумѣется отъ *злыхъ критиковъ*) другъ, я забылъ тебя во время моего покоя, теперь снова прибѣгаю къ тебѣ . . . . Ахъ! сколько людей забываютъ въ щастиіи тѣхъ, кои имъ прежде благодѣшествовали!

Послѣ сего риторическаго обращенія къ перу моему, началъ я разсмащивать самаго себя. И пакъ, сказалъ я, я опять пишу. Опять новыя идеи полешащъ ко мнѣ — и опять (къ несчастію бѣдныхъ моихъ читателей) надобно класъ ихъ на бумагу!

По крайней мѣрѣ, теперь утѣшаетъ меня то, что они узнающъ образъ мыслей моихъ о нѣкоторыхъ предметахъ и удостовѣряются, что хощя я и худой писатель; но не злой человекъ.

Совсѣмъ пѣмъ должно вамъ признащяся, милоспивые государи, что я никогда бы не подумалъ быть сочинителемъ, ещяли бы не имѣлъ несчастія зѣвать надъ нѣкоторыми произведеніями Россійской Словесности. И пакъ какъ свое, всякому *милѣ*, то я рѣшился лучше заставитъ зѣвать другихъ, нежели зѣвать самому и не болѣе какъ въ мѣсяцъ издалъ при или четыре книги, одну за другою. — Читатели мои со слезами увѣряющъ, что желаніе мое исполнилось.

Воля ваша, милоспивые государи, сколько вы ни хвалише нашъ просвѣщенной вѣкѣ, полько я думаю, что половины бы книгъ у насъ не было, естльбы менѣе было праздныхъ людей. Человѣкъ знаетъ грамошъ, ничего ему дѣлать — въ пакихъ обстоятельствяхъ, онъ беретъ бумагу, перо, и — гошова книга. Чрезъ недѣлю ее напечатано уже тысяча экземпляровъ, лучшими липерами, на тонкой бумагѣ, случается, что бѣдной сочинитель продаетъ иногда послѣдній кавшанъ, пишетъ превеликолѣпное объявленіе въ газешахъ, будпо онъ имени книгопродавца, (изъ которыхъ благодаря невѣжеству половина не умѣетъ читать) и что всего смѣшнѣе, находитъ въ книгѣ своей тонкой вкусъ, оспрыя мысли, плавной слогъ, обильное воображеніе, говоритъ, что книга его по своей занимательности нимало неуступаетъ никакому сочиненію въ мірѣ, еще впередъ ручается, что читатели его будутъ восхищены, пронупы — и чтобъ придашь болѣе учености сему объявленію, по себя на-

зываетъ *Авторомъ*, *Редакторомъ*, а подписавшихся *Субскрибентами* и *Пренумерантами* — и все это для того, чтобы болѣе разбирали книгу. Люди, которые судятъ о книгахъ по газетнымъ объявленіямъ (а у насъ такихъ людей еще не мало!) почишаютъ книгу сію зарѣдкосью, жертвуютъ рублемъ и за этотъ рубль получаютъ вздоръ, недостойной вниманія. Вотъ обманъ, которой остается безъ всякаго наказанія. Человѣкъ благонамѣренной, видя пучи печатныхъ книгъ, безпокоющихъ честныхъ людей, принимается издавать критической журналъ, дабы хотя мало обуздать сію ученую челядь — но чтожь? тысячи невѣждъ восстаютъ противъ него, бранятъ, шельзуютъ и — онъ же останется въ дуракахъ!

Чтожь дѣлать! Таковъ обычай! Всякой хочетъ сдѣлаться извѣстнымъ! хотя и правда, что это самой дурной путь къ славѣ, и что къ ней ведутъ одни таланты; хотя правда и то, какъ говаривалъ почтенной прадедушка *Бѣднаго Лавандра*, что *добрый зе-*

младѣлецъ болѣе приноситъ пользы, нежели десять худыхъ сочинителей; хотя правда и то, что если бы всѣхъ посредственныхъ писателей, не исключая и вашего покорнаго слугу, заставили пахать хлѣбъ или работать на фабрикахъ, то произведеніе сего труда вознаграждено бы убыткомъ, копорой мы дѣлаемъ марая бѣлую бумагу и набивая пѣмъ цѣну для людей упопреляющихъ ее съ пользою; хотя правда и то, что для хорошихъ книгъ у насъ выходящихъ, не нужно болѣе одной шипографіи и что люди работающіе на двадцати другихъ шипографіяхъ произведенія писателей, упражнясь въ другомъ, принесли бы болѣе пользы — но . . . . шаковъ обычай! Чпожъ дѣлать!

---

## Глава II.

Какое вздорное начало! скажетъ строгій критикъ, копорой (между нами сказать) конечно будетъ сидѣть въ *Успенскѣ* своемъ колпакѣ. — Пожалуйте, государь мой, не слѣдуйте правилу нѣкоторыхъ неугомонныхъ людей, не су-

дите по первой страницѣ о всей книгѣ. Возмите трудѣ прочитайте ее и выудостовѣришесь въ истиннѣ словѣ Плинія, что нѣтъ пойдѣ книги, въ которой бы не было чего нибудѣ полезнаго. Мои сочиненія такъ же полезны въ нѣкоторомъ смыслѣ, а особливо тогда, когда вы будете спряться безсонницею — они могутъ служить вамъ вмѣсто опиума. Въ такомъ случаѣ г. кришикѣ прочитайте на ночь что нибудѣ изъ моихъ сочиненій, и вы увидите, что это самое действительное лекарство отъ безсонницы — или я не *Асторѣ!*

---

### Г л а в а III.

Однакожѣ глубокомысленные люди станутъ спрашивать о цѣли сего сочиненія. Имѣйте першніе, милоспивые государи, все будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ. При томъ же вы сами знаете, что всѣ сочинители, переводчики, подражатели, коментаторы, словомъ весь ученой народѣ, а особливо люди украшенные большими испанскими париками, въ кошелькахъ, алыхъ кавтанахъ, дурна

ли книга, хороша ли; но посвящаютъ страниць сорокъ, пятьдесятъ, на то, чтобы испытать терпѣніе своихъ читашелей — то есть: пишутъ предлинное *Предисловіе*, котораго правда ниццо не читаешъ, а ешьли кому и вздумается, то прочитавъ страницы двѣ и сказавъ спарую рускую пословицу: *виднасова по полету* — закрываетъ книгу и кладетъ ее на шуполку своей библіотеки, гдѣ вѣрно кромѣ мышей, никто не нарушитъ ихъ покоя! Однакожъ бывають такія люди, которые имѣють *нещастную* привычку читашь все, что ни попало. Конечно эти люди будутъ читашь и мои мнѣнія, для нихъ надобно бы было предисловіе, въ которомъ надлежало бы объяснить всѣ причины побудившія меня писать мои мнѣнія; но блаженной памяти мой учитель Рипорики (да будетъ миръ его *схоластическому* праху!) сказывалъ мнѣ, что предисловіе должно быть писано слогомъ важнымъ, почти высокопарнымъ. Я, признаюсь, худо пользовался его уроками, никогда не пишу высокопарно, но всегда просно —

какъ чувствую! кладу на бумагу мысли не напыщенные, не вымышленныя; но истинныя чувства моего сердца!

Высокопарныя Педанты! Нѣжныя Селадоны! какъ бы щасливы были чистапели ваши, естли бы не паря подъ облаками, не напыщиваясь какъ Езопова лягушка, не выходя на кафедру для проповѣдованія площадной морали, копорой вы сами не слѣдуете, не проливая на каждой спрокѣ испочниковѣ чувствительныхъ слезѣ, копорыя возбуждаютъ смѣхѣ въ чистапеляхѣ — писали вы прощо — но ясно!

Но это мимоходомъ....

Имѣйте терпѣніе, милоспивые государи, когда нибудь въ свободной часѣ, я объясню подробнѣе вамѣ всѣ причины побудившія меня гулять по обширному полю нашей словесности, скажу подъ какимъ градусомъ широты или долготы и даже въ какомъ соспоянніи была атмосфера, когда родилась у меня такая-то мысль. Назначу именно годѣ, часѣ, даждо минушу и секунду самаго малѣйшаго приключенія — вѣдь вамѣ

это очень нужно знать — вы помните я думаю, что я говорил на 41 странице Моего Путешествия, если вы имѣли несчастіе его читать.

Имѣйте терпѣніе, имѣйте терпѣніе!

---

Глава IV.

Признаюсь вамъ сударь, вы странной человекъ .... — Когда я подумаю объ этихъ словахъ моего Якова, по нахожу въ нихъ болѣе ума и смысла, нежели сколько въ нихъ можешь быть есть. Такъ, мой другъ, не одинъ ты это говоришь; но ежели бы ты зналъ грамоту, то вмѣсто *странной* включилъ *несносной* и прочитавъ мои сочиненія, проклялъ бы ихъ, кшо дали шобъ случай при первомъ шагѣ своемъ къ посвященію, зѣваешь сряду два часа.

Но .... скажешь мнѣ, за чемъ же пишешь, когда чувствуешь, что пишешь дурно? — Ахъ! милосивые государи, одинъ ли я пишу дурно? Еслибы за каждую спроку, написанную безъ правды, вкуса, ума, за каждое слово на-

водящее зѣвоту, слишкомъ *благоклонной* публикѣ, собирали пошлину — сколько бы у насъ было банкротовъ!

---

*Глава V.*

Милоспивые государи! еспьли предлагаемая мною ниже сего Философико-Моральная система причинитъ вамъ зѣвоту, шо — бросьте ее въ огонь.

Система? что пы задумалъ бѣдной сочинитель? съ умомъ ли пы? у насъ и шо на одинъ предметъ, благодаря изобрѣшенію печати, по нѣскольку системъ на мершвыхъ и живыхъ языкахъ, а пы еще задумалъ писать систему!

Да, Г. крипикъ, систему! Конечно я молодъ еще для эшаго, но за шо я не такъ упвердительно предложу вамъ мысль мою, какъ шворецъ *запаснаго* сердца, за шо я думаю *сѣтъ* (не забывайше Стерна! (\*)) одною десятою будеть менѣ смѣяться надъ моею системою.

---

(\*) Стернъ говоритъ, что слово *сѣтъ* значитъ маленькой кружокъ въ большомъ кругѣ.

мою нежели надъ небывалымъ *запаснымъ* сердцемъ, которое Гну . . . . . угодно было создать на досугъ. Да и подлинно — какой вздоръ не пойдешъ въ голову, сидя въ длинные зимніе вечера у камина!

Мнѣ кажется, что Природа создала челоѵка (пожалуйте не примите это за новое открытіе въ *Анатоміи*, это сущая *Мораль*,) только съ половиною сердца, а другую половину дала женщинѣ — и такимъ образомъ всѣ мы имѣемъ только половинки сердецъ, а другія половинки въ женщинахъ.

Пожалуйте не смѣйтесь, милоспивые государи, имѣйте терпѣніе прочтите мою систему и послѣ мы будемъ хохотать вмѣстѣ если угодно. Я даже до такой степени снисходителенъ, что велю разложить огонь въ каминѣ, для принесенія моей системы въ жертву Момуса.

Я обращаюсь къ моей системѣ — Если въ печеніи жизни челоѵкъ найдетъ другую половину своего сердца, то они оба почувствуютъ страсть другъ къ другу и соединятся

живуть щасливо. Вообразите же теперь половинки сердець раздѣленные такъ, что мущина живесть на примѣ въ Португаліи а женщина въ Киргизь-кайсацкой ордѣ. Соединясь вмѣстѣ они жили бы щасливо — но какъ распояніе, вѣра, нравы, языкъ, воспитаніе, невѣжество, заблужденія, предрасудки и пысячи другихъ причинъ, никогда не могушь ихъ соединить и Португалець женился на Португалькѣ, копорая такъ же разлучилась съ половиною назначеннаго ей сердца, со стороны обишательницы Орды тоже; то выдесть, что сіе раздѣленіе произведесть пьму несчастныхъ, ибо всѣ вещи связаны между собою. А по этому-то и можно заключить, что изъ пысячи паръ, врядъ ли десять щасливы, ш: е: врядъ ли десяти только чловѣкамъ случай доспавитъ удобность найши и соединится съ предназначенными для нихъ судьбою половинками.

Признайшесь, сударыня, не случилось ли вамъ увидѣть мущину и почувствовать вдругъ сильное біеніе сердца

волненіе крови, жаръ — пакъ знайше, сударыня, что половинка его сердца, близко подходитъ къ вашей.

Теперь, милостивые государи, смѣйтесь сколько вамъ угодно. Женашые понимаютъ меня и пихонько взглянувъ другъ на друга, согласяся съ моею *системою*, — копорая (объявляю бѣлому свѣшу) нисколько не уступишь системою шѣски моего Коперника.

Благодарите однакожъ дороговизнѣ бумаги и печати, что я вмѣстилъ мою системою на двухъ страницахъ. Клянусь вамъ, что я не хуже другаго могъ бы расплодись ее. Могъ бы начать отъ сотворенія міра, показашъ физическое и нравственнее образование человека и не перескочивъ ни чрезъ одинъ періодъ, идши важно до нашихъ временъ, обозрѣвашъ всѣ переменны свѣша, показашъ тысячу примѣровъ несогласія между супругами Израильянъ, Ассирянъ, Египтянъ, Грековъ, Римлянъ, и наконецъ дойши до нашихъ временъ, доказывашъ даже, что великолѣпныя Мавзолеи воздвигались отъ соединенія

половинокъ сердець в Имперіи падали, разрушались отъ раздѣленія оныхъ; могъ бы привести *систему* мою въ подлинную *систему*, написать огромной *фоліантъ* — могъ бы — но жалю бумага!

(Продолженіе впрѣдъ.)

---

### III.

Соловей. (\*)

Басня.

Ужасный мракъ ночи начиналъ уже рѣдѣть — заря алая разстилается по лазоревому своду небесъ — благопворная роса ниспадаетъ и всѣ цвѣточки оживляются, пшички пробудясь порхаютъ съ вѣтки на вѣточку — все тихо, все прекрасно, все величественно! Вдругъ появляется багровый свѣтъ на Востокъ — шаръ огненный восходитъ

---

(\*) Издашель чувствительно благодаритъ почтенную незнакомку за присылку сей басни и приглашаетъ любезныхъ Женщинъ, украшать сочиненіями своими Журналъ Словесности.

и озаряетъ лучами своими горизонтъ — сколько новыхъ красокъ тогда явилось! Мракъ съ ужасомъ оставляетъ поля, лѣса, долины — Зефиры летящъ на встрѣчу свѣшила Міра и травка кажется зеленѣе и ручейки журчащъ веселѣе по желтому песку — уже лѣса вселявшіе ужасъ во время ночи, привлекающъ къ себѣ спранниковъ и готовящся укрытъ ихъ подъ тѣнію деревьевъ. Величественная рѣка течетъ смиренно, гордясь изображать въ себѣ Солнце, коего лучи играютъ въ зеркалѣ водъ ея. Пернастые привѣтствуютъ его сладкогласнымъ пѣніемъ своимъ....

Но чей гласъ сильно раздается въ сей пустынѣ? Грянулъ — всѣ птички умолкли и эхо горъ глухо повторило звонъ.... Запѣлъ — и вся Природа встрепенулась, холмы и столбніе дубы преклонили чела свои и съ препетомъ внимали его гласу — вѣтръ утихъ и крошкіе Зефиры оплели — Солнце въ изумленіи, какъ бы спрашась соперника, покрывается сѣдою тучею и вдругъ въ новомъ сіяніи появляется, озаряетъ

Природу и славнаго пѣвца его привѣспвующаго! Кшо сей царь пѣвцовъ? Чей гласъ шакъ сильно, нѣжно, быспро, пламенно, умѣетъ спрасъ изображашъ? Кшо сей, предъ кѣмъ всѣ пѣвцы природы умолкающъ и пререщущъ? Царспвуй, царспвуй Соловей! Царспвуй въ лѣсахъ, поляхъ и долинахъ! — Ты поешъ — и пшшцы не дерзающъ пѣшь съ тобою. О Соловей! сколь завидна швоя учашъ! Злоба, зависъ и надмѣнносъ, часто оскорбляющъ у насъ Апполона и гдѣ поешъ сѣдый Бардъ увѣнчанный лаврами, шамъ, въ слѣдъ за нимъ, часто кричашъ и филины! О судьба! неужели шы споль жестпокосерда, чшо человѣка, сіе вышнее существо природы, поставляешъ въ необходимосъ завидовашъ участи безсмысленныхъ шварей!

. . . . . ва.

---

*Чувствующій Кедръ.**Восточная басня.*

Какъ величественна природа! говорилъ Алмазоръ сидя на скалѣ и обозрѣвая пріятную долину просширавшуюся предъ его взорами, какъ величественна природа и какъ жалокъ человекъ лишая себя удовольствія видѣть злапыя въ поляхъ класы, луга покрытые цвѣтами, испочники спрующіеся по равнинѣ и древа качающія въ шви свои въ чистомъ воздухѣ? Величественный Кедръ! какими бы неизрѣченными благами ты наслаждался, еспьли бы небо одарило тебя чувствами! Птички лѣшашъ подъ кровъ швой, на корѣ швоей пламенные любовники изображаютъ спраспныя чувства свои, подъ шбнію швоею мудрый мечшаетъ о блаженствѣ, общей химерѣ человекѣвъ, Всѣ чувствительныя существа находятъ подъ кровомъ швоимъ миръ и успокоеніе. Для чего я не Кедръ, или для чего ты не имѣешь чувствъ моихъ! —

Превратись въ кедръ, безразсудной юноша! сказалъ Геній, покровитель сижъ прекрасныхъ мѣстъ; но подъ древесною корою, пребудь челоѡкомъ, доколѡ раскаяніе возвратитъ тебѡ первобышней твоей образъ. Едва сказалъ сіе Геній, и уже Альманзоръ превращается въ величественный кедръ; отрасли его уподобляющся зеленѡющему своду, непроницаемому для солнечныхъ лучей. Птички, Зефиры и Паспушки, спѡицатъ укрышья подъ тѡнію юнаго Кедрѡ; но онѡ съ соболѡзнованіемъ давалъ убѡжище холодной нечувствительности. Однажды нѡжная, но равнодушная Зулеима, пришла укрышья подъ тѡнію юнаго Кедрѡ, скоро предалась она сладостному, тихому, безмятежному сну, какой внушаютъ одни только невинныя сердца. Какія красоты представились тогда взорамъ безразсуднаго Альманзора! Невольной трепетъ обѡялъ его. Онѡ склоняетъ спѡспныя вѡпви къ юной красавицѡ. Въ то время, какъ онѡ усиливается скрыть ее отъ взоровъ всеселенной, Нессаръ презрѡнной любов-

никъ Зулеймы идетъ къ ней, видитъ предмѣтъ желаній своихъ и дерзкою рукою опдѣляетъ вѣтви древесныя... Уже Нессаръ достигаетъ Зулеймы, уже хочетъ обнять ее — какъ вдругъ Кедръ испускаетъ стонъ; Нессаръ, пораженный ужасомъ, удаляется — Альяманзоръ принимаетъ прежній видъ свой и упадаетъ къ ногамъ гордой Зулеймы, кошорой сердце смягчается при видѣ палкихъ чудесъ. — Сколько красавицъ лишились равнодушія своего за меньшую цѣну!

В. . .

(Изъ Mercure de France)

V.

*Извлеченіе  
изъ сочиненій Вольтера.*

(Продолженіе.)

*О самолюбіи.*

*Николя въ Опытъ Иравственности,  
изданномъ послѣ прехъ или чепырехъ*

тысячъ книгъ, писанныхъ о семъ же предметѣ, говоритъ: „что посредствомъ общихъ висѣлицъ и колесъ укрощаются своевольныя мысли и намеренія самолюбія каждаго чуждаго человека.,,

Я не буду входить здѣсь въ изслѣдованіе, бывають ли общія висѣлицы, также какъ общія луга и имѣнія, и можно ли укрощать мысли мученіями; но мнѣ странно кажется то, что *Николь* разбойничество и убійство приписываетъ самолюбію. Тутъ есть маленькая разность. Кто будетъ утверждать, что самолюбіе побудило Нерона умертвить мать свою и что Карпушъ былъ самолюбивъ, тотъ грубо ошибется. Самолюбіе не есть порокъ; но чувствіе общее, свойственное всѣмъ людямъ; оно происходитъ болѣе отъ тщеславія, нежели отъ порока.

Ницій въ окрестностяхъ Мадриша просилъ милостыни; — не смѣшно ли тебѣ побираться тогда, когдѣ ты можешь питаться прудами, сказалъ ему одинъ прохожій. — Государь мой, отвѣ-

залъ нищій, я у васъ прошу денегъ, а не совѣповъ. Эпопъ челоуѣкъ былъ гордой нищій — онъ просилъ милостыни изъ себялюбія, и не могъ слышать укоризнъ по самолюбію.

Тѣ, кой ушверждали, что самолюбіе естъ основаніе нашихъ чувствъ и дѣйсвій, сказали большую испинну, и какъ никшо не спараеітся доказывать людямъ, что у нихъ естъ лице; по пакже не нужно доказывать имъ, что они всѣ самолюбивы.

Самолюбіе естъ душа жизни нашей, оно необходимо, драгоцѣнно для насъ, дѣлаеітъ намъ пьму удовольствій и со всѣмъ шѣмъ должно его скрывать.

---

### *О лести.*

Я не нахожу никакого знака лести въ глубокой древности, никакой лести въ швореніяхъ Гезіода и Омира. Пѣсни ихъ не были поднесены никакому знашному Греку или супругъ его, какъ какъ каждая изъ пѣсней Томсоновыхъ посвящена какому нибудь богачу

и какъ множество книгъ, всѣми забытыхъ, посвящены какимъ нибудь знашнымъ людямъ.

Димосеенъ также никому не льстилъ. У Римлянъ лесть вошла въ обыкновеніе со временъ Августа. Юлій Кесарь не успѣлъ собрать лавровъ лести. Мы не имѣемъ ни одного приношенія ни Силлѣ, ни Марію, ни Карбону, ни ихъ женамъ и любовницамъ. Можесть быти Лукуллу и Помпею сочиняли въ похвалу какіе нибудь дурные стихи, но благодаря судьбу, они не дошли до насъ.

Лесть не споль пагубна какъ воображаютъ иные, особливо же когда она имѣетъ основательныя причины. Иногда она служитъ поощреніемъ къ великимъ дѣламъ; но чрезмѣрная лесть, споль же въ глазахъ моихъ порочна, какъ и сапирь.

---

### *О роскоши.*

Кто первой надѣлъ обувь, когда всѣ ходили босые, неужели почиался

разшочипельнымъ? Мнѣ кажется, что онъ былъ очень благоразуменъ и прудлюбивъ.

Тоже можно сказать и о человѣкѣ, которой изобрѣлъ рубашку. Но кто первой выдумалъ бѣлишь холстъ, шопъ во моему мнѣнію былъ Геній.

Однакожъ люди, которые не имѣли обыкновенія носить рубашекъ, почисали его разврашиселемъ нравовъ.

Убѣгайте, роскоши! говорилъ Капонъ Римлянамъ, вы покорили Персію, Индію, но пренебрегайте богатствомъ. Вы завоевали землю, гдѣ много цуху, но спите на голыхъ доскахъ. Вы ограбили богатство всего Міра, но не пользуйтесь имъ, лишайте себя всего ограбивъ весь Міръ.

Другъ мой, отвѣчалъ ему Лукуллъ, пожелай лучше, что бы Крассъ, Помпей, Кесарь и я, все промочали. Римъ долженъ быть покоренъ, и скорѣе всего будешь порабощенъ однимъ изъ насъ, ешлы мы будемъ слѣдовать твоимъ совѣшамъ. Пожелай лучше, что бы Ке-

сарь и Помпей промотали все имѣніе и не имѣли чѣмъ содержать войска.

Норвежець упрекалъ Голландца въ роскоши. Гдѣ дѣвалось, говорилъ онъ, по золотое время, когда бывало Амстердамской купецъ ѣдучи въ Индію, оставлялъ копченой окорокъ въ кухнѣ своей и по возвращеніи находилъ его еще не сѣденнаго? Гдѣ дѣвались ваши деревянныя ложки и желѣзныя вилки? Не спыдно ли мудрому Голландцу спать на мягкомъ пуховикѣ и одѣваться Индѣйскимъ покрываломъ?

Ступай въ Батавію, сказалъ ему Голланецъ, наживи такъ же какъ я миліоны, я посмотрю не родится ли у тебя желаніе быть хорошо одѣту, хорошо ѣсть и пить?

Послѣ сего разговора двадцать пракшаповъ написано о Роскоши, которые однакожь не уменьшили оной и не умножили.

---

*О слезахъ.*

Слезы есть безмолвный языкъ душевной скорби. Но какое сходство имѣетъ скорбь съ слезами?

Отъ чего дѣши и женщины, при малѣйшемъ огорченіи скорбѣ плачутъ, нежели возмужалые люди?

Не уже ли Природа хотѣла возродить въ насъ состраданіе при видѣ слезъ, и заставитъ помогать проливающимъ оныя? Дикая женщина споль же ревностно стараея помочь плачущему дѣшши, какъ и знатная госпожа, и можетъ быть еще болѣе, ибо она не сполько развлечена и обуреваема спрашми.

Слезы копя и не имѣютъ совершенно такого опредѣленія; но пріятно предполагать, что Природа заставила проливать ихъ для внушенія состраданія.

Говорятъ, что женщины могутъ плакать когда захотятъ. Я ни мало сею не удивляюсь. Живое воображеніе, чувствительность, устремясь на какой

нибудь прогашельной предмѣтѣ , представяяѣ споль живыми красками , что извлекуѣ слезы. Это часто случается на сценѣ съ Актѣрами, а болѣе съ актрисами.

Женщины, которыя хопяѣтѣ имѣ подражать, присоединяюѣтѣ къ сему нѣкоторую хипрость, показывая, что плачуѣтѣ о мужьяхѣ, часто рыдаюѣтѣ о любовникахѣ. Слезы ихѣ не лицемѣрны, но предмѣтѣ оныхѣ лживѣ.

Смѣяѣсья припворно можно, но плакаѣть припворно не лзя. Надобно быѣ дѣйствительнo пронупу, что бы проливаѣть слезы; но засмѣяѣсья, стоитѣ шолько захотѣѣть.

Иные спросятѣ отѣ чего человекѣ жестокосердый, равнодушно взираюѣщій на ужаснѣйшія преступленія, предавшійся гнуснѣйшимѣ порокамѣ, проливаѣетѣ слезы въ Театрѣ, видя на сценѣ тѣ же самыя преступленія и пороки? Отѣ того, что онѣ не тѣми глазами уже смотритѣ, онѣ видитѣ такѣ, какѣ Сочинитель и Актѣрѣ ему представили. Онѣ уже не шѣтѣ человекѣ: онѣ былѣ

зодѣй, творя зодѣянiя онѣ былѣ обу-  
реваемѣ ужаснѣйшими спраспьми: въ  
Театрѣ онѣ дѣлаешся человекѣмъ. Ду-  
ша его была въ волненiи, въ Театрѣ  
она покойна, чужда спраспей, Природа  
берешъ верхъ надѣ сердцемъ его, и зло-  
дѣй — проливаешъ слезы! Вопѣ испин-  
ное достоинство, вопѣ добро теат-  
ромъ производимое! Ораторѣ холодно  
говорящiй рѣчь, усыпляешъ только сво-  
ихъ слушателей.

Тотѣ, кто не содрагаясь былѣ при-  
чиною и свидѣтелемъ смерти невинна-  
го Калласа, можешъ бышь пролилѣ бы  
слезы, увидя собственное свое зодѣ-  
янiе въ Трагедiи, хорошо написанной и  
разыгранной.

*(Продолженiе следѣ.)*

---

---

# СТИХОТВОРЕНІ.

---

## I.

### *Признаніе.*

Тьфу пропасть! какъ ни бьюсь,  
на умъ нейдѣ  
И рифмы ошъ меня и мысли прочь бѣ  
За чшождъ наказанѣ спалѣ шеперь ;  
Я помню, что ко мнѣ ходили рифмы  
Бывало, никогда совсемъ ихъ не иска  
И цѣлые листы не думавши писалъ;  
А нынѣ, . . . . Боже мой! разѣ по с  
Хочу писашь — хочу, но что писашь  
И сколько самъ себя я много ни любѣ  
Но видя шо, и самъ себя ужѣ не хва  
Возьмусь ли, на примѣрѣ, побѣ,  
О коихъ знашь моглибѣ и позднѣ  
цпомки

Уже съ Херасковымъ я на Парнасѣ лечу,  
 Какъ онъ / ихъ воспѣвалъ, подобно пѣть  
 хочу.

Я чисныхъ девять сестръ въ пособье при-  
 глашаю,

Фигуры, пропы всѣ, метафоры собираю,

Хочу прославишься — и весь подлунной  
 свѣтъ

Пусь скажешъ обо мнѣ: *прекрасней онъ*  
*Поэтъ!*

Но чтожъ? — лишь запою — увы! я самъ  
 перзаюсь,

С..... почь въ почь уподобляюсь,

Словами длинными чипашеля душу,

И полько лишь въ стихахъ реляцію пишу.

Воспѣшь ли захочу огромную я оду,

Къ Христову Рождешву, на пасху, къ нову  
 году...?

Легка лишь *красная* бываетъ мнѣ спрока,

А шумъ — кричу, кричу: внесись за об-  
 лака!

Внесись, пари мой духъ! вляшише холмы,  
 горы!

Ликуйше берега! всѣ вѣтры скройшесь въ  
 норы!

Внемли Вселенна мнѣ! я зрю въ кругу пла-  
нешѣ. . . . .

Высоко, хорошо! да смыслу только нѣшѣ.  
Совѣшующѣ мнѣ сжечь, охотно согла-  
шаюсь,

И ошдохнувѣ, пишашѣ другую принимаюсь:  
Большому барину на орденѣ иль на чинѣ,  
Которой данѣ ему въ день царскихѣ имя-  
нинѣ,

Или какѣ у него сынокѣ иль дочь родишся,  
И шѣмѣ любовь его къ супругѣ наградиш-  
ся —

Начну, какѣ водишся, его я восхваляшѣ  
Великимѣ въ древности мужамѣ уподобляшѣ,  
И ежели чишашѣ не множокѣ хошѣ умѣшѣ,  
Скажу, что разума онѣ больше всѣхѣ имѣ-  
шѣ,

Что Локкѣ, Невшонѣ, предѣ нимѣ не значашѣ  
ничего

И врядѣ достойны ли учишся у него;  
Скажу — хошѣ не бывалѣ и вѣкѣ на равномѣ  
полѣ —

Онѣ свѣшу доказалѣ, что всѣхѣ героевѣ  
болѣ.

Вѣдѣ можно и шому весьма искусно агашѣ,  
Ашо рифмы кое-какѣ умѣшѣ придагашѣ.



Въ намѣреніи пишашъ такое, что бы было  
 Разумно и остро, и гладко и уныло,  
 И въ сильномъ помѣ жару присяду я къ

*бюро*

Бумаги дещъ возьму, чернильницу, перо,  
 Всѣ пальцы я себѣ въ восшоргѣ искусаю  
 И мысли новинькой, печальной ожидаю;  
 Полна ихъ голова — но ахъ! изъ головы  
 Лишь для чашашеля ядушъ однѣ *уши!*

То правда хошь онѣ у насъ въ обыкно-  
 венни,

Хошь пысячи ихъ ещѣ во всякомъ сочи-  
 неньи,

Но тѣмъ чашашеля я больше размѣшу  
 Подобно коль другимъ ихъ пропасть на-  
 пишу.

И шакъ по совѣсти пеперь признашь  
 должно,

Что мнѣ прославиться стихами не воз-  
 можно.

Жесткокой Аполлонѣ! немилосердый Богѣ!

Скажи, я чемъ шебя прогнѣвашъ сполько  
 могѣ,

Что взорѣ свой на меня никакѣ необра-  
 щашъ,

Моленія мои и жертвы презираешъ?

Еще ли мало я себя ихъ посвящалъ,  
 Когда бумаги въ день по дести я маралъ?  
 Но ты не внемлешь мнѣ, напрасно восклицая,

Напрасно я швоей щедроты ожидаю! —  
 Не мнѣ ли ты вѣщалъ усами Буало:  
 Коль небо самое себя произвело  
 Безъ Генія, совсемъ не сдѣлало Поэтомъ,  
 Такъ щещно ты берешь Поэзію предѣ-  
 шомъ!

Оставь ее — и такъ ее оставлю я  
 и беспокоить впредь не буду въ вѣкъ себя.

А вы, товарищи, соспрудники лю-  
 безны!

Лющие ошъ рифмъ, какъ я, попокой слезны!  
 Внемлите мнѣ, я къ вамъ мой обращаю  
 гласъ:

Оставимъ для другихъ ушесистой Парнассъ.  
 Напрасно мы хошимъ на верхъ его взмо-  
 спишься —

Безумно воробьямъ во слѣдъ орловъ спре-  
 мишься,

Должны ли воду мы каспальскую мушишь?

Не намъ ее судьба опредѣлила пишь.

Когдажъ не чувствуемъ небесъ мы вдохно-  
 венъ,

То наши нѣжныя и громкія шворенья,  
 Какой бы намъ собой ни приносили шрудъ,  
 Подъ ваксу, подъ шабакъ, иль на вѣсѣ вѣб  
 пойдутъ.

Не лучше ли сіе *рукожсло* оставишь?  
 Послушайшесь! — вора подобныхъ намъ уба-  
 вишь!

И. О. . .

---

II.

О Д А.

*Безнагале.* (\*)

Распоргнувъ ошъ бразды закрѣпы,  
 По дебрямъ, по холмамъ, шекушъ,  
 Пылавъ огнемъ кони свирѣпы,  
 Копышами о землю бьютъ:  
 Разсыпана вся колесница;  
 А шамъ — разшерзанный возница,  
 Плачевна жертва люша дни,  
 Не крѣпкими владѣвъ руками;  
 Запушался между браздами —  
 Сшопшавъ его — дешяшъ кони.

\* \* \*

---

(\*) Много благодаримъ почтеннаго Поэта за при-  
 сылку сей оды.

Взбѣгушѣ на холмѣ, съ холма на горы,  
 Ошполѣ мечущя на долѣ,  
 Горящи вкругѣ кидашѣ взоры,  
 Стремяшя въ люшу бездну золѣ;  
 Падушѣ во рвы, въ пучинахѣ понушѣ,  
 Раздоромѣ окруженны спонушѣ,  
 Сибша напасши совершишѣ,  
 Лющѣ кровь, всё шопчущѣ и ломающѣ,  
 Преграды низложя спрадающѣ,  
 Не знавѣ куда главы склонишѣ.

\* \* \*

Но своевольствѣ вкушая сласти,  
 По вѣшпру гривой вѣющѣ вновь;  
 Мечшавѣ, что всѣ разпорглись власши  
 Кѣ себѣ возмѣрили любовь:  
 „Мы царствуемѣ въ пространномѣ полѣ,  
 „Не вѣримѣ буцефаламѣ болѣ;  
 „Мы созданы сносишѣ шруды,  
 „Намѣ общія даны всѣмѣ правы,  
 „Но такѣ же созданы для славы,  
 „Почто возницы и бразды?„

\* \* \*

Въ своемѣ обыкновенномѣ чинѣ  
 Полна Природа красошой,  
 Погрясшимѣ своевольствѣ въ пучинѣ

Земля бытъ кажѣтся пустою.  
 Имъ ключь, попоковъ шумъ опасны,  
 Лучи сїянїя ужасны,  
 Предшашеля надежды нѣтъ.  
 Кшо грозныя разгонитъ бури,  
 Или распроспранитъ лазури?  
 Кшо сирыхъ въ пажись поведетъ?

\* \* \*

Огни небесъ, шумящи воды  
 Караютъ спропощныхъ коней;  
 Звѣрей земныхъ различны роды  
 Имъ кажущъ острїе когтей,  
 Свирѣпствомъ ушомясь не жирны,  
 Кони обузданы и смирны,  
 Лежатъ невольники вражды!  
 Какъ вихрь явился злой возница;  
 Тотчасъ готова колесница;  
 На плечахъ взвѣяли бразды!

\* \* \*

Несчастны своевольцы въ Мирѣ!  
 Что вашихъ спалъ конецъ судьбинъ?  
 Кшо дерзостный предсталъ въ порфирѣ,  
 Кшо онъ? — Кшо сей Алкменинъ сынъ?  
 За чемъ низринули законы,  
 Попрали олшари и щорны

И крови пролили моря?  
 Гдѣ ваши равенства чертоги?  
 Злодѣйства совершили многи,  
 Чтобѣ взять изъ праха вамъ, Царя.

\* \* \*

Несмысленны и духомъ бѣдны,  
 Нелѣпныхъ призраковъ творцы,  
 О вы учили зловредны!  
 Печальны въ Мірѣ мудрецы.  
 Самихъ небесъ вы были чужды,  
 Въ Царяхъ не находили нужды.  
 Вы свѣтъ — безъ васъ мярцала тьма.  
 Или текуща кровь и свары,  
 Опустошеніе, пожары,  
 Есть плодъ крылатого ума?

\* \* \*

Возница дерзкій и не сытый,  
 Что честолюбіе зажгло,  
 За шки все кровей пролиты  
 Воздасть вамъ седьмерицей зло;  
 Воссягнетъ грозными браздами;  
 Обременитъ прудомъ, бѣдами,  
 Чтобѣ духъ изшоргнуть мяшежей;  
 Чтобѣ вы, презрѣнны цѣлымъ Міромъ,

Предъ новымъ гордосши кумиромъ  
 Не смѣли воздымашь очей!

*Графъ Хвостовъ.*

---

III.

*Уединеніе.*

Le sage avant sa mort, doit voir la vérité.

Просни блестящій градъ, свои богатшы  
 стѣны,  
 Гдѣ съ дѣтства самаго до юности моей,  
 Наиподлѣйшихъ былъ я жершвою людей...  
 Суть ядѣ въ глазахъ моихъ, бѣгу ихъ какъ  
 измѣны.

Бѣгу — кудажъ? къ тебѣ мое уеди-  
 ненье!  
 Пущь знашныя кого хомяшъ къ двору зо-  
 вушъ;  
 Спокойно, щасливо, здѣсь дни мои текушъ,  
 Я не завидую въ ихъ скользскомъ возвышенъ!

Какъ безразсудны мы! должныль нѣ бѣ-  
ды вдаваться,  
Чтобъ щастіе найти, котораго хотимъ?  
Оспавимъ мы людей, желанья укротимъ,  
И спанемъ, живѣ съ собой, мы лучше нау-  
часься.

\*

Коль цѣлью человекъ имѣешь насла-  
ждение,  
То лзя ли въ обществахъ, сихъ вихряхъ  
суеши  
Прямого щастія найти ему цѣльши?  
Ахъ нѣтъ! они цѣвштѣ въ одномъ уеди-  
ненви.

\*

Цѣвштѣ — не вянущѣ вѣкѣ, шократи-  
но возраждаясь;  
И рву ихъ безъ помѣхъ съ возлюбленной  
моей.  
Природой, Сашинькой, плѣнялся своей,  
Не знаю горестей, всечасно наслаждаясь.

\*

Съ спокойствіемъ смотрю на дней мо-  
ихъ печенье.  
Я въ настоящемъ лишь утѣхи нахожу,

\*

На будущее же безъ препенъта глянжу  
И зря прошедшее, не прихожу въ смущенье

\*

Блаженъ, кто общее людей презрѣвши  
мибнѣ,  
Что можеть лишь одно щеславье ушвер  
ждашь  
Щитаешъ, какъ я я, тогда щастливымъ  
спашь,  
Коль истинну, какъ я, нашель въ уди  
неньи.

\* \* \* \* \*

---

#### IV.

#### *Къ дружбѣ.*

Священно дружество, шебя что въ жи  
зни краше,  
Что драгоцѣннѣе, что ешь для насъ ми  
лбй?  
Коль въ жизни щастье ешь — одно ш  
щастье наше;  
Ты даръ благихъ небесъ, награда для лк  
дей.  
Пусть изверги одни бѣгутъ узла священна

Но къ дружеству кому дверь аринся ошво-  
ренна,

Возможно ли предъ шѣмъ зашмишь швомъ  
красы?

Машинной спарости, въ шѣ горькіе часы,  
Когда насѣ, кажешся, Природа оставляешъ,  
Чей огонь божественный намъ сердце согрѣ-  
ваешъ?

И гдѣ мы виѣ тебя отпраду обрѣшемъ?

О дружба! мы шобой, шобой одной живемъ!—

*Г — и В — ъ.*

V.

*Къ Хлоѣ,*

Милая Хлоя!

Другъ мой сердечной,

Ангель ушѣхъ! . . .

Ты миѣ все щасъе,

Жизнь и опрада,

Рай на земли!

\*

Что бы миѣ въ жизни,

Ешьлябѣ шобою

Щасъе не зналъ?

Чтобъ и въ утѣхахъ,  
 Еспьлибъ шобою  
 Не былъ любимъ?

\*

Милая Хлоя!  
 Другъ мой безцѣнной,  
 Ангелъ блаженствъ!  
 Ты мнѣ все щастье,  
 Жизнь и опрада,  
 Рай на земли!

*И. Пухо, . . . . .*

---

## VI.

### *Эпиграммы.*

#### 1.

Въ одинъ изъ лѣшнихъ дней  
 Ужалилъ нашего *Фрерона* змѣй.  
 Чшожъ вышло изъ шого? Кто эню опга-  
 даешъ?  
 Фреронъ живешъ — змѣй издыхаешъ!  
 О . . .

#### 2.

Клишъ ищешъ почешей; на чешъ пренебре-  
 гаешъ

И подлостью успѣшь въ желаньи уповаешь —  
Клишь, кажешься, свѣшь знаешь!

3.

Трапшашъ о подлости, Эразмъ нашъ написалъ! —  
Ну чтожь мудренаго? Себя въ предмѣшъ  
онъ взялъ!

## ИЗВѢСТІЯ.

*Россійскія книги: (\*).*

*Херсонида или Картина лѣтняго дня въ  
Херсонисѣ Газритескомѣ, Лирико-Эпическое  
пѣснотвореніе, вновь исправленное и  
умноженное, соч. Г. Боброва. С. П. Б.  
1804. въ 8.*

Херсонида есть пвореніе Генія,  
Словесность наша можешь ею гор-  
диться шакже, какъ сочиненіями Ломоно-  
сова и Державина. Вездѣ чистый и не  
принужденный слогъ, вездѣ величествен-

(\*) Хотя въ тѣмъ № Журнала нашего и сказано,  
что разсмотрѣнія книгъ будутъ помѣщаться въ  
первомъ отдѣленіи, но впредь шакія разсмотрѣнія  
будутъ помѣщаться въ извѣстіяхъ.

ныя картины, вездѣ виденъ Геній и смѣлая кисть живописи — вездѣ видно, что Поэтъ писалъ съ Природы и былъ вдохновенъ ею!

Мы не будемъ анализировать сего превосходнаго творенія; но желая дать понятіе о сей Поэмѣ нашимъ Читателямъ, выпишемъ нѣкоторыя мѣста изъ оной, и тѣмъ украсимъ Журналъ Словесности.

Въ 1 пѣсни Поэтъ описываетъ возхожденіе Солнца (спр. 22.) Вотъ оно:

Востокъ во пламени снѣгѣ;  
 Заря бѣлѣ; блескъ алѣ; —  
 Огнистѣ горятъ тѣнисты  
 Владыку ждущи облака. —  
 Бѣгущъ предъ нимъ, и шонущъ блѣдны  
 Средь бездны свѣта яки звѣзды. —  
 Се! наконецъ изходишь день  
 На рѣющихъ коняхъ вѣрныхъ  
 Среди своихъ колесъ румяныхъ! —  
 Часъ ушра бьетъ; — колеса быстра  
 Крутящся на шуманныхъ осяхъ. —  
 Се! — златопламенно чело  
 Подвемлется изъ за холма, —  
 Чело великаго Царя!  
 Се! въ полной лѣпощѣ изходишь,  
 Одѣланъ въ огненну цорфиру,  
 Ж нихъ изъ брачнаго черпога!  
 Его рубиновы власы, —

Чтoбѣ мѣра обнажишь красы,  
 До верхнихъ облачковъ вздымаясь  
 Изъ подѣ янтарнаго вѣнца, —  
 Рисуются живой картиной  
 Въ объемѣ взира пробужденна! —  
 Восточны вѣтерки бѣгутъ  
 Во кругѣ алмазной колесницы  
 Сопровождаемой куреньемъ. —  
 Смoтри! — какія шамѣ скользашъ  
 Между зубцовъ Кавказскихъ горъ  
 Злашныя полосы косыцъ?  
 Прoтятши ниши свѣща рѣзки  
 Сивозъ шихи адѣшни перелѣски,  
 Преслѣдуюшъ пужливу ночь,  
 Сгоняюшъ спящи шѣни прочь  
 Съ шополевыхъ листовъ сребрисныхъ;  
 А шамѣ — гдѣ дремлюшъ шѣны мшисны  
 Пустынныхъ хранинъ подѣ холмомъ,  
 Дымъ ранній, сѣрымъ вьась шолбомъ,  
 Дерновы кровы покрывая,  
 Крушишь его въ шуманну швердь,  
 Иль шелелся въ сырой долинь. —

Говоря о величїи Бога, поэтъ во 2  
 пѣсни (стр. 42) восклицаетъ:

Ты дхнешъ; — дубовъ столѣшнїй лѣсъ  
 Косматымъ корнемъ въ верхъ ложится;  
 Гремишь; — и каменный утесъ  
 Дрожитъ, — трещитъ, — падетъ, — крущится; —  
 Блаеснешъ; — и ушлый сей хребетъ  
 Въ своемъ мешальномъ основанїи  
 Располится, — сторитъ; — и ишъ, . . .  
 Какъ воскъ отъ ярости огней,  
 Какъ въ шверди облако дебело

Проникнутое отъ лучей,  
 Иль какъ отъ зноя снѣгъ блестящій  
 На темѣ сей горы лежащій; —  
 Но что я рекъ? — восхождетъ Богъ;  
 На ломкой оси міръ шатнется;  
 А твой престолъ, — Свяшый чертогъ, —  
 Сионъ — во вѣкъ не потрясется. —  
 Творецъ! — и здѣсь — и здѣсь твой храмъ; —  
 Сафирный сводъ небесъ палящихъ,  
 Мнѣ мишся, — преклоненъ сюда; —  
 Стопы его — древа сполѣшни;  
 Куреніе — цвѣты Альпійски;  
 Симфонія — хоръ птицъ въ дубахъ;  
 Красивость — пестрота въ цвѣтахъ  
 А верхъ камнистый, возвышенный  
 Являетъ жертвенникъ священный. —  
 Къ Тебѣ — къ обители твоей  
 Приблжись съ дрожащемъ смѣю,  
 И въ нѣмпованьи пѣсни сей  
 Къ Тебѣ, Отецъ, — благоговѣю. . . .

Сколько сіе возвышенно и величе-  
 ственно, сполько пѣсни *Кадизаделитовѣ*  
 на горахъ Тавриды, нѣжны: (спр. 114.)

О странникъ! — приди сюда  
 Учись мудрости въ пещерѣ! —  
 Твой путь еще не совершенъ; —  
 Твой домъ отсель еще не виденъ. —  
 Сядь честный странникъ! — отдохни,  
 На сей коралловой скамьѣ!  
 А естли хочешь: — по усни! —  
 Здѣсь кости брата твоего  
 Въ глубокой тишинѣ лежатъ. —  
 О! — видишь ли ты здѣсь фіалку

При входѣ храмины растущу  
 Подъ тѣмъ Казимовымъ кустомъ?  
 Сей нѣжный образъ крапкой жизни  
 Чело склава свое опъ зноя,  
 Мнѣ мнился, зною вопіешъ: —  
 „Оставь меня! — не жги меня!  
 „Не жги, — о смертоносный зной! —  
 „Пускай небесная роса  
 „Кропившая меня чрезъ ночь  
 „Еще мою главу омоешь! —  
 „Уже близка минула ца,  
 „Когда должна увянуть я;  
 „А вѣтръ подуетъ, и развѣстъ  
 „Какъ перья по пескамъ сыпучимъ,  
 „Листы поблекшіе мои. —  
 „Сегодня въ полной красотѣ  
 „Меня въ семъ мѣстѣ странникъ видитъ;  
 „Завтра возвратится онъ;  
 „Его глаза меня здѣсь взыщутъ  
 „Подъ самымъ тѣмъ густымъ кустомъ,  
 „Которой украшала я; —  
 „Но щещиво будетъ взоръ искать.... (\*)

---

(\*) Повѣтъ встрѣтился въ сей мысли съ Оссяномъ.  
 (см. Осс. пер. Кострова ч. I. стр. 343. Поэму  
 Беррамонъ) „Цвѣтокъ склоняетъ свою головку  
 при дыханіи зефира, и кажется говоритъ ему:  
 „Не благовременный зефиръ! оставь меня въ по-  
 „коѣ, позволь мнѣ прохладить главу мою въ росѣ  
 „небесной, которою ночь меня окропила. Минута  
 „въ которую долженъ я увянуть, близка, и вѣтръ  
 „разсѣетъ по земли изсохшіе мои листы. Завтра  
 „звѣроловецъ, видѣвшій меня въ полной моей кра-  
 „сотѣ, возвратится сюда: взоры его будутъ  
 „искать меня на полѣ, которое украшалъ я собою;  
 „и взоры его не найдутъ уже меня....”

Хотя г. Бобровъ и подражалъ въ семъ случаѣ  
 Оссяну; но какой хвалы достойно такое подра-  
 жаніе!

И еще далѣе (стр. 115 и 116.)

*Шерифъ.*

Кто вы? — любезны чада плоти! . . .

*Кадизаделитъ.*

Мы пастухи. . . . .

*Шерифъ.*

Ошколъ вы?

*Кадиз.*

Вотъ тамъ въ низу лежитъ селенье,  
Гдѣ я, и онъ живемъ въ двухъ куцахъ!  
Благое небо — куцей кровъ;  
Цвѣтущее поле — ихъ помостъ;  
Вокругъ покой; внутри любовь; —  
У насъ Визирскихъ нѣтъ Гаремовъ; —  
Ахъ! — мы двумя любимы нѣжно, —  
Замбекой я, — Сульменой онъ,  
Любимы нѣжно; — что же больше? . . .

. . . . .

Кто васъ училъ такъ пѣть пріятно?

1. *Кадиз.*

Природа, — такъ, — одна природа. —

2. *Кадиз.*

Однако мы въ лѣтахъ молодыхъ  
Въ Элладѣ и Аравіи бывъ,  
Учились и познаньямъ нѣкимъ;  
Но имъ природу предпочли. . . . .

Прекрасно! прекрасно! — вотъ истинная  
Поэзія — вотъ истинное вдохнове-  
ніе Апполона! кто не почувствуетъ

сихъ красотъ? кто не пльнися Херсонидою?

Посмотримъ описаніе бури, лучшей пѣсни въ семъ прекрасномъ пвореніи. На стр. 198, поэтъ описавъ живѣйшими красками образованіе тучи, продолжаетъ:

Въ сей грозной, безобразной тучѣ  
И самый мракъ чернѣетъ, рдѣетъ  
Сокрывъ въ себѣ источникъ бѣдствій.  
Ся ужасная громада  
Живымъ споромъ раздражена  
Въ бурливыхъ вихряхъ брань вжигаетъ.  
Лешатъ противны вѣтры въ шверди,  
Спираютъ тучи межъ собою;  
Но долу все еще спокойно;  
Безмолвье мрачно, роковое  
Въ юдоли царствуетъ плачевной;  
Лишь въ тощихъ, шумныхъ камышахъ  
Мнѣ чудится въ сей страшный часъ  
Органный нѣкій тихій звукъ; —  
Зефиры грозныхъ бурь шрепеща,  
И зыбля сѣшчатыя крылья  
Лишь только шепчутъ межъ собой,  
И крылышкою касаясь струнъ  
Чинятъ въ сей арфѣ нѣкій звонъ;  
Лишь только слышенъ дикій стонъ  
Изъ сердца исходящій горь,  
Предтеча вѣрный сильной бури.  
Онъ долу съ ропотомъ кашая,  
Безъ вѣтру горны роци ломитъ;  
Безъ вѣтру листія щелечутъ  
На вѣтвяхъ поповъ высокихъ. —

Вдругъ съ страшнымъ шумомъ пыль воздвигшись  
 То клубомъ, шо крушымъ столбомъ,  
 То легкой нѣкой сѣрой пучей,  
 И степь и степны поглощаетъ;  
 Летящъ размешанныя скирды,  
 Крутясь на крыльяхъ урагана. —  
 И щастный путникъ цепенѣтъ,  
 И въ пыльномъ вихрѣ задыхаясь,  
 Въ лощину перву повергаясь,  
 Глаза руками зажимаетъ,  
 Насильны слезы опираетъ,  
 И ждетъ, какъ небо прояснится. . . .

Эпи мѣста не лучшія — они взявши  
 нечаянно — почти на угадѣ. Въ Херсо-  
 нидѣ все прекрасно, все величественно!  
 Иногда Поэтъ въ восторгѣ взлетаетъ  
 на высоту *Сатер-дага* и устремя пла-  
 менный взоръ на восходящее свѣтило  
 міра, внимая ужаснымъ ударамъ грома,  
 спократно повпоряющимся въ сей пу-  
 стынѣ, представляетъ величественную,  
 ужасную, мрачную карпину. Иногда  
 спускается въ Темпейскія долины —  
 поетъ нѣжную любовь *Цульмеи* и восхи-  
 щаетъ душу, сердце. . . . .

Щастлива спрана, кошорая имѣетъ  
 такихъ Поэтовъ!

---

## СМѢСЬ.

Одинъ гренадеръ смотрѣль присталь-  
во на Лудовика XIV — Какъ смѣшь ты  
на меня шакъ смотрѣть? спросилъ Ко-  
роль. — *Государь!* отвѣчалъ гренадеръ,  
*Орелъ можетъ безъ трепета взиратъ на*  
*Солнце.*

\*

Одинъ купецъ умеръ скоропоспи-  
жно. Прикащикъ его нашедши на столѣ  
написанное письмо къ одному изъ кор-  
респондентовъ, почелъ за нужное оп-  
равить его, приписавъ однакожъ опъ  
вмени хозяина слѣдующее: *Мой другъ!*  
*во написаніи сего письма я умеръ.*

\*

Во время революціи, въ Парижѣ за-  
прещено было ходишь шолпами по ули-  
цамъ. Однажды ввечеру полицейской  
офицеръ увидя на Тюльерійской пло-  
щади гражд. Н. . весьма толстаго чело-  
вѣка, и принявъ его за кучу народа,  
закричалъ: *Разойдитесь, граждане, прави-*  
*тельство запретило стоять толпами!*

\*

По уничтоженіи духовныхъ властей во франціи во время революціи, Аббаты лишились не только приходоѡвъ, но даже и названія Аббата. — Услыша о смерти Герцогини Лонгевиль, Аббатъ Р . . . . сказалъ: *Теперь-то я всего лишился, ибо Герцогиня одна только и называла меня господиноѡмъ Аббатомъ.*

\*

Г . . . пришелъ посѡпшить Эпископа Р . . . , которой въ то время щипалъ свои червонцы. Эпископу нужно было выдти въ другую комнату. Выходя онъ сказалъ: *Пожалуйте, г. м. хлопайте въ ладоши до тѡхъ поръ, покуда я возвращусь.*

\*

Однажды говорили, съ удивленіемъ о сполѡпнемъ старикѡ: *Что за диковинка?* сказалъ одинъ молодой человекъ, *если бы покойной дѡдушка мой былъ живъ, ему бы теперь было болѡе ста лѡтъ!*

\*

Одинъ офицеръ былъ раненъ въ голову на сраженіи. Лѡкарь сказалъ ему, что рана опасна, ибо поврежденъ мозгъ. — *Пожалуйте пошлите кусочекъ моего мозга*

*Кардиналу Мазарину, сказалъ офицеръ, онъ часто называлъ меня безмозглымъ.*

\*

Молодой человекъ увидя старика, которой старался еще нравиться женщинамъ и желая надъ нимъ пошутить, спросилъ: которой ему годъ? — *Я право не знаю, опивчалъ старикъ, но знаю то, что двадцатилѣтній оселъ, старѣе шестидесяти - лѣтънаго человека.*

\*

Одинъ путешественникъ прїехавъ въ фернейской замокъ къ Вольперу объявилъ, что онъ намѣренъ пробыть у него цѣлой мѣсяцъ. — *Я вижу, сказалъ Вольперъ, что вы нисколько не походите на Донъ Кихота, тотъ трактиры почиталъ замками, а вы замки почитаете трактирами.*

\*

Сколько путешественниковъ судятъ о цѣломъ народѣ по двумъ или тремъ человекамъ, которыхъ имъ удалось видѣть! Сколько путешественниковъ ходятъ на того француза, которой, въ проѣздѣ чрезъ Швейцарію, побывавъ на постояломъ дворѣ и нашедши рыжую и

упрямую пракпирщицу, сдѣлавъ по-  
 часъ заключеніе, что всѣ женщины въ  
 Швейцаріи рыжи и упрямы и записавъ  
 это въ журналъ своего путешествія.  
 Цѣлой свѣшъ чиналъ его, и люди, ко-  
 торые слѣпо вѣрятъ *всему негатному*,  
 вѣрили отъ добраго сердца и сей глупо-  
 сти.

Россія болѣе всего прещерпѣла отъ  
 сихъ путешестввенниковъ - невѣждъ.  
 Сколько написано путешествій въ Рос-  
 сію и по Россіи, въ копорыхъ на каж-  
 дой страницѣ грубыя ошибки и жи.  
 Леклерки, Шанпро, Шаппы, и тысячи  
 другихъ, другъ предъ другомъ спара-  
 лись показатъ свѣту грубое свое невѣ-  
 жество. Сколько Французовъ увидя  
 около псапра разложенные для куче-  
 ровъ огни, объявляли *угсному* свѣшу,  
 что въ Россіи шопятъ улицы. (!) Иной  
 выдаетъ, что у насъ есть особый родъ  
 собакъ, копорыхъ называють *собакажи* (!)  
 (En Syberie il y a un certain sorte de chi-  
 en, qu'on nomme *sabaks*.) Иной говоритъ:  
 Il y a en Russie un certain boisson qu'on

nomme *Quass*; et dès que le maitre de la maison demande du *Quass*, tous les convives se mettent à crier: *et menès, et menès*. (!! ) Но еспьли выписываць всѣ шакія нелѣпныя мѣста, то можно бы было наполнишь ими всѣ 12 Номеровъ нашего Журнала. — Скажемъ только, что щастлива та страна, въ которой не путешествовали зефирные французы!

---

Февраля 2 дня.



---

Ж У Р Н А Л Ъ  
РОССІЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ,

Маршѣ. 1805.

№ 3.

---

Словесность.

---

I.

*Путешествіе въ Храмъ Вкуса (\*)*

Какъ, бѣдной сочинитель, и ты въ Храмъ Вкуса? И ты смѣешь идти по слѣдамъ великихъ мужей? И ты не кра-

---

(\*) Вотъ бездѣлка, которая занимала меня въ праздные часы. — Это ничто иное, какъ слабое подражаніе Вольперу. Le temple du gout Волпера писанъ и прозой и стихами вмѣстѣ. Не будучи стихотворцемъ, я не могъ слѣдовать сему. Мнѣ хотѣлось только въ семъ легкомъ опытѣ показати лучшихъ на-

снѣшъ написавши слово *Вкусѣ*? — Пожалуйте не сердитесь, господинъ кришкѣ, и удостойте прочестъ мое путешествованіе. Храмъ Вкуса не мое жилище — я былъ тамъ не болѣе полу часа, какимъ образомъ и самъ не понимаю; но скажу вамъ въ сихъ словахъ, (которыя признаюсь, писаны со всѣмъ безъ вкуса) что я тамъ видѣлъ.

На разсвѣтѣ дня я пошелъ пѣшкомъ въ сей рай прудолюбивыхъ лиштерашоровъ и переступя чрезъ границу, встрѣтилъ толпу людей всякаго состоянія. Господа: *Балдусѣ*, *Скіоптіусѣ*, *Лексикократусѣ*, *Скрибеліусѣ* и всѣ тѣ, коихъ фамиліи кончашся на *усѣ*, всѣ педанты, схоластики, коменшаторы, словомъ всѣ тѣ, кой на одно слово всѣмъ непонятное, сочиняютъ цѣлые *фоліанты*, толпились по широкой алеѣ.

---

сихъ писателей. Впрочемъ я очень доволенъ буду, еслии кто лучше обрабошаетъ и напишетъ достойную похвалу нашимъ лиштерашорамъ.

*прим. сог.*

Въ сей полпѣ увидѣлъ я господѣ  
 ..... и прочихъ, людей напыщенныхъ  
 учеными вздорами, желпыхъ, блѣдныхъ,  
 съ красными впалыми глазами, выпач-  
 канныхъ въ чернилахъ, всѣхъ въ пыли  
 и потѣ — они пащили преогромныя  
 связки древнихъ классиковъ Грече-  
 скихъ, Латинскихъ, Еврейскихъ и пр.  
 иной пошѣлъ надъ Халдейскою баснею,  
 иной въ сохой разѣ перечитывалъ обще-  
 полезные трактаты о соловьяхъ,  
 мышяхъ, носгахъ, нераздѣлимости ма-  
 теріи, вѣчности тепловорнаго веще-  
 ства и пр. и пр. иной старался най-  
 ти ту почку, гдѣ укрѣплена ось зе-  
 мная, иной хотѣлъ попасть на луну,  
 другой смѣясь надъ глупостію собрата  
 своего доказывалъ, что Геометрія  
 есть главная причина всѣхъ нашихъ  
 несчастій и пр. и пр.

Я думалъ сперва, что дорога въ  
 храмъ вкуса будетъ скучна для меня,  
 ибо мало такихъ людей, которые бы  
 имѣли право требовать мѣста въ хра-  
 мѣ; но какъ же я удивился увидя всю  
 эту сволочь. Господа! сказалъ я имѣ

сѣ неперпѣніемъ, не идете ли вы въ храмъ вкуса умысься и поспрести пыль сѣ вашихъ ученыхъ шинелей и париковъ? Кто? мы въ храмъ вкуса? закричали вдругъ всѣ ученые, нѣтъ дружокъ, намъ не шуда дорога! Вкусъ ничего не значить — мы шрудимся надъ гораздо важнѣйшими предмѣтами — мы анализируемъ каждое слово древнихъ классиковъ, изслѣдуемъ то, что думали другіе — природа не дала намъ дара размышленія!

Послѣ сего опкровеннаго признанія, они окружили меня, — иной хошѣлъ мнѣ прочесть главу изъ Дикписа Кретскаго, иной изъ Мешродора Лампсакскаго, но я давши имъ по нѣскольку копѣекъ на вино, разкланялся сѣ ними и продолжалъ мой путь.

Уже злаяшя верхи храма начали появляшся, какъ на правой сторонѣ увидѣлъ я холмъ не правильной фигуры и кучу людей. Путешественники любопытны — я пробрался въ шолпу и что же тамъ увидѣлъ?

Толстой человекъ великолѣпно одѣшый, лежалъ на пышномъ диванѣ. Толпа архитекторовъ, живописцевъ, музыкантовъ, поэтовъ, ложныхъ знамоковъ и льстецовъ, окружали его. „Учишься!“, говорилъ усыпленный богачъ, какой „вздоръ! Я ничему не учился, но все „знаю — денегъ у меня много — ума „еще больше. — Природа одарила меня „превосходнымъ вкусомъ — эшого до- „вольно! „, шупъ повелѣвалъ онъ построитъ себѣ домъ, копорой бы въ великолѣпнн превосходилъ славнѣйшія зданія Міра. Каменщикъ, копорой не знаю почему называлъ себя Архитекторомъ, начертилъ планъ для его дому. — Зданіе огромное безъ вкуса и правилъ. Красильщикъ, выдававшій себя за живописца, брался расписатьъ его комнаты лучше Рафаеля и Анжело и хвалился украситъ самую природу. Богачъ поправлялъ, маралъ, одобрялъ.... Спиховворецъ читалъ ему эпшаламу на его рожденіе писанную ямбохорейческими спихами. Въ сихъ спихахъ превозносилъ онъ его умъ, способности, доброшу сердца и даже

дѣшей его, которые были еще въ колыбелѣ, называлъ учеными, прославлялъ ихъ добродѣтель, спавилъ въ число Греческихъ мудрецовъ и осыпалъ всякой мѣры своими и крадеными спихами. „Сей гласъ, вопіялъ пѣишь въ воспоргѣ обращаясь къ десятиимѣсячному младенцу,„ сей гласъ опкрываетъ уже намъ „обширной пвой умъ, сія рука, въ которой ты держишь погремушку, со временемъ содѣлаешся мышцею сильнѣйшею Ахиллеса, коею поразишь ты „безчисленныхъ враговъ Опечесства, и ипр. ипр. Богачъ улыбался, зѣвалъ .. вдругъ загремѣла нестройная музыка — богачъ мой билъ ногою фальшиво такту и кричалъ *браво!* когда оркестръ игралъ не въ тонъ; но всѣ выхваляли большое его знаніе въ музыкѣ.

Я бы никогда не дошелъ до храма вкуса, естълибы спалъ осмапривать всѣхъ чудаковъ бывшихъ въ его окрестностяхъ, но я оставилъ ихъ и рѣшился достигнуть скорѣе цѣли моихъ желаній.

Греки первые основали сей храмъ и весь міръ приносилъ тогда жершвы богу вкуса — Римляне, гордые побѣдипели міра, преклонили предъ нимъ колѣна — Музульмане покорили землю вкуса и срыли храмъ до основанія. Ишалія собрала разсѣянные ошпашки храма. — Анжело и Рафаель украсили его. Черезъ нѣсколько вѣковъ потомъ явился Геній на хладномъ Сѣверѣ — онъ подобно Солнцу озарилъ сію спрану мрака и неизвѣстности — Граціи, Музы и богъ Вкуса преселились въ сіи спраны. Великая преемница Его, начерпавшая законы сѣверу и всему міру, премудрая, неподражаемая Фелица, не успѣдилась иди по слѣдамъ великаго преобразителя Россіи. Она украсила и возвеличила храмъ вкуса — нынѣ Титъ Россовъ, юный Царь одаренный всѣми добродѣтелями Царю и человѣку свойшвенными, шествуетъ по слѣдамъ прапрадѣда и бабки своей. Щасптивные подданные благословляютъ его царспвіе — науки и художества процвѣтаютъ — пройдутъ вѣки какъ мигъ, исчезнутъ пира-

миды воздвигнутые щеславіемъ въ честь гордости — но имя АЛЕКСАНДРА пребудетъ вѣчно въ сердцахъ любящихъ добродѣтель!

Я не буду описывать храма вкуса, ибо не хочу сѣдовать писателямъ романовъ. Легче сказать, что храмъ сей не существуетъ, нежели описать его. Зданіе сіе имѣло простую, но величественную архитектуру; всякое украшеніе казалось необходимымъ, ибо все было у мѣста, искусство состояло въ подражаніи природѣ, — ничто не удивляло зрѣнія, но все оное восхищало.

Во кругъ храма было великое множество людей всякаго состоянія: Писателей, Виртуозовъ, Художниковъ — всѣ спарались войти въ храмъ; но спрогая Крипика споявшая у входа, отдаляла съ презрѣніемъ ихъ отъ дверей храма.

Сколько шумъ знашныхъ и богатыхъ людей присутствующихъ гордо въ маленькихъ собраніяхъ, не смотря на пышные обѣды, которые давали они ученымъ, не смотря на лесныя по-

хвалы, копорыя имъ писали въ журналахъ, не могли войши въ храмъ!

Зависпники; сіи враги испинныхъ паланшовъ, сіи презрѣнные швари извѣстные по ихъ злобѣ, понапрасну стояли у дверей.

Тутъ шолпа писашелей, старыхъ и молодыхъ, извѣстныхъ и неизвѣстныхъ, спучались въ дверь и просили крипику пуспить ихъ въ храмъ. Иной несъ математической романъ, иной академическую рѣчь, шотъ метафизическую комедію, шотъ держалъ собраніе своихъ спихошвореній напечатанныхъ безъ его имени съ предлиннымъ предисловіемъ. — Пуспите, господа! пуспите, кричалъ сиповатой голосъ, я шотъ безприспраспной судія паланшовъ, копорой судитъ и оуждаешъ все, что люди хвалятъ — пуспите меня въ храмъ. — Мой другъ, сказала Крипика, вѣрю, что ты великой человекъ, но я тебя не пуцу въ храмъ. Ты пришелъ опорочивашъ Бога Вкуса, будь доволенъ и шѣмъ, что ты его не знаешъ.

Мой ученой осердился — весь міръ заблуждаешя, кричалъ онъ, Богъ Вкуса не существуешъ и вошъ чемъ я эшо доказываю; пупъ сдѣлалъ онъ предложеніе, дѣлалъ дивизаціи, субдивизаціи, судилъ, заключилъ — никто не слушалъ его и всѣ скреблись въ дверь.

Госпожа Кришика, сказалъ я униженно, позволше бѣдному спраннику войши въ храмъ, я не сполько самолюбивъ, чшобы бездѣлками моими пребовашъ входу шуда, куда доспигаюшъ одни великіе мужи; но позволше спраннику хопя заглянушъ въ сіе свяпилище. Спрогая кришика побранивъ меня за непреоборимую спрасшъ мою марашъ бумагу, наконецъ опворила мнѣ дверь.

Я сполько былъ удивленъ и восхищенъ войдя въ храмъ, что не въ силахъ описашъ Бога Вкуса. — Нѣшъ! перо мое слабо для сего! Скажу шолько, чшо я шамъ видѣлъ.

Недалеко опъ Бога Вкуса сидѣлъ Россійской Пиндаръ *Ломоносовъ*. Благородное лице, величешвенная осанка, глаза пылающіе огнемъ поэзіи, являли

въ немъ, того великаго Творца, ко-  
рой сдѣлалъ имя свое между нами рав-  
ное Апполону. *Петріяда* его и *Оды*  
лежали на жертвенникѣ вкуса. . . . Онъ  
сдѣлалъ въ задумчивости — предъ нимъ  
лежала книга, копорую казалось онъ  
читалъ съ восхищеніемъ — ибо великіе  
мужи не причасны зависти. То были  
творенія *пѣвца Бога и фелицы*, един-  
ственнаго человѣка сравнивавшагося съ  
Ломоносовымъ.

Въ другой споронѣ сидѣлъ *Сумаро-  
ковъ*. Дверь въ храмъ вкуса, Крипика  
опверзла ему за его *Трагедіи* и *Эклоги*,  
исполненныя нѣжності. Подлѣ него си-  
дѣлъ *Хемницеръ*, копорому *Басни* до-  
ставили входъ во храмъ. Оба читали  
творенія любезнаго Поэта заслужив-  
шаго имя *Рускаго Лафонтена*.

Граціи подносили розовой вѣнокъ  
*Творцу Душенски* — Крипика прибавила  
ему похвалу за точной переводъ нѣко-  
торыхъ стихотвореній Вольпера — и  
сей Фернейской сшарецъ, сказая, что  
онъ ему одолженъ своею славою въ  
Россіи.

Геній Россіи вѣнчалъ великаго *пѣвца Россіяды*. — Сей почтенный Бардъ украшенный сѣдинами, казалось чувствовалъ новой жаръ и силу и претовалъ Героя, дабы воспѣшь его на златострунной своей лирѣ.

Тамъ Мельпомена съ лицемъ опчаяннымъ, разпрепанными власами, съ кинжаломъ въ рукѣ обогренномъ кровію, вела въ храмъ *Княгини* доопойнаго подражателя *Рассина* и клала на жерпвенникъ вкуса *Эдипа* и *Росслава*, превосходнѣйшія шворенія Россійскаго Театра — *Талія* съ коварною усмѣшкою несла въ храмъ вкуса *Медорося* и *Бригадира* и другою держала лавровой вѣнокъ надъ *Рускимъ Моліеромъ*.

*Аглая*, *Лиза*, *Марѳа Посадница*, и прочія шворенія писателя сдѣлавшаго славнѣйшую эпоху въ Руской Словесности, писателя споль сильно, убѣдительно, говорящаго чловѣческому сердцу, не смопря на всѣ усилія завистниковъ, старавшихся очернить испинной талантъ, лежали на жерпвенникѣ вкуса. Безприсраспная *Крипка* опдавала имъ должную справедливость....

Я удивился не нашедши въ храмѣ Вкуса, нѣкоторыхъ писателей и спихотворцевъ, которые за нѣсколько лѣтъ предъ симъ почитались славными. — Они были славны, сказала Кришика, но когда истинные шаланшы явились на полѣ Словесности, тогда они принуждены были уступить имъ мѣсто въ храмѣ вкуса.

Въ самое то время мы услышали страшный шумъ. Толпа искапелей умножилась, и вышедъ изъ шербнѣя, хотѣла войти насильно.

Богъ Вкуса усмирилъ сихъ людей сказавъ имъ съ высоты прона своего: „О вы! ищущіе награды безъ заслугъ! „Идите и познайте меня. Спарайтесь „снискавъ печать мою и убѣгайте ложнаго вкуса! Онъ всегда изукрашенъ, „лице и голосъ его пришворны — часто „беретъ онъ имя мое и знамя, но его „узнать не трудно! *Ложной вкусъ есть „сынъ искусства, а истинный вкусъ — сынъ „Природы!* „

Двери зашворились — толпа писателей и художниковъ осаждавшихъ храмъ

повеся головы пошли прочь. Педанты разными доводами спарались доказать, что вкусъ ничего не значитъ и ставили въ примѣръ себя, что они безъ вкуса пишутъ цѣлые фоліанты. Подлая души пошли искать покровительсва у знатныхъ, неугомонные люди не внявъ словамъ Бога вкуса, скреблись по прежнему въ дверь сказавъ: *авосслибо и отворятъ* — а я пошелъ домой и написалъ то, что вы шеперь чинали. . . .

---

## II.

### *Письмо къ Издателю.*

Г. Издатель!

Вы приглашаете всѣхъ упражняющихся въ Опечеспвенной Словесности участвовашъ въ Журналъ вашемъ. Съ удовольствіемъ выполняю желаніе ваше и на первой случай скажу вамъ мнѣніе мое о нѣкоторыхъ произведеніяхъ нашей Словесности. Ежели вы удостоите помѣститъ его въ Журналъ, я долгомъ моимъ почшу сообщить вамъ въ послѣдствіи и еще что нибудь изъ моихъ бездѣлокъ.

Какъ истинный Россіянинъ я люблю Рускую Словесность. Лишь шолько выдепѣ новая книга, пріятели присылають ея ко мнѣ въ деревню — я люблю ея какъ дитя, запираюсь въ кабинетѣ и чишаю съ жадностію. Иногда бываю заплаченъ большимъ удовольствіемъ — сердечно радуюсь просвѣщенію любезнаго Опечества моего, благословляю великаго Монарха ободряющаго раждающіеся паланшы — а иногда засыпаю надъ книгою. Я не люблю судить строго — извиняю и самаго неспоснаго писателя — желаю ему лучшихъ успѣховъ и спавляю книгу его на самую верхнюю полку моей библіотеки.

Надобно вамъ сказать, что моя библіотека раздѣлена на рускую и французскую, и я нисколько не мѣшаю сихъ книгъ. Но съ нѣкопорога времени я накопилъ немалое число русскихъ книгъ и не знаю къ рускимъ или французскимъ книгамъ ихъ причислить. — Вы удивитесь — я вамъ обьясню эту загадку.

Это творенія шѣхъ писателей, которые или желая прославиться но-

вымъ изобрѣшеніемъ, или по какимъ другимъ причинамъ, намъ проспякамъ неизвѣстнымъ, пишушъ какимъ - по французско-русскимъ языкомъ, котораго ни руской, ни французъ не понимаетъ.

Я прежде думалъ, что эпоть слогъ такъ высокъ, что я слабымъ умомъ не могу его поспигнуть — но возьму Ломоносова, Карамзина, Коспрова и понимаю ихъ — возьму какой нибудь изъ нынѣшнихъ романовъ и непонимаю ни слова!

Не думайте, однакожъ, чшобы я былъ изъ числа тѣхъ людей, которые хопяшъ ввести въ употребленіе тѣ слова и рѣченія, и тѣ обороты мыслей которые были въ модѣ у почпенныхъ предковъ нашихъ — я очень знаю, что языкъ слѣдуетъ за науками, просвѣщеніемъ, нравами, обычаями и что писашъ въ XIX вѣкѣ тѣмъ слогомъ, какимъ писали въ XII и XIII вѣкахъ, употребляшъ шакіе же обороты мыслей и выраженій какія мы находимъ въ древнихъ грамовахъ Князей и Новгородцевъ и въ *Установленіи Сокольникаго Пути*, почти поже,

что . . . . но къ чему шупъ сравненія? непреоборимая истинна не пребуешъ доказапельствъ!

Но скажите мнѣ за чемъ упопрелять иностранныя слова шогда, когда мы имѣемъ собственныя имъ равносильныя? за чемъ переводя книги наприм. съ французскаго языка, дѣлашь оборошы мыслей совершенно нерускія? естли книга дурна, шо французскія слова нисколько ее не украсяшъ!

Сколько я чипалъ русскихъ книгъ, въ копорыхъ Гг. сочинители говоряшъ: *гармонія, монотонія, plaisir*, и пр. какъ будпо *согласіе, единообразность, удовольствіе*, не такъ выражаюшъ мысль, какъ французскія слова?

Естли бы я не боялся наскучить чипашелямъ и вамъ, я могъ бы привеспъ тысячу примѣровъ въ доказапельство. Но какая польза выдепъ изъ эшаго? — послушающся ли меня? сочинитель *разсужденія о слогахъ* писалъ объ эшомъ — разбиралъ, крипиковалъ, доказывалъ, осмѣивалъ — и что же выйгралъ? сонмъ обожашелелей *всего ино-*

страннаго воспалъ на него и презрѣвъ благономѣренную цѣль, назвалъ книгу его нелѣпою!

Недавно читалъ я въ одной книгѣ слѣдующее: *я вошелъ въ теплую избу — quel bonheur!* — скажите пожалуйста, на что это похоже? и что это за языкъ? неужели сочинитель думалъ, что слово *шастіе* не такъ выразительно какъ *bonheur*?

Онъ писалъ для Русскихъ; за чѣмъ же иностранныя слова? Я могу знать всѣ языки въ мірѣ, но если беру читать рускую книгу, то хочу, чтобы она была писана по руски — беру Англійскую, Французскую, Турецкую, и не хочу, чтобы въ нихъ были примѣшаны чужія изрѣченія, а особливо такія, копорыя можно легко выразить тѣмъ языкомъ, на копоромъ писана книга.

Если Сочинитель писалъ для русскихъ, то не нужны французскія выраженія; если онъ писалъ для французовъ — то надобно бы всю книгу написать по французски. — Въ обоихъ случаяхъ мѣшать руское съ французскимъ есть нелѣпость. —

По большей части всѣ эти странности встрѣчаются въ книгахъ переводимыхъ на скорую руку съ иностранныхъ языковъ. Книгопродавецъ узнавъ, что есть хороший романъ вновь вышедшій, отдаетъ его переводить, условливается о цѣнѣ съ листа и чрезъ двѣ недѣли онъ готовъ. Но что это за переводъ! нельзя узнать подлинника, ишь даже мысли сочинителя! эти книги скорѣе можно назвать оригинальными сочиненіями, нежели переводами. Я сравнивая нѣкоторыя переводы нашелъ много смѣшнаго. Вольперъ въ чловѣкѣ сорока палеровъ говоритъ: *Certes, ce furent vraiment des grands gens qui osèrent les premiers &c.* Какъ же переведено это? — *Certes, были истинно великіе люди . . . . (!)* переводчику вообразилось, что слово *certes* есть собственное имя какого нибудь народа и для того нисколько не останавливаясь, назвалъ сей небывалой народъ *Сертами*. Удивительно, что онъ не сдѣлалъ примѣчанія надъ этимъ словомъ и не показалъ, какой это былъ народъ? гдѣ онъ

обипалъ? почему сдѣлался славнымъ и заслужилъ имя *великаго*? онъ оказалъ бы тѣмъ большую пользу исторіи и географіи. Эпоть переводчикъ напоминаетъ мнѣ другаго, которой вздумавши переводить Телемака и не зная, какъ перевести слово *Telemaque* — ненайдя его ни въ одномъ словарѣ (кромѣ миеологическаго) бросилъ Телемака и Словарь въ огонь. Публика много бы была обязана переводчикамъ... и другихъ книгъ, естли бы они при началѣ пруда ихъ, поступили также.

Большая часть такихъ книгъ писанныхъ безъ цѣли и вкуса, возбуждая въ чинапеляхъ сильную зѣвоту, причиняютъ различныя болѣзни, отъ которыхъ однакожъ есть весьма хорошее лѣкарство. Естли бы я былъ лѣкаръ — я прописалъ бы одержимымъ такими болѣзнями множество пилюль, микстуръ и пр.; положилъ бы ихъ въ постелю, а можеть бытъ и отправилъ бы къ прародителямъ, бесѣдовать съ Ипократомъ о успѣхахъ медицины — но небойтесь! Я скажу вамъ лѣкарство другаго рода —

надобно бросить книгу въ огонь, и — боль ушихнешь!

Но я чувствую, что вамъ наскучилъ — въ теченіи времени я поспрашаюсь прислать вамъ еще какой нибудь опшрывокъ. — Честъ имѣю пребыть и пр.

---

### III.

#### П и с ь м о

*Вдовѣ Ж. Ж. Руссо, къ г. Дубровскому. (\*)*

Вы хопите, милоспивый государь, чтобы я вамъ описала послѣднія мину-

---

(\*) *Г. Дубровской* извѣщенъ ученому свѣшу по своимъ трудамъ въ собираніи древнихъ рукописей, изъ которыхъ соспавилъ онъ драгоцѣнной музей. Живучи долгое время во Франціи при посольствѣ Россійскаго двора, онъ познакомился съ лучшими тамошними писателями и особенно съ г. *Руссо*. Онъ имѣлъ у себя письма отъ самихъ знашвѣйшихъ особъ и липшераторовъ — между которыхъ нашель я это, и выпросилъ позволеніе перевесть, зная что оно можель за-

пы жизни моего мужа, сего достойнѣйшаго челоуѣка, котораго заспавила меня судьба оплакивать на концѣ дней моихъ. Я рѣшилась было запечатлѣть навѣки въ сердцѣ моемъ сіе прискорбное происшествіе, и мои горести; въ сердцѣ, которое поль долго оживошворялось его нѣжною привязанностію. Не уже ли вы хопите, пребуя отъ меня сей паяжкой дани, чѣобъ я совершенно лишилась силъ сносить мою потерю? Но нѣтъ — чувства признапельности моей къ вамъ подкрѣпятъ меня: дадутъ мнѣ довольно мужества, чѣобъ расказать вамъ сей несчастный случай. Чи-

---

нять почиташелей сего великаго философа. — Оно драгоцѣнно пошому, что подписано собшвенною рукою жены его, и содержитъ въ себѣ извѣстіе о его кончинѣ самое достовѣрное, и которое доселѣ ни въ одномъ его изданіи не было помѣщено. Сверхъ того извѣстно, какіе ложные слухи помрачали память сего гонимаго злобою писателя; и все что можетъ служить къ уничтоженію ихъ — есть кажется долгъ признапельнаго къ нему пошомства. — Г\*\*\*

шайше печальныя сіи спроки, ешьли вы можете чипапъ ихъ; но ради Бога скройте отъ меня ваши слезы, ешьли сердце ваше распрогаесться печалью.

Пребываніе моего мужа въ Ерменонвилѣ, въ Маіѣ мѣсяцѣ 1778 года, послѣдовавшее пропивъ его воли, не разстроило образа нашей жизни: мы всегда слѣдовали еще старымъ и обыкновеннымъ нашимъ привычкамъ. Слабость его здоровья, довольно вамъ извѣстная, начала умножаться въ исходѣ Іюня, частыми болѣзненными припадками. Непрестанное воспоминаніе жестокихъ его огорченій, и крайнее желаніе возвратиться въ Парижъ, умножили всегдашнюю его задумчивость; 2 числа наступившаго Іюля мѣсяца, всталъ онъ рано по утру, чшобъ позавтракать, и потомъ идти прогуливаться. Онъ хотѣлъ проходившись, зайти въ замокъ и дать урокъ на форшпельно дочери Маркиза *Жирардскъ*. Около 9 часовъ пришелъ онъ назадъ, и хотѣлъ было одѣваться. Онъ приказалъ мнѣ расплатиться съ сполляромъ по его запискѣ, напоминая,

чтобы я ничего изъ нее неубавляла по-  
тому, что эптошъ мастеровой показался  
ему весьма честнымъ человекомъ. Тотъ  
часъ я это исполнила; но возвращаясь  
назадъ еще внизу лѣстницы, услышала  
жалобныя стоны; побѣжала поскорѣе  
вверхъ и входя въ горницу оцепѣнѣла.  
Судите о моемъ смущеніи? Я застала  
бѣднаго моего мужа, въ ужасномъ му-  
ченіи: по лицу его текли крупныя ка-  
пли поту. Онъ жаловался на чрезвы-  
чайную боль. Я спрашивала его, что съ  
нимъ сдѣлалось? но онъ мнѣ сказалъ,  
чтобы я не беспокоилась, что это ни-  
чего не значитъ. Онъ попросилъ *Ме-  
лиссной воды*, которую я ему поспѣшъ  
подала: принявъ одну ложечку, и вы-  
плеснулъ изъ рта, сказавъ, что опъ нее  
еще хуже. Потомъ спросилъ чайную  
чашку бульона; но и это не болѣе по-  
могло. Я умоляла его, со слезами, при-  
нять лѣкарство — онъ согласился; и ко-  
гда я поставила воду на огонь, онъ при-  
казалъ мнѣ запереть дверь накрѣпко и  
положить ключъ возлѣ него, не желая,  
чтобъ ктонибудь, даже изъ фамиліи

Маркиза Жирардена, пришелъ обезпо-  
 коить его въ сію минушу припадка.  
 Я заперла дверь почно какъ онъ при-  
 казывалъ и положила ключъ на его  
 столъ, заклиная его именемъ нашей  
 дружбы и всего того, что только ему  
 мило, сказать мнѣ, что съ нимъ сдѣла-  
 лось и что его такъ сильно разстрои-  
 ло? я просила, чтобъ онъ позволилъ мнѣ  
 призвать когонибудь на помощь. Вме-  
 сто отвѣта, приказалъ онъ немедленно  
 раскрыть окно. Тогда взявши меня  
 за руку сказалъ, „За чѣмъ ты плачешь?  
 „неужели не время еще окончить мнѣ  
 „своего пути? развѣ люди еще мало  
 „мнѣ сдѣлали огорченій! или еще долѣе  
 „должно мнѣ быть жертвою ихъ нена-  
 „висти и злобы? Дай мнѣ въ послѣдній  
 „разъ взглянуть на сіи прекрасныя по-  
 „ля! посмотри на это солнце — какъ  
 „оно прекрасно! на этотъ день, какъ  
 „онъ свѣтелъ! на сіе небо, какъ оно  
 „чисто! — О какъ природа великолѣпна!  
 „не видишь ли ты простирающейся ко  
 „мнѣ свыше десницы Божіей? не слы-  
 „шишь ли ты Его святаго и утѣши-

„тельного гласа, который зоветъ меня  
 „къ себѣ? надѣюсь на Его безконечную  
 „благость, что я буду счастлива въ его  
 „объятіяхъ, потому что я никому зла  
 „не сдѣлала. Перестань же, мой другъ,  
 „сокрушаться; иначе я подумаю, что  
 „ты не хочешь, чтобы мои бѣдствія  
 „прекратились. Жребій мой окончи-  
 „вается, ты меня переживешь; но ты  
 „будешь такъ же справедливъ какъ и преж-  
 „де: тебя не будутъ ни уважать, ни  
 „щадить. Ты можешь всего опасаться  
 „опять несправедливости людей. Нѣко-  
 „гда, я надѣюсь, сей Богъ безконечно  
 „благій, предъ которымъ я предстаю  
 „долженъ, обнаружитъ настоящую ис-  
 „тинну и заставитъ пожалѣть о насъ.,—

Вы можете легко себѣ представить  
 М. Г. въ какое положеніе привели меня  
 сіи слова. Я была вне себя — я не знала,  
 куда мнѣ обратиться.

— Другъ мой, сказала я ему, можно  
 ли тебѣ имѣть такія мысли, и сколько  
 презираешь жизнью — чтобы всего ли-  
 шить меня вдругъ и въ такое время?  
 ахъ! если бы я когда либо не выполнила

моихъ обязанностей, еспьли я чемъ  
 либо огорчила тебя, прости меня!  
 но я позову людей на помощь: я  
 вижу, что тебѣ дѣлается очень дурно.  
 Можешь быть. . . . При сихъ сло-  
 вахъ, онъ обнялъ меня съ живостию и  
 сказалъ: я досажую, что вымолвилъ те-  
 бѣ такія слова, которыя могли тебя  
 опечалить; но ты знаешь мое сердце:  
 дай мнѣ справедливость и повѣрь,  
 что я скорѣе могъ огорчить тебя отъ  
 пылкости, нежели отъ другой какой  
 причины, и прими въ послѣдній разъ мои  
 извиненія. — Сильная боль не позволила  
 ему продолжать даже, — я совѣтовала  
 ему принять свое лѣкарство, и опереться  
 на меня, чтобъ дойти до постели. Но  
 онъ едва уже могъ мнѣ выговорить;  
 что онъ не можетъ болѣе держаться  
 на ногахъ, ни двинуться съ мѣста. Я,  
 съ великимъ трудомъ однакожъ, доне-  
 сла его до кровати. Онъ опять крѣпко  
 пожалъ мою руку и сказалъ, что ему  
 весьма прискорбно разлучаться со мною  
 и оставляя меня въ такомъ мѣстѣ и  
 съ такими людьми. Я посадила его на

поспелю, и не могла ему дать болѣ одной четверти приема его лѣкарствъ потому что прочее пролилось отъ сѣдурги причиняемой ему жестокою болью. Черезъ полчетверти часа, когда я держалъ его крѣпко въ моихъ объятіяхъ, сдѣлался съ нимъ такой сильной припадокъ что я никакъ не могла ему пособить онъ получилъ ударъ и упалъ съ кровати на землю. Въ безпамятствѣ закричалъ я и звала людей на помощь, мгновенно лице его покрылось кровью, пекущею изъ раны, которую онъ сдѣлалъ на лбу при семъ паденіи. Крикъ мой пробудилъ его нѣсколько; онъ схватилъ мою руку молча обратился ко мнѣ свои глаза, и скончался въ ту же минуту. —

Скоро нашло въ горницу множество людей. Самъ г. *Жиранденс* прибѣжалъ опрощенъ къ намъ; велѣлъ его поднять, и положить на кровать, приказывая по скорѣе сыскать сосѣдняго лѣкаря; меня силою отвлекли отъ шѣла въ кабинетъ, и велѣли тамъ оставаться, пока успѣютъ дать какую либо помощь моему мужу — но уже было поздно...

Такимъ образомъ лишилась я добротельнѣйшаго изъ смертныхъ, наилучшаго мужа, достойнаго по истиннѣ шачивѣйшей доли. Такъ окончилась наша вязь, болѣе 30 лѣтъ продолжавшаяся и одкрѣпленная самыми нѣжными чувшованиями. Такъ! сей другъ человѣшва . . . но здѣсь перо выпадаетъ изъ рукъ моихъ: глаза мои орошенные слезами, не позволяють мнѣ докончить ихъ строкъ, которыя должна бы я начертать моею кровію. . .

Простите — я пребуду къ вамъ со всею истинною приверженностію и почтениемъ. Ваша и пр.

Подлинное подписала своею рукою:  
*Марья Тереза Левассеръ, вдова Ж. Ж. Руссо.*

\*

*П. П.* при семъ письмѣ приложено свидѣтельство священника Ерменонвильскаго, въ которомъ онъ ошлично одобряя поведеніе покойнаго *Жанъ-Жака*, хвалитъ его благодѣянія, оказанныя всѣмъ бѣднымъ людямъ въ его приходѣ и пр. . . Онъ говорилъ съ нимъ за часъ предъ смертію въ полномъ разумѣ и

и здоровьѣ. По вскрытіи тѣла его нашли, что ему сдѣлался ударъ паралича называемаго водянымъ (sergeuse). Священникъ заключаетъ свое свидѣтельство похвалою добрыхъ качествъ *Терезы* ея благоповеденія, скромности, — словомъ всего, что могло только опровергнуть обидные слухи на ея счетъ разсѣянные. (\*)

---

#### IV.

#### *Приказаніе Швейцару.*

Естьли Слава, Честолюбіе, Знапность, Пышность, придупъ когда либо ко мнѣ — Филиппъ! гони ихъ прочь! Сии пираны рода человѣческаго влекутъ за собою зависть, злобу, грусть и коварство — они могутъ осыпать меня своими дарами, могутъ возвести на верхъ величія и славы; но изгоняютъ на всегда изъ хижины моей *щастіе, покой и сердечное удовольствіе*. Вѣрь мнѣ, Филиппъ,

---

(\*) Благодаримъ г. Г\*\*\* за присылку письма сего, столь занимательнаго по многимъ отношеніямъ. *Изд.*

горе пому смертному, копорой прельсшился ихъ обѣщаніями!

Но естли посшучишся вѣ дверь мальчикѣ милой, сѣ нѣжною улыбкою, сѣ румянцемѣ на щекахѣ, сѣ колчаномѣ за плечами — Амурѣ — сей властелинѣ сердецѣ, отрада скорѣби, утѣха жизни, Богѣ наслажденій... Филипѣ! отвори ему дверь!

И ежели вѣ поже самое время, сверхѣ чаянія, придетѣ суровое благоразуміе — не гони его вонѣ, Филипѣ! но скажи, чшобы оно обождало не много, или изволило зайши вѣ другое время!

*Искренности и дружбѣ* отвори двери во всякое время — но запирай покрѣпче дверь, когда придетѣ ко мнѣ не правда, или подлая лестѣ!

---

## V.

## Быль (\*).

Всякой бывалъ въ Ораніенбаумъ всякой шамъ видалъ сады, спроенія всѣ рѣдкости записалъ въ карманнук книжку, можетъ быть заходилъ и къ Христофоровнѣ, опдыхалъ у нее, обѣдалъ, проспился, ушелъ — а Христофоровны не замѣшилъ. — Но не мудро — Христофоровнѣ не пятнадцать лѣтъ, глаза у нее не черные, брови не соболю, губы не алые, цвѣтъ не розовой, станъ не богининъ. Нѣтъ этого ничего, да и было ли когда — не знаю; а хопя и было, то все ничего неприбавилъ къ тому, что я сказаю намбрень. Христофоровнѣ не пятнадцать лѣтъ, а годы свои считаеъ она такъ: отъ роду была она чепырнацати лѣтъ, когда за мужъ вышла; съ мужемъ жи-ла ппдесяти лѣтъ; а онъ умеръ при вступленіи на пресполъ Екатерины

---

(\*) Благодаримъ Г. неизвѣстнаго приславшаго намъ сію піэсу для помѣщенія въ Журналъ. *Изд.*

Великой. Теперь кажется всякой захочетъ узнать черты ея лица, но прошу не спѣшить — у Христофоровны есть душа, которую морщины не зашмѣваютъ — лице ея не лживо, а попому и прекрасно. Узнай ея жизнь пупешественникъ! и естли твое сердце при добромъ дѣлѣ восхищается — заверни къ Христофоровнѣ, какъ будто къ красавицѣ — простая ея добродѣтель восхититъ тебя; естли же нѣтъ — пожалю о тебѣ!

Христофоровна содержитъ практиръ, она за перепутье ничего не требуетъ, всякой даетъ что ему угодно. Она бѣдна, но не поскуетъ о томъ; а держится правила, что тотъ, кто обижаетъ бѣднаго, болѣе себѣ вредитъ и щасливѣе не бываетъ. Спокойная душа, труды и добрыя дѣла, довели ее до глубокой старости, безъ болѣзни и недуговъ сихъ спутниковъ дряхлости. Она ходитъ безъ костылей, шьетъ безъ очковъ и моеитъ сама свое платье.

Христофоровна воспитала многихъ сиротъ, собирала ошашки отъ своихъ

расходовъ, чтобы доставить имъ нѣкоторое состояніе. Воспитанницы заплашили дурно за ея попеченія. Она перестала копить деньги; но сердце ея безъ привязанности, безъ благодарній бытъ не могло. Христофоровна не награды пребуесть, а ищеть только исполнять долгъ природою на чувствительное сердце возложенной — дѣлать добро. Она еще воспитываетъ сироту оставленную матерью, по смерти отца ея. — Христофоровна не руская, жаль этаго очень — съ восхищеніемъ бы я сказалъ то, попому что люблю землю рускую, люблю отъ всего сердца — и всякое доброе дѣло мнѣ кажется въ двое пріятнѣе, естли нашъ братъ русской пому виновникъ; но такъ и бытъ. Похваствую хотя тѣмъ, что начало добрыхъ дѣлъ вкоренено было въ ея сердцѣ въ моемъ Опечесствѣ. Она пріѣхала въ Россію десяти лѣтъ изъ Голстиніи. Родословной ея я не знаю, въ томъ меня простиаь. Она вышла за мужъ за земляка, жила съ нимъ щасливо и долго. Часпо рассказывала она мнѣ про свое

жище-быще. „Мужъ мой былъ умной  
 „человѣкъ, говорила она, онъ любилъ  
 „свою жену, какъ друга вѣрнаго, не такъ  
 „какъ нынѣ любящъ. Онъ трудился  
 „много, а работою своею кормилъ дѣ-  
 „шей нашихъ и меня. По возвращеніи  
 „своемъ домой съ Государевой работы, я  
 „ему старалась угождать и приугото-  
 „вляла всегда любимое его кушанье. Ча-  
 „сто ему не удавалось приходиль домой  
 „обѣдать цѣлые дни — цѣлые дни и я  
 „не ѣдала. Дѣшей у насъ въ скоромъ  
 „времени Богъ взялъ — мы остались  
 „опять двое. Симъ горемъ мы другъ  
 „другу еще милѣе сдѣлались. Наконецъ  
 „и его Богъ взялъ, а когда меня позо-  
 „ветъ къ себѣ, про то онъ знаетъ — я  
 „готова. Одно меня только крушитъ —  
 „Вотъ сиропа остаётся. Доколѣ до  
 „добраго человѣка добредѣтъ, много  
 „она еще горя увидѣтъ можетъ!„ Тутъ  
 залилась спаруха слезами — слезы ко-  
 нхъ свѣтской себялюбцевъ не знаетъ.  
 Ты Христофоровна проливаешь ихъ не  
 по себѣ — горести твои ничто предъ  
 собою. Источникъ слезъ твоихъ еди-

ный ужасъ о спраданіяхъ невинности грозящихъ, когда она своею защиты лишится!

Въ нашъ вѣкъ еще рассказываютъ добрая дѣла. Я Христофоровну узналъ чрезъ знакомаго Англичанина, которой мнѣ сказывалъ, что лѣтъ тому сорокъ или болѣе назадъ, Голанецъ корабельщикъ возвращаясь изъ Петербурга въ Кронштаптъ, въ воспоргѣ своемъ о полученномъ на товарѣ барышѣ, хлебнулъ не обычно, заснулъ и проснувшись въ безпамятствѣ уѣхалъ, оставя семь сотъ рублей серебряныхъ денегъ въ мѣшкѣ запечатанныхъ. На другой день по привычкѣ хозяйки самой меспи комнату, находивъ она деньги подъ скамьей. (Спудевъ у ней тогда еще не было) Вообразить себѣ легко можно ея удивленіе, она и представить себѣ не могла, кому сіи деньги принадлежать могутъ, имѣя въ домѣ своемъ ежедневно разныхъ людей.

Подвергая себя безчестію, заперла она деньги въ сундукъ, не сказавъ никому ни слова и скрыла свою находку

отъ мужа и мащери своей опасаясь разглашенія. По прошествіи семи лѣтъ прїѣзжаютъ къ ней нѣсколько Англичанъ и съ ними Голландской шкиперъ. Всѣ вмѣстѣ садятся обѣдать — Англичане за бушылкою знакомятся съ Голландцемъ и спрашиваютъ его часто ли онъ въ Россіи бываетъ? Голанецъ клянется, какъ шкиперу прилично, что за грѣхи его чортъ занесъ въ проклятую землю, гдѣ онъ семь лѣтъ тому назадъ ѣхавъ изъ Петербурга невѣдомо гдѣ забылъ или дорогою выронилъ семь сотъ рублей серебромъ. Христофоровна вслушивается и не много погодя проситъ у Голандца часовъ посмотреть — онъ ей отказывается съ грубостію; но по усиленной прозбѣ соглашается ввѣрить ей свои часы. Христофоровна сравниваетъ печати, узнаетъ ихъ и въ восторгѣ вноситъ деньги къ удивленію Англичанъ. „Не бранись баринъ, говоритъ она Голандцу, вотъ тебѣ деньги, изволь посмотреть всѣ ли онъ въ цѣлости?“, Голанецъ беретъ свои деньги, считаешь, находишь все вѣрнымъ и за

безкорыстіе старухи, въ прославленіе своей щедрости, награждаетъ ея че-  
стность — рублемъ. Но Англичане надъ  
которыми доброе дѣло болѣе сдѣлало  
впечатлѣнія, вырываютъ мѣшокъ, оп-  
щипываютъ сто рублей и прибавя  
столько же отъ себя, отдають Христо-  
форовнѣ. Сильная рука владыка —  
она одна могла сдѣлать Голландца ще-  
дрымъ. Онъ соглашается на подарокъ,  
но Англичане выгоняють его вонъ и при-  
нуждаютъ Христофоровну принять день-  
ги. — „Я уже рублемъ довольно награж-  
дена, говоритъ она, за что? развѣ  
„мои эшо были деньги? Хозяинъ имѣ  
„нашелся и слава Богу! чтожъ я шупъ  
„хорошаго сдѣлала? Чему вы удивляе-  
„тесь? Я отдала то, что мнѣ не при-  
„надлежало!„

Добрая швоя душа Христофоровна!  
добродѣтели въ семъ поступкѣ не ви-  
дять, она пороку не причастна, свѣтъ  
ей неизвѣстенъ и шы удивляешся на-  
шему изумленію....

Часто забѣжаю я къ Христофоро-  
внѣ — вѣшная ея хижина, паденіемъ

грозящая, мнѣ мила — вѣшрѣ дуешѣ  
сквозь спѣны; но добрыя дѣла ея согрѣ-  
ваюшѣ мое сердце — и на старыхъ  
спульяхъ добродѣтелию купленныхъ, (\*)  
я съ удовольствіемъ сажу.

Скоро можешѣ быть Всевышній Су-  
дія призоветѣ меня отѣ насѣ (\*\*) нѣшѣ  
у тебя родни, нѣшѣ и друзей. Единая  
горячая слеза да ороситѣ могилу твою.  
Спокойно опдыхая взгляни на чувствви-  
тельную душу, тобою образованную —  
да наслѣдуетѣ она единымъ оставлен-  
нымъ тобою сокровищемъ — твою до-  
бродѣтелию!

---

(\*) Стулья куплены были на полученныя  
отѣ Англичанѣ и Голланца деньги.

(\*\*) Кѣ сожалѣнію Христофоровны уже нѣшѣ —  
она умерла два года тому назадѣ.

---

---

# СТИХОТВОРЕНІЯ.

---

## I.

### *Плать Королевы Маріи.*

Тщешно стонъ мой раздается  
Въ мрачныхъ сводахъ и пусныхъ,  
Сердце больше ноетъ, рвется  
Вспоминаньемъ дней злыхъ.  
Вижу въ щастьи всю природу  
Сквозь решетку изъ окна —  
Славить всё любовь, свободу,  
Я спеню въ цѣпяхъ одна.

\*

Такъ и бышь! — свирѣствуй злоба,  
Я умбю всё сносить —  
Время шамъ — и послѣ гроба  
Мнѣ невинность возвратишь.  
Зависть люшая, надмѣнна,  
Скоро презряшь умыслъ швой,  
И чувствительность безцѣнна  
Оросишь мой прахъ слезой.

\*

Слѣбны мрака, мукъ ужасныхъ,

Гарство мершвой пишины;

Сколь долги для нещаспныхъ

Проводимы въ вопляхъ дни!

Шуръ шумишь — сова взываетъ —

Мышанъ колоколъ часовъ —

Все нещаспной мнѣ вѣщаетъ:

*Время къ смерти — гробъ готовъ!*

*А. Н.*

## II.

### *Гробница друга.*

Надъ кѣмъ мой взоръ встрѣчаетъ

Сей памятникъ въ поляхъ?

Чей оставъ исплываетъ

Въ песчаныхъ сихъ степяхъ?

Надъ кѣмъ стоить вѣтвиспый

Дубъ гордый наклоненъ?

Надъ кѣмъ сей камень мшиспый,

Тяжелый положенъ?

\*

Нѣтъ надписи на ономъ —

Нѣтъ въ вѣшкахъ соловья

Унылымъ чшобы пономъ

Далъ знать: могила чья? —

Вокругъ лишь раздается  
 Снопъ мертвой пшпцѣ ноцныхъ;  
 Полынь густая вьется  
 Въ разсѣдинахъ гробныхъ.

Конечно пшпникъ бѣдной  
 Изъ дальня спраны  
 Въ степи уединенной  
 Свои окончилъ дни,  
 И руки незнакомы  
 Его здѣсь погребли? —  
 Ахъ! гдѣ и наши дома?  
 Всякъ пришлецъ на земли!

Недавно я свяшою  
 Былъ дружбой сѣдиненъ;  
 Теперь одинъ съ собою  
 Одинъ жить осужденъ.  
 Твоюль мой другъ объемлю  
 Гробницу нынѣ я? . . . . .  
 Увы! — лобзаю землю  
 Скрывающу шебя.

Но или сквозь сыпучій  
 Песокъ холодной сей  
 Источникъ слезъ горячій  
 Не пройдетъ до швоей

Гробницы сокровенной?  
 Внемли печальной зовъ:  
 Сними предъ мною шемной  
 Ты вѣчности покровъ!

Сними! — Не отвѣчаешь  
 Никшо моимъ словамъ;  
 Лишь вѣшрѣ вдали взываешь  
 Бушующа по лѣсамъ.  
 Изъ облакъ чуть выходишь  
 Луны померклой зракъ;  
 Угрюмой спрахъ наводишь  
 Безмолвной ноци мракъ.

Едва въ лѣсу капишься,  
 Едва ручей журчишь;  
 Нарушишь онъ боится  
 Безмолвье — и молчишь.  
 Просперша всюду съ шьмою  
 Уныла шишина;  
 Все предано покою,  
 Весь мѣръ въ объятыхъ сна.

Ничтожества каршину  
 Я зрю въ моихъ глазахъ,  
 Все прійметъ здѣсь кончину  
 И скроется въ гробахъ.

Щаспливецъ и нещасный  
 Отсель шуда прейдуть,  
 Гдѣ радости всечасны  
 Въ рядахъ вѣковъ шекутъ.

Гдѣ нынѣ шѣ народы,  
 Чшо жили на земли?  
 Гдѣ скорби ихъ, — заботы? —  
 Среди забвенья мглы.  
 Почтоже здѣсь шерзашься?  
 Почто суешѣ искашь?  
 Игрой мечшы пльняшься,  
 Коль должно умирашь?

Хошь въ градѣ — иль пустынь —  
 Хошь въ рублищѣ — въ парчахъ,  
 Подвергнешся судьбинѣ  
 Ислабнѣя, брэнной прахъ.  
 И насъ, и насъ со времемъ  
 Покроетѣ сей песокъ;  
 Простимся съ жизни бремемъ —  
 Посшигнешѣ все злой рокъ!

Но длань его желѣзна  
 Не умершвишѣ меня:  
 Со вѣчношнію смѣжна  
 Душа и мысль моя!

Составъ мой истребится,  
 Но вѣченъ будетъ духъ;  
 Онъ къ жизни возвратится  
 Тамъ — гдѣ мой милой другъ.

*А. Бе.*

---

III.

*Къ Лизѣ.*

Когда я былъ любимъ шобою  
 Себя щасшливымъ почиалъ,  
 Прелестной упоенъ мечшою  
 Себя съ безсмертными равнялъ.  
 Любовь какъ легка шѣнь сокрылася  
 Осталась горестъ лишь со мной,  
 Мечта мнѣ аспивша удалилася  
 И мой нарушила покой.  
 Ужьель изгибы сердца можно  
 Простому смертному узнатьъ,  
 Узнатьъ, что истинно, что ложно  
 И въ сѣть коварства не впадать?  
 Я былъ любимъ, иль шакъ казалось,  
 Въ восторгахъ сердце упоялось,  
 Щасшливъ я былъ судьбой своей,  
 Мнѣ Лиза спрасъ свою швердила  
 Что я ей все, мнѣ говорила,  
 Не зная лжи, я вѣрилъ ей.

Но чшо жь? разлука испребила  
 Мой образъ изъ души ея,  
 Минута, щаспья свѣтъ зашмила —  
 И Лиза спала не моя.

Прости, коль я воспоминаю  
 Чшо я шобю былъ любимъ;  
 Я иногда еще мечшаю  
 Всемъ сердцемъ обладать швоимъ.  
 Я въ сей мечтѣ искалъ опрады,  
 Искалъ за спрасть свою награды,  
 Себя старался обольщашъ  
 И щаспья прежняго искашъ.

Ахъ, вспомни какъ ты говорила,  
 Чшо и въ пустынь ты со мной  
 Себя бы щаспливою чшила,  
 Жилабъ любовію одной.  
 Ты вспомни какъ въ обьяшяхъ нѣжныхъ  
 Я дни минушами щиталъ,  
 И въ пылкости спрастей мятежныхъ  
 Блаженство тихое вкушалъ.  
 Старался-ль хипросшью презрѣнной  
 Тебя я въ сѣти уловишь,  
 Искалъ ли я шобю прельщенной  
 Твою невинность погубишь?

Въ чистыхъ нашихъ наслажденьяхъ,  
 Въ восторгахъ, въ снраспныхъ упоеньяхъ,  
 Въ то время какъ пылала кровь,  
 Моя скромна была любовь.

Тебя священной щипая,  
 Юрокъ мнѣ въ сердце не входилъ,  
 Въ тебѣ все щастье полагая  
 Какъ ангела тебя любилъ.

Ты вспомни горькой день разлуки,  
 Когда тебя я оставлялъ,  
 Какъ я къ тебѣ простерши руки  
 Тебя шократно цѣловалъ.

Казавъ *прости* ты шрепешала,  
 Злѣднѣла, слезы проликала,  
 Меня шстараясь удержашь,  
 Не щцилась горести скрыватьъ.  
 Когда забыла что мѣшающѣ  
 Намъ спрасшь взаимную являшь,  
 Что намъ любишь не позволяющѣ,  
 Мѣшающѣ нѣжностъ намъ пишашь.

Одна любовь тебя обьяла,  
 Меня ты къ груди прижимала,  
 Клялася ввѣкъ меня любишь . . . —

И ты могла меня забыть! —

Увы! когда я возвратился  
 Смущенна ты была со мной;

Твой взоръ съ насмѣшкой отвратился  
 Когда я вспрѣпился съ тобой.  
 Въ пустыхъ учивствахъ изгибаясь,  
 Отъ страшныхъ взоровъ уклоняясь  
 Меня ты щилась обольстить  
 И тѣмъ свою невѣрность скрыть.  
 Измѣницѣ возможноль скрыться?  
 Тотчасъ я злой свой рокъ узналъ;  
 Въ любви возможноль припворится?  
 Я все въ молчаньи примѣчалъ,  
 И скоро истинна явилась,  
 Я зрѣлъ, что пламень презрѣнъ мой;  
 Мнѣ ревность въ сердцѣ поселилась  
 Узнавъ, что я забытъ тобой.  
 Тебѣ въ досаду я спарался  
 Другой предметъ любви сыскать,  
 Съ тобою бывъ, тебя чуждался,  
 Хотѣлъ презрѣнемъ опомцать;  
 Но ты усилямъ смѣялась,  
 Другому сердце ошдала;  
 Какъ грудь моя тогда терзалась,  
 Какъ жизнь несносна мнѣ была!  
 Ахъ, можетъ ли другой споль нѣжно  
 Тебя невѣрная любить,  
 Найдешъ ли счастье безмяшежно,  
 Когда меня могла забыть!

О Лиза! клятву кто забудетъ,  
 Не можешь пошлѣ покой вкушать,  
 И раноль, поздоли, но будешь  
 Его шѣмѣ совѣсшь укоряшь.

Уже давно прошло то время,  
 Когда я былъ любимъ тобой,  
 И легче кажешся мнѣ бремя  
 Юдѣ коимъ духъ помился мой.  
 И долго плакалъ, сокрушался,  
 Любовь желая одолѣшь,  
 Мой трудъ наградой увѣнчался —  
 Престалъ я спрасшію горѣшь.  
 Твой взоръ шеперь не расправляешь  
 Тѣхъ раны сердца моего,  
 Токкой во мнѣ не возмущаетъ,  
 Безъ страха встрѣчу я его.  
 Пришворствомъ болѣ не спарайся,  
 Меня ты въ сѣши уловишь;  
 Болѣ я не милъ, другимъ прельщайся,  
 То мнѣ не лзя уже любить.  
 Еще съ весельемъ вспоминаю,  
 Когда я щасливъ былъ съ тобой;  
 Но я шеперь предпочитаю  
 Всему, о Лиза! мой покой;  
 И такъ на вѣкъ проси — не стану  
 Тебѣ любовь воспоминашь,

Отъ грусти больше я не вяну,  
 Тебя не стану упрекать;  
 Души спокоилъ я шерзанье,  
 Спаражся щасшливымъ бытъ —  
 Исполнижъ шы мое желанье,  
 Чшобъ безъ меня въ блаженствѣ жишь!

— об.

## IV.

*Вѣрный любовникъ.*

Напрасно вопіють, что развратился свѣтъ!  
 Чшо нынѣ и въ любви ужъ посшоянства нѣтъ!  
 Чшо всѣ любовники любовницъ забываютъ.  
 Такіель, Боже мой! они у насъ бываютъ?

Не лзя имъ забывать и вопъ шому примѣръ

Линдоръ былъ молодой, армейской офицеръ  
 Отъ всѣхъ поварищей своихъ онъ отличался  
 Красавцемъ, ловкимъ онъ, любезнымъ почиался  
 Клариса нѣжная, которая была

*Существелна* весьма, и сполько же *мила*  
 Пѣнясь имъ и сама равно его пѣнила.

Сколь удивительна любви жарчайшей сила!

Ни служба спрогая, ничшо — ниже *бостонъ*

Но даже самой *банкъ*, не дѣлали препонъ

Линдору спрасшному съ Кларисою *видашься*

щастіемъ въ любви взаимнымъ наслаждаешься.  
 има въ веселостяхъ, въ утѣхахъ вся прошла,  
 рѣшная весна за ней во слѣдъ пришла

загремѣла вдругъ труба ужасной Славы.  
 бгуть шолпой съ полей и игры и забавы,  
 съ Нимфы слѣзы льютъ, оставя хороводъ. —  
 Линдорову полку объявленъ ужъ походъ.

шо можешь описать любовниковъ прощанье?  
 ихъ горесць, ихъ шоску, ихъ слезы, обниманье?

Мариса бѣдная на вѣрнобъ умерла,

когда бы спиршу ей служанка недала,

въ обморокъ она совсѣмъ было упала. —

помомъ съ Линдоромъ какъ уже прощанья  
 спала,

о воздымалася у ней отъ вздоховъ грудь.

*Прощай, любезнѣйшій, меня ты не забудь!*

казала такъ она — и книжку подарила,

ему кошорую сама на память шила.

*Не боссъ, о малая, не боссъ!* Линдоръ вскричалъ

и имя онъ ея шущъ въ книжкѣ записалъ.

*А. Измайловъ.*

---

## V.

*Тріолетъ Олинкѣ.*

„Взглянулъ я на себя — влюбился!,,  
 Шушя я свѣшу шакъ сказалъ.  
 Помомъ шушя шебъ опкрылся:  
 „Взглянулъ я на себя — влюбился!,,  
 Такъ я и сердцу извяснился,  
 Ему по часшу попкалъ:  
 „Взглянулъ я на себя влюбился!,,  
 Шушя — и истинну сказалъ.

*Г. О. Д.*

## VI.

*Д л и т а Ф і я.*

Здѣсь славной мотъ лежишъ; — онѣ жизнь  
 свою скончалъ  
 Сѣ досады, чшо никшо вѣ займы ужѣ не  
 давалъ!

*А. Б.*

## ИЗВѢСТІЯ.

*Россійской Театрѣ.*

*Росславъ, Трагедія въ 5 дѣйствіяхъ, сог.  
Г. Княжнина.*

Поздо мы объявляемъ о семъ спектаклѣ — онъ давался еще 30 Января въ пользу Актёра г. Яковлева; но какъ ѡй No Журнала нашего былъ уже напечатанъ, то мы рѣшились хотя мѣсяцъ спустя, сказать о сей Трагедіи.

Кто не знаетъ Росслава? сего лучшаго произведенія Россійскаго Театра и Словесности? кому неизвѣстны паланпы Гг. Яковлева, Шущерина и Гжи Семеновой? День представленія Росслава и Эдипа можетъ послужить доказательствомъ тѣмъ людямъ, которые несправедливо укоряютъ русскихъ въ пристрастіи къ французскому театру и которые говорятъ, что у насъ нѣтъ хорошихъ Актёровъ, что единственно отъ театральныхъ сочинителей зависитъ заставить любить или презирать Ошечественный Театрѣ. — Мы уже говорили о семъ во 2 No Журнала нашего;

но теперь въ доказательство скаже  
что Гг. Актеры разыграли Росслава  
всѣмъ искусвомъ и плѣнили зрите  
своею игрою. Особливо же Г. Яковл  
игравшій роль Росслава, восхитилъ  
пелей. Природа щедро одарила  
Актера—величественный станъ, гол  
сильный и пріятный, соединенный  
большимъ искусвомъ, спавятъ его  
ряду съ лучшими Актерами. — По  
чани Трагедіи публика вызвала на сц  
г. Яковлева и гжу Семенову и изъяс  
удовольствіе свое громкимъ рукоплес  
ніемъ.

---

Въ *Сѣверномъ Вѣстникѣ* много р  
уже говорено было о Трагедіи г. С  
рова *Эдипъ въ Афинахъ*, столь хоро  
принятой публикою и заслужив  
общее уваженіе всѣхъ знатоковъ Теат  
и Словесности. Почитая изъ за с  
излишнимъ уже говорить о семъ п  
восходномъ твореніи, мы съ удово  
спвіемъ помѣщаемъ въ Журналъ наше  
стихи, присланные къ намъ отъ одн  
любителя Опечесшвеннаго театра,

честь сочинителя Трагедіи, также г. Шушерина игравшаго роль Эдипа, и г-жи Семеновой игравшей роль Антигоны, какъ не лестную похвалу истиннымъ талантамъ.

*Творцу Эдипа.*

Софоклы въ Греціи, во Франціи Корнели  
Таланшу своему наследниковъ имѣли;  
Тамъ Еврипиды, здѣсь Вольшеры ихъ смѣня,  
Владѣли ихъ перомъ, всю славу сохраня.  
Потѣреюль Творцовъ *Синава* и *Рослава*  
Россійскихъ Трагиковъ у насъ зашмился слава?  
Нѣтъ — въ просвѣщенный вѣкъ сего на мо-  
жешь быть,  
Заславилъ Озеровъ потѣрю шу забыть!

\*

*Г. Шушерину.*

Людей съ талантами потомство не забудетъ,  
И слава ихъ именъ слышна на долго будетъ.  
Дмишревскаго талантъ не будетъ ввѣкъ за-  
бытъ,  
Знапокъ Крушицкаго и Волкова почтисъ;  
Но что похищено отъ насъ шеперь судьбою,  
То славно замѣнилъ намъ Шушеринъ собою.

\*

*Г-жѣ Семеновой.*

Семенова! во дни своихъ цвѣтущихъ лѣтъ,  
 Талантъ свой лестную надежду подаешь;  
 Театру славную Актрису общаешь,  
 Игра своя шеперь ужъ многихъ восхищаетъ  
 Ты къ совершенству путь легко себѣ найдешь,  
 Коль Троепольской въ слѣдъ старательно  
 пойдешь.

*В. Сл — вб.*

*Россійскія Книги:*

1.

*Корифей, или ключъ Литтературы, часть  
 II, книга VII, Калліона. (продолженіе).  
 С. П. Б. 1804. вб 8.*

Мы не будемъ разсмапривать, справедливо ли въ нѣкоторыхъ Журналахъ 1803 года крипиковали или лучше сказашь осмѣивали двѣ первыя книги сего сочиненія. Корифей не есть курсъ Словесности, но только ключъ къ оной. Сочинитель можетъ бытъ никогда и не думалъ дать такое пышное названіе;

но какъ бы то ни было, всякой благомыслящій человекъ опдасть по крайней мѣрѣ справедливостъ предпріятію небывалому еще на нашемъ языкѣ и усердію Сочинителя ко благу общему.

Седьмая книга Корифея содержишь *Опытъ о древнихъ Эпитетскихъ Стихотворцахъ*. Сочинитель представляеть храмъ во вкусѣ древнихъ съ приличными поэзія эмблемами. Наставникъ вводитъ въ оной своихъ учениковъ, показываетъ имъ изваянныя лица великихъ поэтовъ и бесѣдуетъ съ ними о ихъ жизни и швореніяхъ. Онъ начинаетъ обращеніемъ къ симъ юношамъ, показываетъ имъ Омира и Виргилія, говоритъ о ихъ жизни, разбираетъ ихъ шворенія, предлагаетъ красоты Илліады, Одиссеи, Энеиды, сравниваетъ сихъ двухъ великихъ поэтовъ, сказываетъ мнѣнія ученыхъ о сихъ мужахъ древности — и дѣлаетъ книгу сію занимательною и весьма полезною не только для юношей; но и для всякаго любителя Словесности, а особливо для тѣхъ, копорые не имѣютъ способа или времени, чипашъ множе-

ства помовъ писанныхъ на всѣхъ языкахъ о Омирѣ и Виргиліѣ. Сочинитель извлекъ изъ сего множества все досто-вѣрное, все лучшее, и въ одной книгѣ даетъ истинное понятіе о сихъ пишахъ и ихъ швореніяхъ.

Слогъ довольно хорошъ, и былъ бы еще лучше, есѣли бы сочинитель не упошреблялъ иногда безъ всякой нужды иностранныхъ словъ, и припомъ шакихъ, копорые очень легко можно выразить на Рускомъ языкѣ, столь богатомъ и прекрасномъ. Но впрочемъ Сочинитель въ нѣкоторыхъ мѣстахъ говоритъ съ жаромъ, даже краснорѣчиво. Призываніе къ юношамъ (на стран. 5.) и обращеніе къ Виргилію (на стран. 160.) могутъ служить доказательствомъ сему.

Мы за особенное удовольствіе поставили сказать читателямъ нашимъ о книгѣ, копорая дѣлаетъ много чести сочинителю и весьма полезна для упражняющихся въ словесныхъ наукахъ.

---

*Ведюша или маленькой Савоццъ въ Овернскихъ горахъ, переводъ съ Французскаго, 2 т. М. 1805. въ 16.*

Эшо романъ во всей силѣ сего слова. Довольно пріятной слогъ, множество произшествій весьма запутанныхъ, но впрочемъ весьма сбыточныхъ — возбуждающъ любопытство читателя и дѣлающъ книгу сію довольно занимательною.

Переводъ хорошъ — есть однакожъ нѣкошорыя галлицизмы, кошорыхъ избѣжать трудно въ переводахъ, а особливо съ шакого языка, кошорой въ большомъ у насъ употребленіи. — На примѣрѣ:

Ч. I. стр. 17. *Однимъ днемъ подѣ вечерѣ* — это галлицизмъ: *Un jour vers le soir* — мы говоримъ *одинъжды вечеромъ*, а не *однимъ днемъ подѣ вечерѣ*.

Ч. I. стр. 170. *И не могъ было удержатъ внутреннихъ восторговъ своихъ, видя красоту поселянки.* — Французы говорящъ *transports*, но въ рускомъ языкѣ *восторгѣ* не употребляется во множественномъ числѣ. Мы говоримъ *восторгѣ народа*, *восторгѣ зрителей* — а не *восторги* зрители

лей. — Да и припомъ *внутренній* воспоргъ мы не знаемъ бываетъ ли какой *наружной* воспоргъ?

Ч. II. стр. 129. *Вели се (Эмилию) подлинному коридору освѣщенному одною только блѣдною, лугъ отбрасывающею, лампадою. — Лугъ отбрасывающею!* онышь галлицизмъ!

Но со всѣмъ шѣмъ прочитавъ Оедюшу, чипашель останется навѣрное доволенъ и Сочинителемъ и Переводчикомъ — ибо они займутъ его довольно прятнымъ образомъ. . . .

---

## СМѢСЬ.

Дюфрени написалъ комедію въ прехъ дѣйствіяхъ, актёры сократили ее и представили въ одномъ дѣйствіи. Онъ написалъ другую въ пяти дѣйствіяхъ, актёры сдѣлали ее въ прехъ. Дюфрени былъ въ отчаяніи. — *Мой другъ!* сказалъ ему Пелегрень, *напиши комедію въ одиннадцати дѣйствіяхъ, актёры убавятъ шесть, а пять останутся.*

\*

Вынимай шпагу! кричалъ Французъ Гасконцу вызывая его на дуэль. *Что твой братъ? Приказывай своему слугѣ!* отвѣчалъ Гасконецъ.

\*

Одинъ Нѣмецкой Принцъ проѣзжалъ чрезъ маленькой городокъ въ Германіи. Комендантъ извинялся, что онъ не стрѣлялъ ему изъ пушекъ. *Я имѣлъ многія пригнѣи къ сему,* говорилъ онъ, *первое то, что у насъ нѣтъ пушекъ, второе...* — *Пожалуйте не сказывайте другой пригнѣи,* отвѣчалъ Принцъ.

*Прадонъ*, котораго Буало осмѣивалъ въ своихъ Сатирахъ, былъ такъ не свѣдуецъ въ Географіи, что онъ часто Европейскіе города почиталъ Азіатскими, а Африканскіе Европейскими. Нѣкто изъ его пріятелей далъ ему эпиграммъ. — *Извините*, сказалъ Прадонъ, *я не знаю Хронологіи.*

Клерваль, французской Актрѣ, былъ хорошо принятъ въ одномъ домѣ въ Парижѣ. Хозяинъ дому наскуча его посѣщеніями велѣлъ ему сказать, что если онъ еще придетъ къ нему, то онъ велитъ дать ему сто палокъ. Жена сего господина сказала Клервалю, что если онъ не будетъ ходить къ нимъ, то она велитъ дать ему двѣсти палокъ. — Клерваль въ такихъ обстоятельствахъ совѣщается съ своимъ другомъ, и спрашиваетъ чьему приказанію слѣдовать? — *Я совѣтую тебѣ лучше слѣдовать приказанію жены*, отвѣчалъ ему другъ, *ибо тутъ ты можешь получить сто на сто.*

Одинъ Путешественникъ описывая прешерпѣнную имъ на морѣ бурю, говоритъ: „Шедши одиннадцать часовъ и „не найдя ни какихъ слѣдовъ человѣческихъ, мы почли землю сію не обитаемою. Наконецъ къ неописанной нашей радости увидѣли мы повѣшеннаго „человѣка — и увѣрились, что находимся „въ просвѣщенной землѣ.“

\*

Одна Трагедія Вольпера была принята очень худо публикою. Аббатъ Пеллегренъ увидя Вольпера въ Театрѣ, сказалъ ему: не стыдно ли вамъ написать въ Трагедіи вашей нѣкопорыя мои стихи?—Какъ, спросилъ Вольперъ, я укралъ ваши стихи? — Конечно! — *Теперь я не удивляюсь, что Трагедія моя была принята худо!* сказалъ Вольперъ.

---

*Марта 1 дня.*



---

Ж У Р Н А Л Ъ  
РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ,

Апрѣль. 1805.

№ 4.

---

I.

*Путешествіе на Островъ Подлецовъ.*

Я возвращался изъ Америки — первая двѣ недѣли плаваніе наше было благополучно — попутной вѣтрѣ дулъ сильно въ паруса, корабль лешѣлъ по необозримому Океану и разсѣкалъ пѣнящія волны — мачросы сидѣли на палубѣ и пѣли пѣсни — мы уже надѣялись видѣть скоро конецъ сего труднаго пути — какъ вдругъ нашла черная туча, вѣтры заревѣли, громъ гремѣлъ и молнія сверкала по минушно. Мачросы спѣшавъ къ своимъ мѣстамъ — корабль спремится, лешитъ . . . . цѣлую недѣлю онъ былъ игралищемъ развѣренныкъ волнъ —

наконецъ буря ушла и мы увидѣли землю. Капишанъ сказалъ, что насъ занесло совсѣмъ въ другую сторону и что мы находимся недалеко отъ острова Подлецовъ. Для починки корабля мы бросили якорь въ виду острова. Любопытство видѣть сію неизвѣстную страну, побудило меня просить у капишана позволенія съѣздить туда — онъ долго несоглашался, наконецъ далъ мнѣ шлюбку и спустилъ меня съ двумя мапротами, съ пѣмъ чтобы я къ вечеру возвратился на корабль.

На островѣ Подлецовъ я пробылъ не долго и опишу вамъ безъ прикрасъ островъ и то, что я тамъ видѣлъ.

Островъ Подлецовъ есть наибогатѣйшій въ мірѣ. Онъ лежитъ подъ самымъ почти полюсомъ и окруженъ *Оканомъ коварства*, весьма опаснымъ для мореплавателей. Земля не плодородна и производитъ только плоды *хитрости* и *пронырства*, весьма вкусные для жителей; но впрочемъ горкіе для всякаго честнаго человека.

Я спѣшилъ скорѣе въ главной городъ  
го острова. Онъ называется *Лестъ*,  
сыма пріятенъ по своему мѣстополо-  
женію, и спойтъ на рѣкѣ *низкихъ по-*  
*новъ*, копорая печеть иногда тихо,  
югда быстро, смотря по обстоятель-  
ствамъ.

Жителей на семъ островѣ много и  
казываютъ, что въ годъ родится  
десять разъ болѣе, нежели умретъ.  
Жители всѣ блѣдны, худы, но въ бога-  
тыхъ кавшанахъ и живутъ хорошо, ибо  
ного добываютъ чрезъ подлость. Они  
поль низки духомъ, что даже и въ  
урную погоду ходятъ по улицамъ безъ  
шляпъ и кланяются всякому богачу, а  
особливо пупешественникамъ, отъ ко-  
торыхъ надѣются поживиться. Предъ-  
ѣзжими же, кто мало значить въ свѣтѣ,  
или бѣденъ, честенъ, добръ — предъ-  
ѣзжими они горды и вопъ одинъ только  
лучай, когда они надѣваютъ шляпы!

Это описаніе кажется достапочно,  
чтобы дать понятіе о семъ чудномъ  
островѣ.

Я остановился въ лучшемъ пракширѣ. Тракширщикъ выбѣжалъ ко мнѣ и сказалъ, что онъ уже нѣсколько дней меня ожидалъ и очиспилъ для меня лучшіе покои. — Мой другъ, сказалъ я съ удивленіемъ, я пріѣхалъ сюда нечаянно и не думаю, чтобы вы могли знать прежде о моемъ пріѣздѣ. — Милостивой государь! отвѣчалъ онъ, мы люди малые и единственнѣйшимъ щастіемъ нашимъ поспавляемъ предупреждать намѣренія и волю, людей вашихъ достопшвѣ. — Въ самое время нашего разговора подошелъ къ нему бѣднякъ и просилъ дать уголокъ въ его домъ; но пракширщикъ отшолкнулъ его съ гордостію и показавъ всю мѣру презрѣнія богатаго гордеца къ бѣдному, велѣлъ ему удалиться. Я удивился такой скорой перемѣнѣ. — Милостивой государь! сказалъ пракширщикъ принявъ опять униженный видъ, чтожъ бы было въ нашей жизни, если бы ползая весь вѣкъ предъ богачами, не имѣли мы удовольствія гордиться предъ бѣдными. — Тутъ узналъ я великую истинну, что подлецъ

зшь самое горделивѣйшее швореніе въ шрѣ!

Не успѣлъ я опдохнуть послѣ пружной дороги, какъ вдругъ явилась ко мнѣ толпа жшпелей сей страны. Всякой кланялся мнѣ въ поясъ — иной называлъ меня своимъ благодѣтелемъ, хотя я опѣ роду въ первой разѣ его видѣлъ — иной подносилъ мнѣ спихи на день моего рожденія, иной эпшпаламу на мой прїѣздѣ, въ сихъ спихахъ уподбляли меня Сенекъ въ мудрости, Фемисшоклу въ храброспи, Лукуллу въ благошворшельности, — иной просилъ позволенія списать мой портретъ и посшавилъ его рядомъ съ Адонисомъ, иной говорилъ, что добродѣтель Ариспида ничшо предѣ моею — иной узнавъ, что я люблю Словесность, увѣрялъ меня, что Платонъ, Виргилій, Димосеенъ, не могушъ равняшся со мною въ краснорѣчш — шотъ читалъ мнѣ съ восхищеніемъ на изусть оду, кошорой я опѣ роду не писывалъ — иной повалясь мнѣ въ ноги, лизалъ пылъ съ моихъ сапогъ.. словомъ, всѣ прилагали шпараніе выма-

нишь у меня по нѣскольку копѣекъ — обыкновенное желаніе подлыхъ душъ!

Послѣ сихъ учтивостей я пошелъ обѣдать. За столомъ сидѣло человѣкъ пятьдесятъ. Всѣ они сидѣли смирно, говорили шопотомъ и браня шѣхъ, предъ которыми за четверть часа предъ шѣмъ ползали и которыхъ превознося до небесъ называли своими благодѣтелями, поминутно оглядывались, по на ту, по на другую сторону, боясь, чтобы ихъ не подслушали. Въ сей залѣ нашелъ я одного Англичанина, которой въ городѣ Лесли живеть уже нѣсколько недѣль. Я пріѣхалъ сюда, сказалъ мнѣ прямодушной Британецъ, нарочно за шѣмъ, чтобы увидѣть разницу между человѣкомъ и подлецомъ. — Онъ мнѣ много разказывалъ о семъ чудномъ оспровѣ. Здѣсь деньги есть всемогущій металлъ, говорилъ онъ, и человѣкъ безъ денегъ, есть жалкая шварь. Здѣсь почти ежедневно бывають пому слишкомъ ясныя доказательства. Часто молодые люди пріѣхавъ сюда, впадаютъ въ сѣти пронырливыхъ жипелей. Не давно одинъ

молодой человекъ весьма богатой, приѣхалъ въ сей городъ — поспѣшнѣе нашла къ нему куча льстецовъ, всѣ увѣряли его въ глубокой своей преданности, дружбѣ, говорили ему, что ихъ имѣніе, даже самая жизнь ихъ, готова къ его услугамъ. Молодость легковѣрна — не опытной юноша вѣрилъ опъ чистаго сердца ихъ словамъ, помогалъ имъ, дарилъ и чрезъ нѣсколько недѣль лишился всего имѣнія. Топчасъ всѣ друзья его оставили. Въ свою очередь онъ идетъ къ тому, къ другому, но его не принимаютъ — встрѣпясь, не узнаютъ его. Онъ удивляется такой скорой перемѣнѣ и тогда только собственнымъ опытомъ удостовѣрился, что вся дружба ихъ основана была на чистыхъ выгодахъ. Ахъ, государь мой, сказалъ я, я знаю какъ трудно найти истиннаго друга не только въ землѣ подлецовъ, но и въ другихъ земляхъ. Увѣрившись въ сей истинѣ, я смѣю думать, что нелicenseрный другъ и вѣрная любовница существуютъ въ однихъ только романахъ! — Между тѣмъ Капитанъ корабля меня уже дожидался,

я сѣлъ въ шлюбку и оставилъ сію справу безъ сожалѣнія. . . .

О друзья мои! ешьте вы побдише когда пушешествовать, убѣгайте спранѣ лести!

---

## II.

### *Стрѣла.*

Въ мрачную осеннюю ночь, дождь лился ведромъ, вѣтрѣ свистѣлъ въ разбиыя окошки и спавни хлопали въ моей хижинѣ — я сидѣлъ у камина и дремалъ. Вдругъ вошелъ ко мнѣ великанъ съ лукомъ и колчаномъ, схватилъ меня, привязалъ къ стрѣлѣ, отворилъ окно и пустилъ по воздуху изъ спрашнаго лука, какого и у покойнаго Немврода не бывало.

Пушешествовать такимъ образомъ, въ дурную погоду, въ одномъ кавшанѣ и Богъ знаетъ куда, не весьма пріятно; но нечего было дѣлать — я летѣлъ съ удивительною скоростію и не могъ придумать, что за мысль пришла этому

чорпу швырять такимъ образомъ чешными людьми.

Вдругъ стрѣла вопкнулась въ какую-то гору — вообразите мою радость! я отвязалъ себя отъ чоршовой стрѣлы и пошелъ подъ гору, надѣясь, что найду сострадательныхъ людей, которые дадутъ мнѣ обогрѣться, перемѣнятъ плащъ и покажутъ способъ возвратиться въ любезное Отечество, къ бѣдной моей хижинѣ. Я надѣялся на гостепріимство жипелей — но чтожь? не успѣлъ я сойти съ горы, какъ толпа людей окружили меня. Ба! здорово собратъ! добро пожаловать! у насъ не доставало пяписошаго члена въ совѣтъ, ты вступишь его мѣсто; но прежде надобно тебѣ отрѣзать голову! — Голову! сказалъ я съ удивленіемъ, благодарю за честь, милостивые государи! я не хочу быть членомъ въ безголовомъ вашемъ совѣтѣ и не имѣю охоты въ цвѣтѣ лѣтъ моихъ лишиться жизни. — Ну, хорошо! если ты не хочешь быть членомъ, мы тебя и не выберемъ, но все надобно отрѣзать тебѣ голову.

Да для чего же, смѣю спросить? Для того, что ты цѣлою головою насъ выше, а земля сія есть *земля равенства*. — Будьше равны, сколько вамъ угодно, сказалъ я; но я не хочу быть съ вами равенъ. — Какъ, ты не хочешь быть нашимъ другомъ? — Мнѣ дружба ваша теперь очень нужна, сказалъ я, вы видите, что я весь измокъ и дрожу отъ холода; но если для пріобрѣтенія дружбы вашей должно лишиться головы, то я не хочу быть вашимъ другомъ — ищите себѣ друзей, которые бы были вамъ подъ роснѣ. — А! это Аристокрытъ! закричали они, его надобно утопить! тотчасъ взвели меня опять на гору, навязали мнѣ камень на шею и сполкнули съ утеса въ море.

Я почтпалъ себя уже мертвымъ, какъ вдругъ очутился въ многолюдномъ городѣ. — Ба! этогнѣ дѣшина не малъ ростомъ! говорилъ одинъ усасной капралъ съ длинными шпорами — другъ! не хочешь ли ты служить въ королевской арміи? — Опять новая дружеская связь! — Милосшивой государь, сказалъ

я, я недосшойнѣ бытъ вашимѣ другомѣ, шакѣ какѣ вѣ шой землѣ я почипалѣ себѣ названіе сіе низкимѣ — пожалуйте, государь мой, предоставыте мнѣ волю избирашь друзей, которые бы были ни выше, ни ниже меня роспомѣ. — Пустное, пустое, закричалѣ капралѣ и велѣлѣ мнѣ выбришь лобѣ. Топчасѣ надѣли на меня полстой мундирѣ, длинную шпагу, посставили во фруншѣ и для перваго дебюша дали мнѣ спо палокѣ. — Мнѣ эша шупка очень не понравилась. По окончаніи ученья я нашелѣ какѣ-то удобной случай уйши, но по нещастію меня поймалѣ папруль и военной судѣ опредѣлилѣ, вѣ награду за усердную мою службу, посадить мнѣ вѣ лобѣ двенадцать пуль.

Вы вѣрно подумаете, что я вкусилѣ смерть равнодушно, какѣ всѣ древніе Герои, какѣ Капонѣ, Сенека, Сократѣ и пр. — ошибешь — я очень любилѣ жизнь, и когда увидѣлѣ приуготовленія для веселой церемоніи, чтобы опправитѣ меня сѣ пальбою на потѣ свѣтѣ — я просилѣ, кланялся, плакалѣ; но ничто

не помогло. Неумолимый капралъ завязалъ мнѣ глаза, поставилъ на колѣни, двенадцать гренадеръ спали въ пяпи пагахъ съ заряженными ружьями, капралъ далъ знакъ, выспрѣлъ раздался и — я проснулся!

---

### III.

#### *О Женщинахъ* (\*).

Многіе возспаюшъ прошивъ прекраснаго пола — иные говоряшъ, что женщины должны бытъ рабынями мужчинъ — другіе, что онѣ должны пресмыкаться въ невѣжествѣ — иные осмѣлились даже утверждать, что женщина не имѣетъ

---

(\*) Одна любезная дама (сочинительница *басни Соловья* напечатанной въ 2 книжкѣ сего Журнала) прочитавъ книгу писанную прошивъ женщинъ, просила меня сказать что нибудь въ оправданіе прекраснаго пола въ Журналъ моему. Я написалъ это разсужденіе — гордясь бытъ защитникомъ прекрасныхъ; я почту себя щасливимъ, еслии оно заслужитъ ихъ одобреніе и извлечетъ улыбку милыхъ.

души; но скорбе сказать можно, что пошѣ, кто писалъ это, не имѣлъ ни сердца, ни души....

Мущины! къ вамъ я обращаюсь! скажите, что можетъ быть въ свѣтѣ милѣ умной и прекрасной женщины? чшобы былъ мѣръ, чшобы были вы сами безъ женщинъ? ... Безъ женщинъ люди скипались бы подобно дикимъ звѣрямъ, чуждались общества, ненавидѣли природу и необузданныя сердца ихъ алкали бы шолько крови; но любовь смягчила сердца людей, сдѣлала ихъ чувствительными, великодушными, словомъ, сдѣлала ихъ людьми. — Безъ женщинъ мѣръ былъ бы пустынею. — Тамъ, гдѣ нынѣ возвышаются великолѣпные города, гдѣ царствуетъ мѣръ и пишина, гдѣ процвѣтають науки, художества, гдѣ игры и смѣхи обитають; тамъ были бы непроходимые лѣса и болота, пустынные звѣри завывали бы въ нихъ и мѣшали вопль свой со спомомъ людей имъ подобныхъ — ужасъ и пагубное опчаяніе владычествовали бы во вселенной — Безъ женщинъ сей мѣръ былъ бы гробъ. Но

онѣ перемѣнили сію мрачную картину — онѣ соединили людей въ общество, онѣ укротили люшья ихъ сердца, онѣ сдѣлали для нихъ жизнь пріятною, заспашили насъ вкушати шѣ безсмертныя удовольствія, копорые такѣ сладки, такѣ милы сердцу! И есть еще люди, копорые возстають прошиву женщинѣ?

Я бы могъ въ оправданіе милыхъ привести изъ Исторіи примѣры славныхъ царицъ: Семирамиды, Дидоны и другихъ — показати, что женщины основывали царства, что онѣ устроили блаженство смертныхъ, что онѣ разпространяли просвѣщеніе, покровительствовали науки, ободряли художества, давали законы, привелъ бы славныхъ Римлянокъ и Спаршанокъ въ примѣръ, показалъ бы мужество ихъ, спросилъ бы васъ: кто спасъ Римъ? кто примирилъ жестокою брань? кто научилъ смертныхъ для славы Отечества презираиъ жизнью? Кто прославилъ Аѳины? кто образовалъ великихъ писателей? кто положилъ предѣлъ честолобію

Кориолана, ишо избавилъ миръ отъ кровопролитія, естли не женщины?

Но нѣтъ! нечувствительныя сердца! я не студа влеку васъ! придите, взгляните на щастливое семейство — смогните какъ нѣжная мать не щадя здоровья, безпокойства, трудовъ, пишаеиъ грудью плодъ любви своей.... Кшо пишалъ васъ женоненавидцы? пигры или львицы? васъ женщина вскормила молокомъ своимъ, женщина берегала васъ въ невинныхъ лѣтахъ, женщина образовала вашу душу, сердце, женщина соспавляетъ спокойствіе дома вашего, женщина лишивъ себя всѣхъ удовольствій, все спараніе свое прилагаетъ, чтобы соспавить ваше блаженство и въ награду за всѣ благодѣянія пребуеиъ одной только любви вашей и вы смѣете называть ихъ бездушными шварями, и вы забывъ все, чѣмъ обязаны имъ, хопите лишить ихъ ума, познаній, и всего, что дѣлаеиъ ихъ еще милѣе и любезнѣе?

Ахъ! нѣтъ, естли вы можете жить безъ женщинъ, естли вы въ со-

обществѣ ихъ не находите никакихъ удовольствій, естли прелести ихъ не имѣютъ вліянія на окаменѣлыя сердца ваши, предоставьте чувствительнымъ и благодарнымъ душамъ чувствовать то, чемъ они имъ обязаны. Не смотря на всѣ ваши глубокомысленныя сочиненія и доказательства, люди всегда будутъ чинить въ женщинахъ по земное божество, которое управляетъ ими, возвышаетъ ихъ душу, сердце, и шворитъ истинно великими — женщины всегда будутъ повелѣвать мужчинами, ибо красота всѣмъ повелѣваетъ. И самый ожесточенный пропивъ нихъ человекъ питая въ сердцѣ пламенную любовь, сіе непорочное чувство, сей нектаръ душъ чувствительныхъ, падетъ къ ногамъ прелестной женщины и признаетъ власть ея надъ собою, власть красоты надъ цѣлымъ міромъ! Естли красота имѣетъ такую силу надъ человекомъ, то что сдѣлаютъ всѣ ваши сочиненія противу женщинъ, одаренныхъ ею?

Краснорѣчіе ваше будетъ безсильно, доводы слабы, причины ничпожны. Слова прелестной женщины имѣютъ такую силу, которая даже неизвѣстна Орапорамъ и Поэтамъ. Посмотрите на міръ и вы увидите, что красота повелѣваетъ всѣмъ; она внушаетъ уваженіе, которое проспирается даже до обожанія, красота возбуждаетъ вошоргъ, желанія, и всѣ спраспи милья сердцу. Взгляните въ Исторію временъ, загляните въ сѣдую древность и вы найдете, что женщины всегда были одарены такою плбняющею красою, которая имѣетъ могущеспвенную силу надъ цѣлымъ міромъ. Для красоты Цари носили оковы, красота рекла и Персеполь, величеспвенная споллица Персовъ, обрашплась въ прахъ — улыбнулась и гордыя зданія возвышающся — сняла покрывало, опскрыла снѣжную грудь — и суровые Ареопаги преспупающъ законъ. . . .

Женщины! милья сущеспва! вы созданы для ушѣхъ рода человѣческаго, вы спворены для блага людей — въ мла-

денчествѣ нашемъ, вы питаете насъ, насъавляете какъ преиши прудной пушь жизни — въ юности вы сосавляете всѣ ушѣхи жизни; на розовыхъ устахъ вашихъ человекѣ обрѣтаеиъ тѣ неизрѣченныя удовольствія, которыхъ ничемъ описать не возможно — въ старости нашей, вы служите намъ опорой и ушѣшаете еще насъ при дверяхъ гроба. На прагѣ смерти чувствительной человекѣ взглянеиъ съ удовольствіемъ еще на женщину и спокойно спупииъ въ вѣчность. . . .

Живите милыя! для блага людей, сосавляйте все блаженство человекѣ, вышнее Существо произвело васъ для щастія людей — будьте великодушны, милы, любезны и умѣйте прощать тѣмъ, кто смѣлъ васъ ненавидѣть!

---

#### IV.

#### *Баботка.*

Какъ жалокѣ человекѣ! говорилъ однажды Леандрѣ, преперпѣвшій многія въ жизни нещастія — что можете быть

блаженнѣ состоянїя пестрой бабочки! она летаешъ по волѣ, не знаетъ ни заботъ, ни скорьби, ни печалей, цвѣлой вѣкѣ только любитъся и порхаешъ съ цвѣтка на цвѣтокъ; подъ яснымъ небомъ, при сїяніи краснаго солнца, котораго лучи придають болѣе блеску и красоты милымъ крылушкамъ ея — придетъ люпая зима, она заснетъ спокойно, доколѣ весеннее солнце оживитъ ее теплошворными своими лучами. Она вспрынетъ, расправитъ крылья, полешитъ — и снова начинаешся жизнь ея и снова блаженство печетъ рѣкою для нее. А человекъ, которой называетъ себя умнѣйшею шварью — земнымъ Богомъ — сей самый человекъ преданный ужаснѣйшимъ спрасямъ, въ мечтанїи гоняется за суешностїю, ничтожною славою, налагаешъ самъ на себя оковы и не умѣешъ наслаждаться свободою, симъ первѣйшимъ благомъ жизни!

Такъ философствовалъ Леандръ — и вдругъ превращается въ бабочку — летитъ, порхаешъ — въ чистое поле, въ

зеленой лугъ, въ цвѣтущій садъ — О какъ онъ былъ тогда доволенъ, веселъ! какъ благодарилъ судьбу за свое превращеніе! Теперь не буду болѣе я жертвою злобы людей — забуду васъ люди — никогда не полечу въ столицу, нѣшъ! я буду лепашъ въ чистомъ полѣ, въ бѣдныхъ селеніяхъ, и среди невинности, покоя и ушѣхъ, буду наслаждаться свободою!

Вдругъ черной жукъ налетѣлъ на неоспорожную бабочку — сполкнулся съ нею — ударилъ — она упала и долго, долго не могла опомниться. Наконецъ очнулась и только что хотѣла подняться на воздухъ, какъ злобной рабенокъ схватилъ ее, принесъ въ комнату и посадилъ въ пемницу — подъ крышкой спаканъ. . . . Что дѣлала тогда бабочка? Кто можетъ описать ея страданія и ежеминутной страхъ лишенія жизни, столь пріятной и для насѣкомыхъ!

По щастію бабочки вошелъ отецъ сего дитяши — онъ былъ человекъ умной и просвѣщенной, онъ зналъ, что всѣ

страши и пороки малы при началѣ, но въ послѣдствіи подобно рѣкѣ разливающихся и поглощающихъ всѣ семена добродѣтели. Онѣ хопѣлъ искоренишь въ сынѣ своемъ страхъ къ звѣрству при самомъ началѣ. И вотъ какъ онѣ это сдѣлалъ — онѣ поставилъ дѣтя въ холодной каминѣ и заперѣ его шамъ — сдѣлалъ сравненіе между положеніемъ его и бабочки, пронулъ до слезъ дѣтя и заспавилъ его дашь слово, что онѣ исправилъ. И такъ бабочка опяшь на волѣ — вдругъ несносной учитель бошаники бѣгаетъ за бабочкой, кидаетъ на нее плашокъ, приноситъ въ свой ученой кабинетъ, любуется ею, показываетъ ее своимъ ученикамъ — они рѣзвятся, прыгаютъ — бабочка препенетъ, бьется — учитель извѣсняетъ родъ ея, видѣ — и въ дополненіе радости пестрой бабочки, прокалываетъ ее на сквозь булавою и спавилъ въ свой кабинетъ Естественной Исторіи. Тутъ узнала бабочка, что и насѣкомья имѣютъ свои горести, свои несчастія — Если бы я остался Леандромъ, то не сидѣлъ бы

два часа подъ накрытымъ спаканомъ и  
небылъ бы пропкнутъ насквозь булавкою!

Какъ мы безразсудны! часто сбшу-  
емъ на судьбу, часто завидуемъ мни-  
мому щастію другихъ — и не знаемъ  
цѣны собственному нашему блажен-  
ству!

---

V.

*Первой Силуэтъ.*

(Изъ Archives Litteraires de l'Europe.)

Въ древнія времена, когда Коринфъ  
былъ далекъ еще отъ той славы, до  
которой достигъ въ послѣдствіи, жилъ  
въ семъ городѣ горшечникъ по имени  
Дивушадъ. Онъ былъ очень уважаемъ  
отъ своихъ согражданъ, ибо горшечное  
искусство было въ почтеніи у древнихъ  
Грековъ. Дивушадъ дѣлалъ не только  
сосуды, которые употреблялись еже-  
дневно и еще болѣе цѣнились по по-  
гдашней простотѣ и умѣренности, но  
онъ дѣлалъ и шѣ, кои служили при свя-  
щеннодѣйствіи, а также и урны въ

кошорыхъ хранился пепелъ усопшихъ и кошорыя споль же были священны, какъ и сосуды для жертвоприношенія. Къ шому же художникъ не могъ унизишь достоинства ремесленника, ибо живопись и ваяніе не были еще извѣстны въ Греціи. Для изображенія боговъ упошребляли они сполбъ, чешвероугольной камень или пирамиду, на нихъ подписывали названіе божества кошорому поклоняшья желали. (\*) Послѣдующимъ шакже временамъ одолжены были опкрышіемъ Коринфской мѣди, кошорая послѣ въ шакой была славѣ.

Дивушадѣ сдѣлался первымъ въ своемъ ремеслѣ по чувству художества, кошорое онъ въ работѣ своей умѣлъ соединишь съ искусствомъ опдѣлки. Всѣ вазы и урны его работы опличались пріяшною наружноспію, а красной цвѣтѣ, кошорой онъ опкрылъ, увеличивалъ еще болѣе сію пріяшность.

Но очень рѣдко случается, чшобы дарованіе, кошорое возвышается до нѣ-

---

(\*) Winkelmann, Hist. de l'Art. T. I. chap. I.

копорой степени искусства, не было сопровождаемо хощя малымъ приспращіемъ къ художеству или ремеслу; и Дивупадъ ремесло свое спавилъ выше всѣхъ прочихъ, и ежели бы всѣ его сограждане, даже и знашнѣйшіе, пожелали имѣть руку его дочери, по онъ выдалъ бы шолько ее за искуснѣйшаго горшечника.

Прекрасная Филея знала намѣреніе своего опца, но ей надобно бы было знать объ этомъ два мѣсяца прежде. Она узнала его тогда уже, когда слишкомъ много видѣла въ глазахъ Ариспона, копорой къ несчастію былъ не горшечникъ. Онъ часто называлъ ее *милою*, *прелестною*, и можно ли ей было забыть Ариспона? Иногда она упѣшалась мыслію, что отецъ любя ее нѣжно, не выдастъ замужъ по неволѣ; иногда съ безпокойствомъ вспоминала послѣднія слова умирающей матери своей: *не нарушай спокойствія отца*. — Тутъ она заливалась слезами, но любовь шепшала ей на ухо, что первая ея мысль лучше послѣдней

и что нѣжной опецѣ не захочетъ по-  
жертвовать ея щасіемъ прихоти.

Но богатство Ариспона болѣе всего  
ее успокоивало. Онъ былъ сынъ Ага-  
покла, строителя кораблей, которой  
въ искусствѣ семъ превосходилъ всѣхъ  
своихъ пропивниковъ, какъ какъ Диву-  
падъ въ горшечномъ. Слава его гре-  
мѣла повсюду и пруды его награжда-  
лись богатою рукою. Какой опецѣ не  
принялъ бы съ радостію такого зятя,  
каковъ Ариспонъ?

Дивупадъ же совсѣмъ не уважалъ  
сими опличіями. Онъ давно уже зналъ  
спрасть своей дочери, а Филея и не  
подозрѣвала того. Молодой дѣвушкѣ  
очень трудно скрыть свою любовь отъ  
того, кто за нею присматриваетъ.  
Правда, Филея очень часто сама себѣ  
измѣняла, задумчивостію, вздохами, оп-  
вѣчала не къ спати, что и подавало  
болѣе причинъ отцу ея утвердиться  
въ своемъ подозрѣніи. Хорошая старушка  
кормилица Филеи, при сдѣланныхъ ей  
вопросахъ, щипая безполезнымъ, а мо-

жешъ бышь и опаснымъ скрывать тайну  
ошъ своего господина, открыла ему все

Дивушадъ зналъ Ариспона, уважалъ  
его и часто хвалилъ его Филей; но ему  
не хотѣлось имѣть зятемъ корабель-  
наго мастера, онъ хотѣлъ выдать дочь  
свою за такого человека, которымъ бы  
вмѣстѣ съ нимъ дѣлалъ глиняныя гор-  
шки. Ежели и огорчало его положеніе  
дочери, то упрямство дѣлающее иногда  
самыхъ добрейшихъ людей несправедли-  
выми и суровыми, не позволяло ему со-  
гласиться на сіе соединеніе. Онъ хо-  
тѣлъ силою разлучить любовниковъ, но  
чтобы воспрепятствовать сему союзу,  
предпринялъ употребить къ тому всѣ  
средства; а между тѣмъ почелъ за  
лучшее сохранить сіе въ тайнѣ, при-  
смащивать за дочерью и ожидать ошъ  
времени удобнаго къ сему случаю.

Однажды Дивушадъ опозванъ былъ  
на ужинъ, Ариспонъ пришедъ къ Фи-  
лею, сказалъ ей: я долженъ расстаться  
съ тобою на нѣкоторое время, завтра  
спускаютъ построенный оцемъ моимъ  
корабль, который назначенъ на одинъ

въ островѣ Ионическаго моря, а какъ  
 по еще въ первой разѣ посылаюшъ въ  
 ю страну, по необходимо нужно, чшобы  
 на немъ отправился. Любовь повелѣ-  
 ваетъ моремъ, оно будетъ мнѣ благо-  
 пріятно. Чрезъ три недѣли я возвра-  
 щусь.... — Чрезъ три недѣли? сказала  
 Филея въ слезахъ, какъ мнѣ съ побою  
 шакъ долго невидаться? Когда я себя  
 одинъ день не вижу, по умираю съ по-  
 ски? Нѣсколько разѣ желала я сидя  
 предъ зеркаломъ, запечатлѣть на немъ  
 рисунокъ своего лица, и подарить шебъ  
 его! Ахъ, ежели бы возможно было  
 какимъ нибудь очарованіемъ оставитьъ  
 здѣсь свои чертил, тогда бы я спокой-  
 вѣе ожидала своего возвращенія. Въ  
 сихъ словахъ, заключалось желаніе Фи-  
 леи, иначе она не могла извясниться,  
 пошому что въ это время еще не знали  
 живописи.

Чувствительная Филея едва успѣла  
 сказать сіе, какъ Аристонъ нечаянно  
 сблъ подлѣ зажженной лампы, коей  
 лучи изображали на стѣнѣ совершенно  
 похожую тѣнь его лица. Филея какъ

будто вдохновенная смогришь на ст видишь на ней изображеніе своего бовника. Непрогайся съ мѣста, говор она ему, бѣжишь, берешь изъ жар уголь и умоляя Венеру обрисовыва шьнь. Греку лишь одному удобно яснишь чувство Греческой дѣвушки сію минушу! въ восхищеніи опѣ усп Филея шѣмъ спокойнѣе проспилася Аристономъ, что по возвращеніи оп ея любовника хощѣлъ говорить о ея опцу.

Но развѣ Дивушадѣ не можешъ спѣишь примѣшишь черной обрисов Обѣ эпомъ подумала Филея ложась сп и опѣ сей мысли сердце ея запр тало.— Да что же? эпо нарисовано нымъ — не ужели можно доказать, эпо моя работа? Да и кто узнает что эпо портретъ Аристана? — По сего размышленія сердце Филеи ус коилось и она уснула мечтая о сво любовникѣ.

Однакожъ Филея очень ошиба въ своихъ заключеніяхъ. Она еще проснулась, а опецъ ее увидѣлъ эски

узналъ черты Ариспона и все еще сомнѣвался, вѣришь ли своимъ глазамъ. Онъ нимало не осердился, а опъ удивленія былъ даже внѣ себя, и не прежде успокоился, какъ узналъ опъ кормилицы всю исторію о поршрешѣ. Не лзя описать радости Дивушадовой. Онъ видѣлъ важность сего изобрѣшенія — это было произведеніе его дочери и любовникъ ее подалъ къ тому причину. Она уже имѣла все право на полученіе руки прославившейся успѣхомъ въ опдѣлкѣ поршреша. Чесъ принуждала его переменить прежнее намѣреніе, и самолюбіе даже извиняло его въ выборѣ зятемъ Ариспона. Онъ за щасіе поставилъ, слѣдуя пайной своей склонности, исполнить желаніе милой Филей.

Дивушаду одушевленному Геніемъ при разсмащриваніи эскиза пришла мысль, опъ копорой онъ надѣялся не только возвыситъ и обогатитъ свое ремесло; но даже посредствомъ сего изобрѣшенія основать новое художество. Въ шу же минушу хочетъ здѣлать первой опытъ и ежели успѣшетъ

въ своемъ намѣреніи, то какое пріятное удивленіе сдѣлаешь своей дочери и пѣмъ дастъ ей знать о будущемъ благоденствіи; но прежде, нежели окончишь сіе предпріятіе, Дивупадъ рѣшился не говорить объ этомъ ни слова.

Филея выходя изъ своей комнаты, примѣтила, что отецъ ея чрезвычайно былъ веселъ. Онъ взялъ ее съ нѣжностію за руку и сказалъ ей: посмотри, какое прекрасное утро! поди погулять съ своею подругою къ любимому швоему Пиренскому источнику. Филея въ нерѣшимости покраснѣла и не скоро бы нашлась, что ей отвѣчать, если бы отецъ ея не ушелъ потчасъ въ свою масперскую. Пиренской источникъ болѣе всѣхъ Коринфскихъ и окружныхъ источниковъ ей нравился и для сего - то о немъ никогда она и не говорила. Ариспой идучи въ гавань или изъ гавани, всегда почти встрѣчалъ возлѣ сего источника Филею съ своею сестрою. Чемъ болѣе Филея о семъ приказаніи размышляла, тѣмъ болѣе оно казалось ей загадкою — веселость и нѣжность, съ кошорою отецъ

Внею говорилъ, приводили ее въ совершенное недоумѣніе. Долго она колебалась, что ей дѣлать — наконецъ рѣшилась исполнить волю своего отца.

Дивушадъ оставшись дома одинъ, заперъ двери, взялъ мятой глины, наложилъ ее на нарисованной дочерью скизъ, и по немъ изобразилъ почто такой же видъ, какой былъ на сѣнѣ. Художникъ можетъ описать восхищеніе Дивушада и тѣ только могутъ чувствовать сіе удовольствіе, которые видѣли окончаніе своихъ прудовъ. Дивушадъ спрашалъ слѣпокъ подъ горшки, до того времени, какъ надобно будетъ его обжечь.

Двѣ недѣли уже прошли и наступила прешія, какъ Дивушадъ узналъ отъ услужливой кормилицы, что завтрашній день ожидающъ Ариспона. Извѣстіе о семъ получено съ другимъ кораблемъ вышедшимъ изъ той же гавани прежде его корабля.

Дивушадъ призвавъ къ себѣ дочь свою, сказалъ ей: любезная Филея, я ожидаю одного изъ своихъ друзей, который теперь въ Ионическомъ морѣ,

сходи съ любимою своею подругою въ рощу, посвященную нимфамъ, общай имъ принеспи достойную жершву, ежели они покровишельспвовають будущі плаванию и щаспливому возвращеніи моего друга. Филея не опшвчала ни слова и съ удивленіемъ смопрбла на своего опца. Сшупай милая дочь, продолжалъ онъ обнявъ Филею—она какъ будто пробудившись отъ глубокаго сна, пошла къ сеспрѣ Ариспона, пересказала ей все и просила ее иди съ собою въ рощу нимфѣ.

Въ это самое утро назначено было разрѣшеніе всѣхъ сихъ загадокъ. Пущь представляшъ себѣ, что почувспвовала молодая влюбленная дѣвушка, когда проспнувшись увидѣла пропивъ своей постели вылепленной изъ глины и выкрашенной портрешъ ея любовника. Въ восхищеніи вскочивъ съ постели неодѣшая бѣжипъ къ своему опцу, бросаешя къ нему на шею, проливая испочники нѣжныхъ и благодарныхъ слезъ. — Дражайшая дочь, сказалъ онъ ей, я все знаю—сего дня же онъ будешъ мужемъ шво-

ямъ. Солнце не успѣвшъ закатиться, я введу его къ себѣ въ домъ; а шы между шѣмъ пригошовъ ужинъ для будущаго швого супруга.

Дивушадъ не замѣдливъ увидѣвшись съ Агашокломъ. Они вмѣстѣ пошли къ гавани, отъ куда увидѣли флагъ Ариспона. Попушной вѣспрѣ несъ съ спремленіемъ корабль къ берегу, уже слышны были радосшныя крики машросовъ — Ариспонъ выходитъ на берегъ. — *Сынъ мой!* вскрикнули вмѣстѣ Агашокль и Дивушадъ. Удивленный молодой человекъ не смѣетъ вѣришь сему чуду; но вдругъ почувствовавъ себя въ объятіяхъ отца Филеи орошеннаго слезами, и солнце еще не закатилось, а онъ уже былъ въ объятіяхъ его дочери.

На другой день по утру по желанію Девушадову повѣсили глинялой слѣпокъ въ храмъ Нимфъ, гдѣ онъ и хранился какъ священнѣйшая вещь, до самаго того времени, какъ Мумій превратилъ въ пепель Коринфъ. Сему изображенію художество одолжено своимъ основа-

ніемъ и опѣ онаго произошло ваяніе і  
рѣзное искусство. Греки вспоминаютъ  
о Дивушадовой дочери. Не заслуживаетъ  
ли она и нашего вниманія и благодар  
ности, пошому что мы ей обязаны  
превосходными и удивительными шворе  
ніями, собранными нами при тысячі  
лѣтѣ послѣ ея смерти? Сколько и нынѣ  
поршрешовѣ и Силуешовѣ обязаны сво  
имъ существованіемъ любви!

*Яз...*

---

---

# СТИХОТВОРЕНІЯ.

---

## I.

### *Стихи на Сонъ.*

Хаосъ идей, призракъ крылатый,  
Забвенья сынъ, опзывъ спрасшей,  
И рабъ въ цѣпяхъ, и Крезъ богашый,  
И все что дышетъ въ жизни сей,  
Все плашитъ дань швоей державъ.  
Ты царствуешь боговъ ко славъ,  
Тебѣ жжешь смершный Фиміамъ.

•

Ты Неба кажешь намъ щедрому,  
Вся въ мірѣ шварь жива шобой.  
Какую зримъ въ шебѣ доброшу!  
Когда, рассыпавъ макъ сѣдой,  
Природы пульсъ остановляешь,  
Въ свой обьяшя призываешь,  
И щастье въ нихъ вкушашь даешь.

\*

Но всякъ ли изъ людей вкушашь  
Покой ээирный, сладкій сей?  
Ахъ, нѣшъ! злодѣй его не знаешъ—  
Ты для злодѣя самъ злодѣй.

\*

Вошце на розахъ ароматныхъ  
 Мнишь спашь пріятно врагъ несчастныхъ,  
 Наспушишь ночь — пиранъ не спишь.

\*

Когдажъ себя я вопрошаю:  
 О Сонъ! что въ существѣ есть ты?  
 Коль братъ ты смерти, шо не знаю  
 Какъ зрѣшь могу твои черты?  
 • Бывъ мершвому шогда подобенъ,  
 Какъ бышь могу къ чему способенъ?  
 Какъ связь могу имѣшь съ побой?

\*

Чтобы какія зрѣшь видѣнья,  
 Потребно, мню я, для сего  
 Одну хошь искру воображенья;  
 Не лзя сна видѣшь безъ шого.  
 Я съ сномъ мечпаній не мѣшаю,  
 Когда я сплю, я не мечшаю,  
 Когдажъ мечшаю, шо не сплю.

\*

Такъ что же сушь ты сновидѣнья,  
 Кошорыя не рѣдко зрима?  
 Онѣ сушь плодъ воображенья,  
 Въ шо время мы еще не спимъ.  
 Давъ мыслямъ вольное печенье  
 Мы погружаемся къ забвенью  
 Блуждая въ хаосъ идей.

Блуждая наконецъ переходимъ  
 Къ забвенью полному, ко сну.  
 Воздушныхъ замковъ ужъ не спроемъ,  
 Не вьдимъ болѣе въ луну.  
 Отдавшись силѣ сна волшебной,  
 Все забываетъ доброй смершной,  
 И спитъ спокойно до утра!

\* \* \* \* \*

---

 II.

## Зябликъ

## Басня.

Зябликъ лешая  
 Вольность хвалилъ,  
 Чижичекъ въ клѣшкѣ  
 Слушалъ его.

Милая вольность!  
 Зябликъ сказалъ,  
 Ты мнѣ дороже  
 Въ свѣтѣ всего!

Тамъ я лешаю  
 Гдѣ захочу,  
 Нѣтъ мнѣ преграды  
 Вѣчно нигдѣ.

Въ роцѣ, долинь,  
 Въ шемномъ лѣсу,  
 Лишь пожелаю  
 Бышь я могу.

Здѣсь я съ подружкой  
 Милой резвлюсь,  
 Тамъ съ нею сядя  
 Пѣсни пою.

Все мнѣ къ веселью  
 Служишь вездѣ —  
 Все мое щасье  
 Вольность, въ тебѣ!

Чижицкѣ! — полно  
 Въ клѣшкѣ сидѣшь;  
 Спанемъ со мною  
 Вмѣстѣ лешашь!

Только лишь Зябликѣ  
 Рѣчь окончалъ,  
 Видишь мой Зябликѣ  
 Коршунѣ лешишь.

Гдѣ мнѣ укрышься? . . .  
 Чуть онѣ успѣлъ  
 Въ страхѣ ужасномъ  
 Только сказашь.

Коршунъ спрѣлюю  
 Въ мигъ налетѣлъ,  
 Въ мигъ вольнодумца  
 Въ когти схватилъ.

Чижичекъ вздрогнулъ,  
 Сѣлъ въ уголокъ,  
 И по шихоньку  
 Такъ говорилъ:

„Мнѣ здѣсь и въ клѣшкѣ  
 „Жишь хорошо,  
 „Доброй хозяйнѣ  
 „Только бы былъ!

*И. Ост...*

### III.

#### *Къ Зефиру.*

Почто всегда лобзаетъ  
 Зефиръ Пльниру шы,  
 И шѣмъ ее лишаетъ  
 Небесной красоты?

Она хотя пльняетъ  
 И въ сердце сладость льетъ,  
 Но знай — она шеряетъ  
 Отъ поцалуевъ цвѣтѣ.

Вчерась она гуляла  
 Резвясь въ саду со мной,  
 И сердце восхищала  
 Своею красотою.

Когдажъ я въ безмятежной  
 Любви ее лобзалъ —  
 Ея румянецъ нѣжной  
 Къ губамъ моимъ приспалъ.

*Г — 3.*

---

IV.

*С т и х и*

*Г-жѣ Жербини игравшей концертъ  
 на скрилкѣ.*

Спихами, повѣсьями, романами иль пѣньемъ,  
 Жербини! многія изъ пола своего  
 Могли изображать даръ сердца своего;  
 Но ты еще одна, живымъ смычка движеньемъ,  
 Четырехъ струнъ акордъ заставляя говорить,  
 Умѣла насъ пѣнить, восхищать, изумить.

*И — 3.*

---

## V.

*Магригалъ.*

Похожа хочешъ ли ты на Амура бышь?..

Глаза лишь надобно закрытьъ —

Захочешъ ли, чтобъ онъ пѣнился самъ шобой?

Амина! только ихъ опирой.

О...

## VI.

*Эпиграмма.*

Эразмъ палъ на войнѣ, Клеантъ палъ отъ

игры,

Иной осшавилъ свѣтъ отъ злой своей жены,

Педантажъ вгнала въ гробъ пропущенна *Брока*—

Кшо можешъ устоять противъ ударовъ рока!

... ва.

## ИЗВѢСТІЯ.

Россійскія книги:

1.

*Сельской Житель или Георгики Французскіе, Поэма въ IV пѣсняхъ, сочин. Ж. Делля, перевелъ съ Французскаго Е. Станевича. М. 1804. (вышла въ 1805.) въ 8.*

Долго Словесности нашей недоставало сего прекраснаго шворенія. Какъ Французы могутъ гордиться подлинникомъ, такъ мы можемъ похвалиться переводомъ. Г. Станевичъ перевелъ сію Поэму опмѣнно почто и почши вездѣ сохранилъ красоты подлинника — есть конечно мѣста слабыя; но за то есть и такія, въ которыхъ переводчикъ равняется съ Деллемъ. Сіе тѣмъ болѣе дѣлаетъ чести Г. Станевичу, что переводъ Поэмы ни сколько не можетъ, по затрудненіямъ съ симъ сопряженнымъ, равняться съ переводомъ романа и всякой книги въ прозѣ писанной.

Въ доказательство точности перевода мы выпишемъ нѣкоторыя мѣста. Вотъ начало Делиля:

Boileau jadis a pu, d'une imposante voix,  
 Dictier de l'art des vers les rigouteuses lois;  
 Le chantre de Mantoue a pu des champs dociles  
 Hâter les dons tardifs par des leçons utiles:  
 Mais quoi! l'art de jouir, et de jouir des champs,  
 Se peut-il enseigner? non sans doute, et mes  
 chants,

Des austères leçons fuyant le ton sauvage,  
 Viennent de la nature offrir la douce image,  
 Inviter les mortels à s'en laisser charmer:  
 Apprendre à labien voir, c'est apprendre à l'aimer.  
 Inspirez donc mes vers, lieux charmans, doux  
 asilés,

Où la vie est plus pure, où les coeurs, plus  
 tranquilles,

Ne se reprochent point le plaisir qu'ils ont eu!  
 Qui fait aimer les champs, fait aimer la vertu:  
 Ce sont les vrais plaisirs, les vrais biens que  
 je chante.

И вотъ переводъ:

Предъ симъ могъ Буало, давъ важность всю  
 ученью,

Законы строгіе подашь стихотворенью;

Виргилій съ пользой могъ уроки въ стихъ  
 вмѣсшить,  
 Чемъ поздный плодъ полей послушныхъ уско-  
 рить:

Но естли правила искусству научашься,  
 Какъ жить пріятнѣе, полями наслаждашься?  
 Нѣтъ, безъ сомнѣнія; и я въ стихахъ моихъ  
 Ошвергнувъ дикій звукъ уроковъ шрудныхъ ихъ,  
 Природы красоты и прелести представляю,  
 И ею смертнаго плѣняшься здѣсь заславлю.  
 Уча познашь ее, научишь и любишь.

И такъ лишь должно вамъ мой стихъ одуше-  
 вить,

Пріятныя мѣста, убѣжища пустынные,  
 Гдѣ непорочна жизнь и гдѣ сердца невинны  
 Незнающъ укоризнѣ среди забавъ своихъ.  
 Добраша съ шишиной живушъ въ поляхъ однихъ;  
 А любишъ кто поля, шотъ добродѣтель лю-  
 бишъ:

Источникъ вѣрныхъ благъ мой жаръ къ сти-  
 хамъ сугубишъ.

Въ пѣсни четвертой:

Nature, ô séduisante et sublime déesse,  
 Que tes traits sont divers ! Tu fais naître dans moi  
 Ou les plus doux transports, ou le plus saint effroi.  
 Tantôt, dans nos vallons, jeune, fraîche et brillante,

Tu marches, et, des plis de ta robe flottante  
 Secouant la rosée et versant les couleurs,  
 Tes mains sement les fruits, la verdure et les  
 fleurs:

Les rayons d'un beau jour naissent de ton sourire;  
 De ton souffle léger s'exhale le zéphire,  
 Et le doux bruit des eaux, le doux concert des  
 bois,

Sont les accens divers de ta brillante voix.  
 Tantôt, dans les déserts, divinité terrible,  
 Sur des sommets glacés plaçant ton trône hor-  
 rible,

Le front ceint de vieux pins, s'entrechoquant dans  
 l'air,

Des torrens écumenx battent tes flancs; l'éclair  
 Sort de tes yeux; ta voix est la foudre qui  
 gronde

Et du bruit des volcans épouvante le monde.

О ты, прелестное, высоко божество —

Природа! сколь швое различно существо!

Сладчайшіе во мнѣ воспорги ты раждаешъ,  
 Иль шрепешомъ мой духъ священнымъ пора-  
 жашъ;

То шешвуя въ поля прекрасною, молодой,  
 Омъ ризы, по шебъ віющейся волной,

Льешь краски и росу, и щедрою рукою  
 Плоды, цвѣшы и злакъ шы сыплешь предъ  
 собою.

Твоей улыбкою живошворишся мѣрѣ;  
 Дыханьемъ сладоспнымъ швоимъ живешь зе-  
 фирѣ,

И шумъ прѣшныхъ водѣ, и эхи роць согласны,  
 Всѣ гласа швоего опзывы сущь прекрасны!  
 То грознымъ божешвомъ въ пущыняхъ зришся  
 шы,

Прѣвши на себя суровыя чершы;  
 Тамъ сосны древнѣя швое чело вѣнчающъ,  
 И пѣнясь, съ бедрѣ швоихъ пошоки упадающъ.  
 Твой взорѣ ешь молнѣй блескъ, швой гласѣ  
 какъ громъ рещѣ,  
 И шумомъ пламенныхъ *восторговѣ* мѣрѣ пря-  
 сешъ.

Вся Поэма переведена такъ же вѣрно  
 — нѣтъ нужды говорить о красотахъ  
 подлинника: кто не знаетъ *Сельскаго  
 Жителя*? — онъ сдѣлалъ славу Деллиля,  
 а переводъ дѣлаешъ много чести Г.  
 Станевичу.

Жаль только, что въ семъ изданіи  
 много типографическихъ ошибокъ, какъ  
 и изъ приведеннаго нами примѣра видно;

что вмѣсто *волкановъ* напечатано *восторговъ* конечно по ошибкѣ наборщика. Есть также нѣкоторыя пропуски, на примѣръ на стран. 14 пропущено 27 стиховъ — говорящъ, что поэма печаталась въ опсущствіи переводчика, а попому ошибки сіи и неудивительны; но при впоромѣ изданіи Г. Спаневичъ конечно исправитъ ихъ, и тѣмъ придастъ болѣе цѣны прекрасному его переводу.

---

2.

*Путешествіе ученыхъ въ разныя части свѣта, для изысканія истинной, обрѣтенной ими въ Индѣйской хижинѣ у добраго Парія, согни. Т. С-Піера. Переводъ съ Франц. М. 1805. въ 16.*

Маленькая книжка сія содержишь въ себѣ истиннѣ, философіи и ума болѣе, нежели иные толстые *фоліанты*. Всякой будешь ее читать съ удовольствіемъ и увидишь, что Сочинитель зналъ хорошо человѣческое сердце.

Содержаніе сей книги есть слѣдующее: многіе ученые бдушь для изыска-

нія истинны въ разныя части свѣта — Одинъ докторъ, изъ числа ихъ, ѣдетъ въ Индію, колыбель всѣхъ наукъ и художествъ, вопрошаетъ браминовъ и ученыхъ и не познаетъ ничего; наконецъ случайно заходитъ въ хижину Парія — разговоръ Доктора съ нимъ, есть основаніе сего сочиненія и исполнено философическихъ умствованій и непреоборимыхъ истинъ.

„Въ какой странѣ Индіи стоишь ты, шивой пагодъ? спросилъ Докторъ. Вездѣ, отвѣчалъ Парія, мой пагодъ есть Напура; я поклоняюсь ея Творцу при восхожденіи Солнца и благословляю его при захожденіи. Будучи наученъ нещастіемъ, я никогда не опказываю въ помощи пому человѣку, которой еще нещасливѣе меня. . . . Я ожидаю смерти подѣ конецъ моей жизни, какъ пріятнаго сна ввечеру. — Изъ какой книги почерпнулъ ты сіи правила? спросилъ Докторъ. — Изъ Напуры, отвѣчалъ Индѣецъ, я другой не знаю. — Кто выучилъ тебя читать ее? — Нещастіе. . . . „

На спран. 66. „Истинна подобна росѣ небесной, для сохраненія въ чистотѣ, надобно собирать ея въ чистой сосудѣ., — Сколько ума и филофїи въ сихъ словахъ!

Переводъ изряденъ — хошя переводчикъ и пишетъ *Матура, Компаніонъ* и проч; но симъ погрѣшностямъ извинить можно за книгу, которая по всѣмъ правамъ, не можетъ быть причислена къ кучѣ романовъ у насъ переводимыхъ. Для успѣха Словесности пожелаемъ, чшобы у насъ по большой части переводили такія книги.

---

Никогда Россія не была такъ богата Журналами, какъ въ нынѣшнемъ году. Прежде сего никогда не бывало болѣе трехъ или чепырехъ Журналовъ издаваемыхъ вмѣспѣ — въ прошедшемъ 1804 году было ихъ принадацать — нынѣ семнадцать. Изъ которыхъ здѣсь въ С. Петербургѣ издаюшся девять: *Технологической Журналъ, Хозяйственной Журналъ, Периодическое изданіе о успѣхахъ Народнаго Просвѣщенія, Журналъ Россійской*

*Академіи, Сѣверной Вѣстникѣ, С. Петербургской Журналѣ, Сѣверной Меркурій, Журналѣ для пользы и удовольствія и Журналѣ Россійской Словесности. Въ Москвѣ семь: Утвенія вѣдомости, Вѣстникѣ Европы, Другѣ просвѣщенія, Новости Русской Литтературой, Политической Журналѣ, Московской курьерѣ и Журналѣ новостей на Рускомѣ и Французскомѣ языкахъ. — Въ Калугѣ: Уранія.*

Изъ сего множества заключивъ можно о успѣхахъ просвѣщенія въ любезномѣ Опечесствѣ нашемъ и о благотворномѣ вліяніи на умы, мудраго правительсва. АЛЕКСАНДРЪ повелѣвая обширнѣйшею Имперіею въ мірѣ, царствуя надъ непобѣдимыми Россами, могъ бы бытъ завоевателемъ, могъ бы устрашитъ опдаленнѣйшіе предѣлы и покоритъ вселенную—но ОНЪ суешной Славѣ предпочелъ щастіе Народа, открылъ ему путь къ просвѣщенію, воцарилъ Испинну на Престолѣ и воздвигъ себѣ безсмертный памятникъ въ сердцахъ народныхъ —

---

Всѣ иноспранные журналы гово-  
рятъ о чудномъ феноменѣ Англинскаго  
шеатра. Россійская публика чипала уже  
въ *Вѣстникѣ Европы* и въ *Сѣверномъ Вѣ-  
стникѣ* о 14 лѣшнемъ *Бетти*, которой  
(еслии вѣришь иноспраннымъ журна-  
ламъ) превосходитъ даже Гаррика. Въ  
Лондонѣ называющъ сего рабенка *гудомъ*  
и даже *созвѣздіемъ* шеатра (constelation).  
Въ первой разѣ когда онъ игралъ на  
Ковен-гарденскомъ шеатрѣ, по спече-  
ніе зрипелей было не обѣянное — и ше-  
перь еще когда онъ играетъ, шеатрѣ  
всегда бываешъ полонъ и почти всегда  
происходящъ ссоры за мѣста. Въ Лон-  
донѣ два сочинишеля написали *Исторію*  
*его жизни*, а шрепій *Критической отчетъ о*  
*успѣхахъ Бетти въ драматическомъ иску-*  
*ствѣ*. Одинъ книгопродавецъ обѣявилъ  
*Изданіе тѣхъ нѣсѣ*, въ которыхъ игралъ  
*Бетти*, хопя ихъ не шакъ еще много и  
не смотря на то, что онъ нѣсколько  
разъ и въ разныхъ изданіяхъ напеча-  
шаны. Бетши приняшый отъ публики  
сѣ большими рѣкоплесканіями, принящъ  
хорошо знашными и у двора. Кажешся,

что все забыли и только удивля  
ему, объ немъ только и говорящъ  
скажетъ, что его не видалъ,  
почтутъ невѣждою . . . Къ сожа  
говорящъ, что здоровье Бешпи с  
випись хуже — это очень легко мо  
случиться отъ сильнаго напряже  
въ такихъ еще незрѣлыхъ лѣ  
Много разказывающъ про Бешпи  
забавнѣе всего то, что онъ  
важныя роли въ трагедіяхъ, бѣ  
послѣ спектакля къ дѣтямъ, иг  
въ мячикъ, рѣзвился, и изв  
дѣлается сущимъ рабенкомъ!

---

Въ то время какъ АЛЕКСАН  
по сродному ЕМУ только великою  
покровительствуетъ Науки, обод  
раждающіеся таланты и печется  
свѣщеніи народовъ, ввѣренныхъ І  
Его Державѣ, — во всей почти І  
науки спѣсняются, даже шворени  
кихъ писателей и философовъ пе  
гоненіе. Испанія можетъ служить  
доказательствомъ. Въ 1 Но М

Encyclopedique сего года, помѣщенъ реэспрѣ книгамъ запрещеннымъ Инквизиціею. Кондильякъ, Мабли, Вольперѣ, даже трагедіи Корнеля, запрещены въ Испаніи подѣ шѣмъ предлогомъ, что они наполнены *противузаконными, волнодумными и соблазнительными* мыслями. Мы не будемъ вписывать сюда сего реэспра; но скажемъ шолько, что блаженна ша спрана, гдѣ милосердый **МОНАРХЪ**

Развязывая умъ и руки,  
 Велишѣ любишѣ шорги, науки,  
 И щасшье дома находишѣ!  
 / (Ода Фелицѣ)

---

### С М Ъ С Ъ.

Одинъ неизвѣстный прислалъ къ Издашелю Эпиграмму на Журналъ Россійской Словесности. Она была написана на выворошѣ, съ приказаніемъ *протитатъ се въ зеркалѣ*. Эша выдумка уже довольно оспра — прочишавъ же Эпиграмму Издашель нашелъ въ ней шолько остро-

пы и ума, что хоща она и писана на его щепъ; но желая доставить случай Чипапелямъ посмѣяться, съ удовольствіемъ помѣщаетъ ее:

*Эпиграмма.*

Прочтя Журналъ Россійска слова  
 Всякъ можешь смѣло объявить,  
 Что у шворца рука здорова;  
 Но голова . . . болитъ!

Издатель не знаетъ сочинителя сей Эпиграммы; но онъ безъ всякаго оскорбленія, отъ чистаго сердца, благодаритъ его за острую шутку. . . .

---

*Письмо къ новорожденному младенцу.*  
 (изъ Иностраннаго Журнала.)

Наконецъ ты увидѣла свѣтъ, милая малюшка, желаю, чтобы ты долго наслаждалась удовольствіями, которыхъ онъ приноситъ — въ дѣйствіе была утѣшеніемъ родителей твоихъ и опорой ихъ въ старости; желаю сердечно,

чтобы къ довершенію благополучія имѣла ты кормилицу, которая бы не посѣяла въ невинномъ сердцѣ швоемъ семенъ суевѣрія.

Тебя шеперь можно назвашь фило-софкою — суешы міра сего шебя не прельцають; нещасія и горести не возмущають швоего покоя, шы взираешь равнодушно на всѣ замыслы людей — и блескъ знашности, богатштва, шебя не прельцаешь. Еще нѣсколь-ко мѣсяцовъ шы будешь наблюдашь глав-нѣйшее правило въ разговорахъ — молча-ніе. Хотя и часшо будешь покушашься прервашь оное, по новости предмѣшовъ шебя окружающихъ. По мѣрѣ возраста швоего, философія швоя пошпепенно будешь уменьшашься. Тебя во первыхъ поразитъ горящая свѣча — можетъ бышь ошъ сего произойдетъ въ шебѣ спрасъ ко всему блистательному. Берегись сей наклонности — она можетъ ввергнушь шебя въ шьму золъ. Наконецъ придетъ время — и спраси нарушатъ спокойшвіе швоего духа. Не впадай въ сѣши лести, не вѣрьь соблазнительнымъ словамъ му-

щинѣ, столь пріятнымъ; но опаснымъ для женщинѣ . . . . — Я не надѣюсь ошѣ тебя получишь теперь опѣвѣта, ты не можешѣ еще читашѣ письма моего; но для собственнаго блага своего желаю, чшобы по приобрѣшеніи сей способности, письмо мое было первое, которое бы ты прочитала . . . .

\*

Анекдоты театральные есшъ самые любопытные и забавные. Мы видали иногда, что партерѣ на мѣсто слезѣ и восторга, хохоталѣ въ дурныхѣ трагедіяхѣ, еще хуже того разыгранныхѣ; но это не мудрено — въ Лондонѣ всѣ зрители однажды смѣялись въ самой лучшей Шекспировой трагедіи и тогда, когда главную роль игралѣ славной *Гаррикѣ*. — Это случилось такимѣ образомѣ:

Когда давали трагедію *Асара*, какой-то полсшой Адвокатѣ въ рыжемѣ парикѣ пришелѣ въ театрѣ съ своею легавою собакою и сѣлѣ у самаго оркестра. — Поднялась занавѣса — любопытная собака спала на заднія лапы, оперлась передними на сцену и сѣ удивле-

ніемъ поглядывала на акшёровъ. Въ театрѣ было множество зрипелей — Адвокапу спало жарко, онъ снялъ съ себя свой рыжій парикъ и надѣлъ на собаку. Гаррикъ увидя шакого новаго зрипеля, не могъ удержаться опъ смѣха — всѣ акшёры засмѣялись и побѣжали за кулисы. Къ довершенію сей забавной сцены собака въ парикъ вскочила на Театръ, залаяла и погналась за Гаррикомъ — актёры такъ смѣшались, что не могли уже кончить трагедіи...

\*

Послѣ перваго представленія *Школа Злословія*, Шериданъ, Сочинитель сей Комедіи, разговаривая съ своимъ пріятелемъ о томъ, какъ приняла ее публика, спросилъ: понравилась ли Кумберланду *Школа Злословія*? — Онъ ни разу не улыбнулся, сказалъ ему пріятель. — *Какъ Кумберландъ неблагодаренъ!* сказалъ Шериданъ, когда играли его трагедію, я съ начала до конца смѣялся.

\*

Когда на здѣшнемъ Нѣмецкомъ театрѣ давали *Торгову Мѣльницу*, оперу въ

родѣ *Русалки*, публика мален надцати-лѣтней актрисѣ закри — Малютка подойдя къ оркестру зала зришелямъ: *Извините, я не болше!* Эти слова сказанные съ невиннымъ проспосердечіемъ ждены были громкимъ рукопле-

\*

При представленіи *Севильскаго цирюльника*, одинъ флегмастикъ партерѣ, заснулъ при началѣ и проспалъ благополучно до конца спектакля. Наконецъ шумъ зришелямъ дилъ его. *Что? женился ли?* спросилъ онъ у сидѣвшаго возлѣ него. *Женился. — Ну, хорошо!* сказалъ флегмастикъ и пошелъ домой. — За чѣмъ приходилъ въ театръ? узнашь, ли Альмавива, или нѣтъ.

\*

Одна молодая актриса на комедіи, не съ такимъ жаромъ опчаяніе о измѣнѣ любовника, должно было. Другая актриса вала ей, какъ должно сыграть, но она ни какъ не могла игра-

Не ужели это для тебя такъ мудрено, сказала учительница, поставъ себя на мѣсто оскорбленной любовницы — вообрази, что человекъ, котораго ты спрочно любила, измѣнилъ тебѣ, вообрази всѣ тѣ способы, которые бы ты взыскивала для... — Я? прервала ученица, я старалась бы найти другаго любовника.—Въ такомъ случаѣ, сказала спаршая актриса, мы обѣ перемѣ время — съ такимъ равнодушіемъ ты никогда не будешь играть хорошо роль оскорбленной любовницы.

---

### ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Сии четыре книжки составляютъ первую часть *Журнала Россійской Словесности*. Не перемѣняя ни сколько плана объявленнаго мною, я приложу все спараніе, чшобы и слѣдующія 8 книжекъ удостоились благосклоннаго отзыва Публики, шполь лестнаго для всякаго Сочинителя.

Чувствительно благодарю всѣхъ особъ присылавшихъ мнѣ сочиненія свои

и переводы для помѣщенія въ Журналъ и приглашаю всѣхъ упражняющихся въ Словесныхъ Наукахъ участвовати въ семъ Изданіи, посвященномъ единственно *новымъ* произведеніямъ Ошечественной Словесности.

Наконецъ — долгомъ моимъ почишаю сказать, что кромѣ *басни Соловья, Письма вдовы Ж. Ж. Руссо, Бѣли и Перваго Силуста*, все въ прозѣ, (помѣщенное въ сей первой части Журнала,) писано мною.

*И. Брусиловъ.*

Конецъ первой части.

---

*Апрѣля 3 дня.*

# О Г Л А В Л Е Н І Е

## Первой Части.

---

### № 1.

	Стран.
I. Къ Чипашелямъ — — — — —	3
II. Нѣчто о Кришикѣ — — — — —	5
III. Письмо деревенскаго жишеля о воспитаніи — — — — —	9
IV. Извлеченіе изъ сочиненій Вольшера	29
V. Ода чловѣкѣ — — — — —	38
VI. Геро и Леандрѣ, Каншаша — —	46
VII. Истинна во дворцѣ — — — — —	50
VIII. Мадригалѣ — — — — —	52
IX. Эпиграммы — — — — —	—
X. Извѣстія — — — — —	53
XI. Смѣсь — — — — —	56

---

### № 2.

I. Письмо къ пріятели о Рускомѣ Театрѣ — — — — —	59
II. Мои мнѣнія — — — — —	70
III. Соловей, басня — — — — —	84
IV. Чувствующій Кедрѣ — — — — —	87
V. Извлеченіе изъ сочиненій Вольшера —	89
VI. Признаніе — — — — —	98
VII. Ода безначаліе — — — — —	104
VIII. Уединеніе — — — — —	108
IX. Къ дружбѣ — — — — —	110

	Сгран.
X. Къ Хлобъ — — — — —	111
XI. Эпиграммы — — — — —	112
XII. Извѣстія о Россійскихъ книгахъ —	113
XIII. Смѣсь — — — — —	121

---

### № 3.

I. Путешествіе въ Храмъ Вкуса —	126
II. Письмо къ Издашелю — — — —	139
III. Письмо вдовы Ж. Ж. Руссо къ г. Дубровскому — — — — —	146
IV. Приказаніе Швейцару — — — —	155
V. Быль — — — — —	157
VI. Плачь Королевы Маріи — — — —	165
VII. Гробница друга — — — — —	166
VIII. Къ Лизѣ — — — — —	170
IX. Вѣрный любовникъ — — — — —	175
X. Триолетъ Олинкѣ — — — — —	177
XI. Эпиграфия — — — — —	—
XII. Извѣстія: Россійской театрѣ —	178
Россійскія книги — — — — —	181
XIII. Смѣсь — — — — —	186

---

### № 4.

I. Путешествіе на Островъ Подлецовъ	189
II. Спрѣла — — — — —	196
III. О Женщинахъ — — — — —	200
IV. Бабочка — — — — —	206
V. Первой Силуэтѣ — — — — —	210
VI. Стихи на сонѣ — — — — —	223

	Стран.
VII. Зябликѣ, басня — — — — —	225
VIII. Кѣ зефиру — — — — —	227
IX. Спихи Г-жѣ Жербини — — — — —	228
X. Мадригалѣ — — — — —	229
XI. Эпиграмма — — — — —	—
XII. Извѣстія о Россійскихѣ книгахѣ —	230
XIII. Смѣсь — — — — —	241
XIV. Ошѣ Издашеля — — — — —	247

### О п е ч а ш к и 1 Ч а с т и.

Стран.	Стр.	Напечаш.	Чаш.
4.	7.	Рускихѣ	Рускихѣ
30.	22.	сказываетѣ	сказываютѣ
—	26.	поминаетѣ.	понимаетѣ.
58.	9.	Нѣкоторыя	Нѣкоторыя
71.	2.	у намѣ	на умѣ
106.	23.	шорны	шроны
108.	18.	возвышенія!	возвышеніе!
109.	5.	живѣ съ собой,	живиѣ съ собой,
192.	13.	достосшвѣ.	достошвѣ.